

Киба Д. В.
D. V. Kiba

ПОИСКИ ТРАКТОВОК ДЕФИНИЦИИ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКОЙ

INTERPRETATIONS OF THE TERM 'INTELLIGENTSIA' IN RUSSIAN HISTORICAL SCIENCE

Киба Дарья Валерьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681021, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Комсомольская, 50-336; 8(4217)59-16-40. E-mail: kbadv@koms mama.ru.

Ms. Darya V. Kiba – PhD in History, Associate Professor at the Department of History and Archival Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur), Russia, Komsomolsk-on-Amur, Komsomolskaya St., building 50, office 336; phone: (84217) 591640. E-mail: kbadv@koms mama.ru

Аннотация. В статье рассматривается трактовка термина «интеллигенция» дореволюционной исторической и философской литературой. Характеризуются подходы к определению понятия «интеллигенция», получившие распространение в советской историографии. Выделяются основные современные направления концептуализации интеллигенции.

Summary. The paper considers the interpretations of the term 'intelligentsia' by the pre-revolutionary historical and philosophical literature. Approaches to the definition of 'intellectuals' that were widely spread in the Soviet historiography are characterized. Three basic areas of the modern conceptualization of the intelligentsia are identified.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллигентность, интеллигентоведение, умственный труд, служащие, социологический методологический подход, нравственный методологический подход.

Key words: intelligentsia, intelligence, investigation of the intelligentsia, intellectual labor, employees, sociological methodological approach, moral methodological approach.

УДК 94 (470) (571.6)

Проблема интеллигенции относится к тем темам, научная и практическая значимость которых не ослабевает с течением времени. Вокруг нее разгораются дискуссии, к ней возвращаются исследователи, чтобы переосмыслить ее в новой ситуации, под новым углом зрения.

В отечественной исторической науке существует ряд методологических подходов к изучению феномена интеллигенции, что определяет многообразие дефиниции «интеллигенция». Данное разнообразие нельзя объяснить только субъективными склонностями разных авторов. Оно обусловлено объективной сложностью, многогранностью и динамичностью определяемой группы. В системе общественных отношений интеллигенция является подчиненной категорией, этим объясняется ее динамика в зависимости от этапов развития общества. Размытость терминологии указывает также на стадию крупных сдвигов в науке, на формирование нового знания о логике исследовательского процесса.

Исследования этимологии слова «интеллигенция», показали, что мнение о российском происхождении этого термина безосновательны. Корневая основа слова восходит к латинскому языку, и, перейдя в европейские языки, оно стало использоваться для определения высших социальных групп, обладавших известным образованием и претендовавших на управление государством. В литературе часто встречается точка зрения, согласно которой, в

Киба Д. В.

ПОИСКИ ТРАКТОВОК ДЕФИНИЦИИ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКОЙ

обращение термин «интеллигенция» ввел П. Д. Боборыкин, имея в виду высший образованный слой общества. Однако в 1996 г. С. О. Шмидт обнаружил это слово в дневниковой записи В. А. Жуковского (2 февраля 1836 г.) [14, 409-417]. Он употреблял слово таким образом, что оно ассоциировалось у поэта с европейской образованностью и нравственным поведением. В 80-е гг. XIX в. в России словом «интеллигенция» стали называть образованных людей, взявших на себя социальную роль выражения общественных потребностей в политической, социальной, культурной модернизации российского общества.

Религиозно-философская традиция XX в. (С. Н. Булгаков, С. Л. Франк, Н. А. Бердяев, Г. П. Федотов) выделяла в качестве доминантной характеристики интеллигенции: мировоззренческие, религиозно-духовные, этико-психологические признаки или идейность. Определяющим признаком интеллигенции было отношение к духовным ценностям. С. Л. Франк считал, что социальное своеобразие интеллигенции определяется особенностями духовного склада, типом мировоззрения, а не местом, которое занимает эта группа в системе общественного производства. Н. А. Бердяев писал, что интеллигенция является духовной элитой русского общества. С таким определением солидаризировались авторы сборника «Вехи». Отправной момент понимания интеллигенции для веховцев – предмет деятельности, а не ее характер. Предмет деятельности превращался в идею, поэтому идейность лежала в основе веховского понимания интеллигенции.

В литературе конца XIX – начала XX вв. появляются социально-профессиональные характеристики интеллигенции. В частности, в социалистической литературе стала преобладать точка зрения, согласно которой интеллигенция является социально-экономической, межклассовой группой работников умственного труда. Такой подход был представлен в работе С. Я. Вольфсона, где указано, что интеллигенция – это группа, находящаяся между мелкой буржуазией и пролетариатом, которая живет продажей своей умственной энергии. А. В. Луначарский в работе «Интеллигенция и религия» к интеллигенции относил людей науки и техники, обладавших человеческим опытом и наибольшим образованием. Один из выделяемых признаков – образование, но уровень образования определен не четко. А. В. Луначарский полагал, что интеллигенция представляет собой мелкобуржуазную группу, продающую свой труд имущим. Однако он выделял немногочисленных близких к пролетариату представителей интеллигенции [5].

Положение В. И. Ленина об отнесении к интеллигенции представителей умственного труда, «... всех образованных людей, представителей свободных профессий вообще, представителей умственного труда ... в отличие от представителей физического труда» было принято советским обществоведением за основу понятия «интеллигенция» [4, 413]. Интеллигенция рассматривалась лишь как компонент социально-классовой структуры общества, то есть как социальная прослойка.

Всплеск поисков ключевой дефиниции «интеллигенция» отмечался в 1960-1970-х гг. Разработка вариантов определений велась М. Н. Руткевичем, С. А. Федюкиным, В. С. Волковым, М. Е. Главацким, В. Г. Ермаковым, Л. М. Зак, В. Л. Соскиным, С. А. Красильниковым, В. М. Селунской. В данный период в советской историографии доминировал социологический подход. Согласно ему интеллигенция – социальный слой, профессионально занятый квалифицированным умственным трудом. В статистике работников, занятых преимущественно умственным трудом, относили обычно к категории «служащие». Однако в научной литературе проводилось разделение понятий «интеллигенция» и «служащие». Под последним термином понимали социальную группу, включающую в себя часть работников нефизиче-

ского труда, выполняющую работу, не требующую среднего специального или высшего образования, большого опыта, знаний [2, 3б].

Представители советской историографии занимались изучением социального облика интеллигенции, ее структуры. Ученые, изучая интеллигенцию, предлагали различные схемы ее классификации. В соответствии с критерием «характер умственного труда», в составе интеллигенции выделялись следующие социально-профессиональные группы: *интеллигенция инженерно-техническая; научная; педагогическая; художественная; культурно-просветительская; военная; медицинская; сельскохозяйственная; интеллигенция аппарата управления, государственных служб и права.*

В ходе обсуждения вопросов социальной природы интеллигенции сформировалась позиция, представленная С. А. Кугелем и О. И. Шкаратан. Они рассматривали интеллигенцию как внутриклассовый слой в рамках либо рабочего класса, либо колхозного крестьянства на том основании, что постепенно между людьми умственного и физического труда стираются различия [12, 4].

Несмотря на то что большинство ученых подчеркивали, что главным является понимание интеллигенции как социального слоя работников, занятых умственным трудом, в целом нельзя сказать, что в советской историографии было одно общепризнанное определение интеллигенции. И. С. Кон говорил о наличии четырех различных подходов к определению этого понятия:

- 1) выделение по специфичности социального положения и отношения к другим слоям общества;
- 2) подчеркивание связи с определенным содержанием трудовой деятельности;
- 3) акцентирование определенных социальных функций;
- 4) фиксирование внимания на особых психологических свойствах.

С конца 1980-х гг. дискуссии о дефиниции «интеллигенция» возобновляются вновь. Ученые, критически осмысливая социологический подход, предлагали новые подходы, позволяющие по-иному взглянуть на природу интеллигенции. В 1988 г. Л. Я. Смоляков предложил включить в само понятие «интеллигенция» специфические черты ее образа жизни, мышления, социальной психологии, этические компоненты, критикуя сторонников социологической трактовки термина. Двуединую природу интеллигенции он видел в сочетании социальной общности с общностью культурной [8, 67-75].

Исследователи Л. П. Сверчкова и И. Ш. Шмерлинг в работе «Роль интеллигенции в перестройке общества», обозначив недостатки как социологического, так и нравственного подхода, предложили свой подход к изучению интеллигенции «...с точки зрения понимания ее как социальной группы, выполняющей функции субъекта духовного производства с присущей ему внутренней социальной неоднородностью» [7].

Н. С. Крюкова и В. Н. Самченко впервые в советской историографии попытались дать определение интеллигенции через классообразующие признаки. Исследователи полагали, что интеллигенция – «класс сложный по составу, профессиональной занятости и квалификации, но единый по участию в духовном производстве, итогом которого является интеллектуальная собственность» [13]. Данное определение на время примирило участников дискуссии.

В 1990-е гг. ученые продолжали предлагать разнообразные варианты ключевой дефиниции. В эти годы в Иваново и Екатеринбурге протекал процесс становления самостоятельной новой области научного знания – интеллигентоведения. При Ивановском центре был создан научно-исследовательский институт интеллигентоведения, где ежегодно проводятся научно-теоретические конференции. Деятельность Екатеринбургского центра сосредоточена

Киба Д. В.

ПОИСКИ ТРАКТОВОК ДЕФИНИЦИИ «ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ» ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКОЙ

на изучении истории интеллигенции XX в. во взаимосвязи с проблемами становления гражданского общества в России. Можно считать, что сформировалось новое научное сообщество – объединение интеллигентоведов, для которого характерен интерес к общему объекту исследования и в рамках которого продолжается дискуссия о дефиниции «интеллигенция».

В современной отечественной исторической науке существуют следующие методологические подходы к изучению феномена интеллигенции.

Нравственный. Сторонники этого подхода определяют интеллигенцию как элитный слой, обладающий высокими нравственными установками [1].

Культурологический. Интеллигенция – созидательница культуры в ее самых высоких формах [9].

Социологический. Его представители полагают, что интеллигенция – это категория людей, профессионально занятых квалифицированным умственным трудом [10].

Весьма распространен *социокультурный подход*. Согласно ему интеллигенция – особая социальная группа, занятая квалифицированным умственным трудом, осуществляющая деятельность по производству духовных ценностей, исполняющая функции аккумулятора культуры, «духовного вождя» народа [15, 82-86]. В данном случае доминирует социокультурная функция интеллигенции. М. Р. Зезина полагает, что последний подход выгодно отличается от этического и является надежным инструментарием при конкретно-историческом исследовании.

Комплексная концепция интеллигенции является попыткой синтезировать новый подход путем сочетания социологических, политических, нравственных критериев [6, 15-25].

Существует позиция, которая связывает ключевую дефиницию с содержанием понятия интеллектуального потенциала (интеллигенция – интеллектуалы) [3, 36-37]. Сторонником такой точки зрения является А. В. Квакин. Он полагает, что интеллектуалы существуют в любом обществе и определяет эту группу по критерию ее функции – умственной деятельности, связывающей различные социальные слои.

Современное интеллигентоведение все больше тяготеет к методологическому плюрализму. Ни одна концепция не может описать объект столь исчерпывающим образом, чтобы исключить возможность существования других концепций. Многообразие подходов к изучению интеллигенции свидетельствует об объективных сложностях в процессе ее исследования.

Признанный авторитет в изучении интеллигенции В. Л. Соскин отметил, что, занимаясь исследованием данной группы, «...историку необходимо в каждом конкретном случае оговаривать какой слой (группа, отряд и т.д.) имеется в виду» [11, 16]. Каждый из подходов к пониманию интеллигенции должен иметь свой предмет исследования. Наиболее распространены в настоящее время социологический и нравственный подходы. В случае использования социологического, предметом является социальный слой, отличающийся характером труда и видом профессиональной деятельности. В случае использования нравственного подхода, предметом анализа выступает совокупность лиц, представляющих разные социальные группы, наделенные положительными морально-нравственными качествами, совокупность которых можно охарактеризовать как интеллигентность. Таким образом, интеллигенция и интеллигентность – слова взаимосвязанные, но не отождествляемые. Их смешение приводит к размыванию объекта исследования.

Представляется, что, определяя понятие «интеллигенция», целесообразно придерживаться социологического подхода. Ограничение столь многогранного феномена определенными нравственными параметрами сужает исследовательское поле историка, призванного опираться на реальные исторические факты, а не на абстрактные неуловимые движения духа.

Критерием принадлежности к интеллигенции должен выступать характер труда и вид профессиональной деятельности. Придерживаясь нравственного подхода, историк не вправе ставить перед собой цель быть судьей и посредством высокой нравственной шкалы зачислять или не зачислять кого-либо в разряд интеллигенции. Он на основе объективных критериев занимается исследованием явлений, процессов и механизмов различной временной локализации, основу которых составляет социум.

Таким образом, в настоящее время существуют различные рабочие модели изучения интеллигенции, что является одним из главных показателей прорыва интеллектуальных и профессиональных стереотипов. Исследователь, приступая к изучению столь сложного феномена как интеллигенция, вынужден в силу отсутствия единственно возможной трактовки понятия «интеллигенция» определяться в многообразии методологических подходов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Волков, В. Н. Интеллигент как духовный феномен / В. Н. Волков // Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход: тезисы докладов XI междунар. науч.-практ. конф. 20-22 сентября 2000 г. – Иваново: ИГУ, 2000. – С. 95.
2. Карапетян, Р. О. Становление и развитие интеллигенции как особого социального слоя / Р. О. Карапетян. – М.: Моск. ун-та, 1974. – 147 с.
3. Квакин, А. В. Мифы и реалии истории русской интеллигенции / А. В. Квакин // Интеллигент и интеллигентоведение на рубеже XXI века: итоги пройденного пути и перспективы: тезисы докладов X междунар. науч.-теоретической конф. – Иваново: ИГУ, 1999. – С. 36-37.
4. Ленин, В. И. Шаг вперед, два шага назад. В 10 т. Т. 3 / В. И. Ленин // Избранные сочинения. – М.: Политиздат, 1984. – С. 303-506.
5. Луначарский, А. В. Об искусстве / А. В. Луначарский. – М.: Искусство, 1982. – 319 с.
6. Поляков, Ю. Зачинщица или жертва? / Ю. Поляков // Свободная мысль. – 1992. – № 2. – С. 15-25.
7. Сверчкова, И. П. Роль интеллигенции в перестройке общества / И. П. Сверчкова, И. Ш. Шмерлинг. – Л.: Знание, 1989. – 16 с.
8. Смоляков, Л. Я. Об интеллигенции и интеллигентности / Л. Я. Смоляков // Коммунист. – 1988. – № 16. – С. 67-75.
9. Соколов, К. Б. Мифы об интеллигенции и историческая реальность / К. Б. Соколов // Русская интеллигенция. История и судьба / сост. Т. Б. Князевская. – М.: Наука, 2000. – С. 149-208.
10. Соскин, В. Л. Интеллигенция нуждается в справедливом отношении / В. Л. Соскин // Генезис, становление и деятельность интеллигенции: междисциплинарный подход: тезисы докладов XI междунар. науч.-практ. конф. 20-22 сентября 2000 г. – Иваново: ИГУ, 2000. – С. 43-44.
11. Соскин, В. Л. Некоторые теоретические аспекты современного этапа изучения современной интеллигенции России / В. Л. Соскин // Актуальные проблемы историографии отечественной интеллигенции: межвуз. респ. сб. науч. тр. – Иваново: ИГУ, 1996. – С. 15-30.
12. Конев, В. А. К вопросу о социальной природе интеллигенции / В. А. Конев // Из истории советской интеллигенции. – Новосибирск: Наука, 1974. – 167 с.
13. Раскатова Е. М. К вопросу о понятии «молодая художественная интеллигенция» / Е. М. Раскатова // Проблемы теории и истории изучения интеллигенции: поиск новых подходов: межвуз. сб. науч. тр. – Иваново: ИГУ, 1994. – С. 35-42.
14. Шмидт, С. О. К истории слова «интеллигенция» / С. О. Шмидт // Россия, Запад, Восток: Встречные чтения: К 100-летию со дня рождения академика М. П. Алексева. – СПб.: Наука, 1996. – С. 409-417.
15. Элбакян Е. С. Российская интеллигенция как социокультурный феномен / Е. С. Элбакян // Общественные науки и современность. – 2003. – № 3. – С. 82-86.

Петрунина Ж. В.

АМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.

(ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ)

Петрунина Ж. В.

Z. V. Petrunina

АМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР

НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ. (ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ)

THE 'AMERICAN VECTOR' OF THE FOREIGN POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA AT THE TURN OF XXI CENTURY (BASED ON AVAILABLE WWW SOURCES)

Петрунина Жанна Валерьяновна – доктор исторических наук, доцент, начальник научно-исследовательского отдела социально-экономических и гуманитарных исследований Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)27-16-84. E-mail: petrunina71@bk.ru.

Ms. Zanna V. Petrunina – Doctor of History, Associate Professor, Head of the Research Department for Social, Economic and Humanitarian Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur) 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27, Lenin Pr., tel.: 8 (4217) 27-16-84; e-mail: petrunina71@bk.ru

Аннотация. В статье проанализированы основные аспекты американо-китайских отношений на рубеже XX – XXI вв. Выявлены приоритетные направления сотрудничества и проблемы, осложняющие отношения между КНР и США на современном этапе.

Summary. This paper deals with the main aspects of the US-Chinese relations at the turn of XXI century. Priority areas of cooperation are revealed and the problems complicating relations between the two states at this stage are identified.

Ключевые слова: экономическая интеграция, стратегическое партнерство, региональная безопасность, проблема Тайваня, курс китайской валюты.

Key words: economic integration, strategic partnerships, regional security, the issue of Taiwan, the rate of Chinese currency.

УДК 94 (510)

Отношения Китая со странами АТР имеют богатую историю. Одним из приоритетных направлений внешней политики КНР являются отношения с США, которые после крушения СССР остались единственной супердержавой. Посол США в КНР Джон Хантсмен 2 февраля 2010 г. на пресс-конференции с заявленной темой «Американо-китайские отношения в 2010 году» отметил, что американо-китайские отношения являются самыми сложными и важными отношениями в нынешнем мире, они не только содержат различные аспекты, но и имеют много точек соприкосновения [4].

Двусторонние отношения между КНР и США на уровне послов были установлены 1 января 1979 г. В это время США объявили о разрыве так называемых «дипотношений» с Тайванем, выводе с острова своих сил к концу года и прекращении действия американо-чанкайшистского «Договора о совместной обороне». С 28 января по 5 февраля 1979 г. вице-премьер Госсовета КНР Дэн Сяопин находился в США с официальным визитом. В ходе этого визита 31 января были подписаны двусторонние соглашения о научно-техническом и культурном сотрудничестве.

После завершения советско-американского противостояния Пекин рассматривает США как единственную силу на мировой арене, способную воспрепятствовать его восхождению к вершинам мировой политики. Несмотря на соперничество, США является для Китая важнейшим рынком, одним из крупнейших инвесторов и значимым партнером в области технологий.

Одной из составных частей китайско-американских отношений является двусторонняя экономическая интеграция. После установления между КНР и США дипломатических отношений торгово-экономическое сотрудничество между ними получило быстрое развитие, обнаружив высокую степень взаимодополняемости. В июле 1979 г. между правительствами обеих стран было подписано «Соглашение о торговых отношениях КНР и США», предусматривавшее создание благоприятных условий для двустороннего долгосрочного торгово-экономического сотрудничества. К 1996 г., по подсчетам китайских экспертов, объем американо-китайской торговли увеличился с 2,45 млрд долл. (в 1979 г.) до 42,84 млрд долл. Совокупный объем торговли за 18 лет составил 260,6 млрд долл. Согласно американской статистике, в 1979 г. объем двусторонней торговли равнялся 2,37 млрд долл., а в 1996 г. – 63,5 млрд долл., совокупный торговый оборот за 18 лет составил 376 млрд долл. [3].

В 1990-х гг. США стали одним из быстрорастущих рынков сбыта китайских товаров, а Китай, в свою очередь, также стал для США одним из наиболее перспективных экспортных регионов. За первые шесть лет 1990-х гг. экспорт из США в Китай увеличился на 16 %. Причина высоких темпов торговли была связана с большой разницей в ресурсах, экономической структуре, отраслевой организации и уровне потребления. Такие различия определили в то время взаимодополняемость экономик США и КНР. В 1990-х гг. Китай оставался развивающейся страной, с отсталой материально-технической базой, с низкой стоимостью рабочей силы и дефицитом денежных средств. В свою очередь США обладали развитой экономикой, значительными денежными ресурсами, передовыми научно-техническими разработками, но при этом стоимость рабочей силы в государстве была крайне высокой. Китайский экспорт был представлен преимущественно трудоемкими товарами (одежда, обувь, игрушки, бытовые электроприборы и т.д.), в то время как США экспортировали в КНР капиталоемкие и техноёмкие товары (самолеты, машины, электронные детали, оборудование и т.д.). Активное сотрудничество двух стран в торговой сфере было взаимовыгодным. В КНР развитие экономики приморских районов получило дополнительный импульс, а в США увеличилось количество рабочих мест (в промышленности на 300 тыс. человек, а в сфере услуг до 1 млн).

В целях дальнейшего развития китайского рынка китайская и американская стороны в октябре 1992 г. подписали «Меморандум о взаимопонимании между правительствами КНР и США о доступе на рынки».

Однако важнейшей проблемой, оказывающей влияние на американо-китайские экономические связи, была и остается проблема Тайваня. Тайваньский вопрос активно используется Китаем в качестве рычага давления на США и часто служит причиной охлаждения двусторонних отношений и снижения объемов торговли.

Взаимоотношения Китая и Тайваня (КНР и Китайской республики) воздействуют на стабильность и безопасность в АТР и существенно влияют на развитие американо-китайских отношений. Главное опасение, которое вызывает противостояние КНР и Китайской республики, – вероятное силовое решение вопроса. В случае использования Пекином военной силы, для того чтобы не допустить независимости Тайваня, может возникнуть прямая военная угроза КНР со стороны коалиции государств во главе с США и косвенная угроза его социально-экономической и политической стабильности. Зримым свидетельством американо-

Петрунина Ж. В.

АМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.

(ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ)

китайских противоречий по Тайваню стали широкомасштабные боевые военные учения, проводимые Китаем у берегов Тайбэя (март 1996 г.). В свою очередь США направили к берегам Тайваня авианосные корабли ВМС США. Китай резко выступает против продажи американского оружия Тайваню, а также против контактов высоких представительных лиц США с деятелями тайваньской администрации.

В середине 1990-х гг. дипломатические отношения между США и КНР были осложнены визитом Президента Китайской Республики и Председателя партии Гоминьдан Ли Дэньхуэя, который как частное лицо посетил США 22 мая 1995 г. В ответ были прекращены министерские визиты между КНР и США, отозван китайский посол из США, была прекращена работа Ассоциации по развитию отношений между двумя берегами Тайваньского пролива (организации, выполняющей функции межгосударственной коммуникации между КНР и Тайванем в условиях отсутствия официального посольства). Однако на официальной встрече лидеров обоих государств, проходившей 24 октября 1995 г. в Нью-Йорке, Б. Клинтон подтвердил приверженность администрации США прежним обещаниям, заявив, что в мире существует только один Китай, правительство Китая является единственным законным правительством этой страны, а Тайвань является частью территории Китая. В целом с приходом к власти администрации Б. Клинтона (1993 г.) Вашингтон перешел к активному диалогу с КНР. В результате работы двусторонней комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству в 1994 – 1996 гг. в целях расширения объемов торговли на уровне провинций, городов, компаний был создан комитет по развитию бизнеса и учреждена группа по определению основных объектов инвестирования. В 1996 г. США, обойдя Гонконг, стали вторым торговым партнером Китая, а КНР – пятым торговым партнером США, крупнейшим заказчиком американских самолетов, компьютеров, пшеницы и хлопка. 19 мая 1997 г. Б. Клинтон объявил о продлении режима наибольшего благоприятствования в торговле с Китаем. Следует подчеркнуть, что товарная структура в тот период еще оставалась узкой. Китайский экспорт в США был представлен преимущественно текстильной и художественно-прикладной продукцией, одеждой, обувью. К середине 1990-х гг. постепенно увеличилась доля продукции электронной промышленности (телевизоры, фотоаппараты, радиоприемники). В импорте КНР преобладало энергетическое и автомобильное оборудование, сельскохозяйственная продукция и продукция нефтехимической промышленности. На китайский рынок пошел как крупный (Форд, Ай-Би-Эм, Дженерал-Электрик, Дженерал-Моторз, Моторолла, Кока-Кола и др.), так средний и мелкий американский бизнес. Стали активно внедряться наукоемкие и технологические сферы производства, в которых была особо заинтересована китайская сторона (телекоммуникации, информатика, биотехнологии, новые материалы) [2]. В 1990-х гг. Соединенные Штаты прочно заняли третье место среди торговых партнеров КНР, уступая лишь Гонконгу и Японии, а по привлечению предпринимательского капитала в китайскую экономику стабильно являлись крупнейшим инвестором.

Конец XX в. ознаменовался взаимными официальными визитами американских и китайских лидеров. С 29 апреля по 1 мая 1998 г. с визитом в КНР находилась госсекретарь США Мадлен Олбрайт. Олбрайт заявила о возможной отмене США ряда ограничений на поставки в КНР военного оборудования и вероятности стратегического партнерства между странами. С 25 июня по 3 июля 1998 г. состоялся официальный визит в КНР Б. Клинтона. Президент Б. Клинтон подтвердил приверженность США политике одного Китая и принципам, вытекающим из трех китайско-американских совместных коммюнике. Он открыто заявил о готовности не поддерживать «независимость Тайваня», концепцию отдельного существования «Китая и Тайваня» или существования «двух Китаев».

6 – 14 апреля 1999 г. премьер Госсовета КНР Чжу Жунцзи нанес официальный визит в США. В ходе визита Чжу Жунцзи и Б. Клинтон опубликовали совместное заявление по вопросам вступления Китая в ВТО.

Однако в начале XXI в. стали заметны разногласия между КНР и США в вопросах ревальвации юаня, защиты прав на интеллектуальную собственность, а также обеспечения гражданам возможности использовать свои демократические права. Реализовывая программу ускоренного экономического развития, в новом веке Китай стремится противодействовать доминирующему влиянию США на экономическом, политическом и военном уровнях, оттесняя североамериканское государство с лидирующих позиций в мире. Главной стратегической задачей КНР, нацеленной на середину XXI века, является экономическое развитие страны и доведение жизненного уровня своих граждан до среднемировых показателей.

Одной из причин начавшихся противоречий между КНР и США стала политика китайского руководства, направленная на занижение курса юаня через накопление валютных резервов. В течение последних 10 лет юань был привязан к доллару в соотношении 8,2765:1 – допустимые отклонения от этого значения были ограничены 0,03 % [7]. Благодаря «искусственной» дешевизне китайских товаров в настоящее время КНР экспортирует в США в четыре раза больше товаров и услуг, чем США – в КНР. Подобная политика является тормозом для американской экономики, вызывая огромный дефицит бюджета США в двусторонней торговле с КНР. По данным американских профсоюзов, в 2004 г. общий дефицит торгового баланса США возрос до 618 млрд долл. (5,7 % ВВП), из которых 162 млрд пришлось на товарооборот с Китаем. Кроме того, к 2005 г. США потеряли 2,8 млн рабочих мест [7]. Все это превращает США в крупнейшего должника и грозит привести к накоплению значительного внешнего долга. Глава Федеральной резервной службы США Бен Бернанке 6 декабря 2010 г. в интервью американскому телеканалу CBS призвал Пекин проводить политику повышения валютного курса юаня, в очередной раз напомнив, что американская экономика страдает от дешевых товаров из Китая и от заниженного курса китайской валюты [5]. Анализируя сложившуюся экономическую ситуацию, в январе 2011 г. министр торговли США Гэри Лок призвал правительство КНР к установлению более сбалансированных торговых отношений с США, которые будут способствовать развитию бизнеса и промышленному росту в этих странах и отвечать интересам двух крупнейших экономик. По словам Лока, за последние 20 лет объем экспорта из США в КНР вырос более чем в 30 раз. В настоящее время Китай занимает третье место в мире по объему американского экспорта, а США являются главным национальным рынком для китайских товаров. Однако дефицит в торговле США с Китаем вырос в течение ноября 2010 г. на 0,5 % и достиг 25,6 млрд долл. [6]. В свою очередь руководство Китая воспринимает эти заявления как вмешательство во внутренние дела страны.

США с беспокойством наблюдают за возвышением КНР, стремясь не допустить, чтобы какое-либо одно государство доминировало в АТР. Следует отметить, что у США пока остаются рычаги давления на КНР, одним из которых является военное превосходство. Растущая мощь Китая помогает Соединенным Штатам оправдать присутствие своих сил передового базирования на азиатском направлении, сохранять существующих союзников в Азии и привлекать новых стратегических партнеров. При этом экономические интересы США не позволяют перейти к политике открытой конфронтации.

В условиях мирового экономического кризиса, начавшегося в 2008 г., администрация Барака Обамы взяла курс на пересмотр стратегии во взаимоотношениях США и КНР. На открытии американо-китайского экономического саммита (2009 г.) Обама выделил приоритетные направления сотрудничества с Китаем: объединение усилий с целью ослабления последствий экономического спада, борьба с распространением ядерного оружия, борьба с терро-

Петрунина Ж. В.

АМЕРИКАНСКИЙ ВЕКТОР ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ КНР НА РУБЕЖЕ XX – XXI ВВ.

(ПО МАТЕРИАЛАМ ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСОВ)

ризмом, пиратством и заболеваниями. Наряду с этим США выступили с предложением оформить новый политический союз с КНР, который привел бы к созданию нового американо-китайского двухполярного мирового устройства. Идеологом оформления политического союза с Китаем стал Збигнев Бжезинский, влиятельный специалист по международным отношениям и советник бывшего президента Джимми Картера по национальной безопасности, а в настоящее время – советник по внешней политике Барака Обамы. По его мнению, КНР и США должны развивать стратегическое сотрудничество, создав «большую двойку» (G-2). Создание так называемой «Кимерики» предполагает выход США и КНР на лидирующие позиции в международных делах. По мысли Бжезинского, Вашингтон и Пекин должны объединиться и сформулировать правила игры для остальных участников мирового процесса. Внутренне расколотый и частично находящийся под американским влиянием Евросоюз в этой ситуации мог бы «претендовать на роль второсортного игрока, и не более того» [9]. В свою очередь, китайские политики и ученые с большой настороженностью отнеслись к предложению американской стороны, опасаясь, что в рамках G-2 Китай может оказаться втянутым в структуру, построенную США, и от него потребуют внести большой вклад в экономическое и социальное развитие мира, чем он может себе позволить. Кроме того, реализация идеи G-2 также может означать, что такая позиция противоречит ранее выдвинутым принципам внешней политики Китая, включающим многосторонний подход и стремление к многополюсному порядку. В целом руководство КНР считает, что идея G-2 не основана ни на реалиях международной политики, ни на проблемах Китая и остального мира [1].

18 января 2011 г. с четырехдневным официальным визитом в США находился председатель КНР Ху Цзиньтао. Аналитики назвали это событие «самой важной поездкой, которую китайские лидеры совершали за последние 30 лет» [8], поскольку в ходе встречи должны были быть определены перспективы сотрудничества между странами. Руководство Китая заинтересовано в установлении и развитии равноправного, взаимовыгодного диалога по вопросам региональной безопасности и экономического сотрудничества с США. Такая позиция способствует реализации внутренней политики модернизации и реформ КНР и внешнеполитической концепции многополюсного мира.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Доктор Цзянь Цзюньбо. Китай отвергает идею G-2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.neonomad.kz/sobytiya/kaz/index.php?ELEMENT_ID=5393&phrase_id=187488.
2. Иркитова, М. Внешнеполитические и экономические отношения Китая и Соединенных Штатов Америки [Электронный ресурс] / М. Иркитова. – Режим доступа: http://tokitay.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=30&Itemid=39#_ftn1.
3. О торговом балансе между Китаем и США (Белая книга) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.china.org.cn/russian/32943.htm>.
4. Посол США в КНР: американо-китайские отношения сложны и важны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/31521/6886058.html>.
5. США: Заниженный курс юаня вреден для экономики Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://top.rbc.ru/economics/06/12/2010/510352.shtml?PeterHost=1>.
6. США призывают КНР к улучшению торгового баланса [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.newsland.ru/news/detail/id/617768/cat/86>.
7. Эдуардов, С. Дешевый юань китайцам слишком дорог [Электронный ресурс] / С. Эдуардов. – Режим доступа: <http://www.utro.ru/articles/2005/08/29/471867.shtml>.
8. Ху Цзиньтао начал визит в США с обеда с Обамой в Белом доме. 19.01.2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.gazeta.ru/news/lenta/2011/01/19/n_1662402.shtml.
9. G-2 или американо-китайский двухполярный мир: вызов для Китая [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.polit.nnov.ru/2009/01/26/usachina2wchi>.

Цыц В. С.
V. S. Tsyts

**СОЮЗЫ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ
СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА (НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ
ВСЕРОССИЙСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА)**

**UNIONS OF CREATIVE INTELLIGENTSIA AS PART OF THE IDEOLOGICAL
SYSTEM OF THE SOVIET STATE (EXEMPLIFIED BY THE KHABAROVSK BRANCH
OF THE ALL-RUSSIA THEATRICAL SOCIETY)**

Цыц Вера Сергеевна – аспирант кафедры истории и архивоведения Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, Хабаровский край, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 89098873073. E-mail: ksvera@rambler.ru.

Ms. Vera S. Tsyts – PhD Candidate, Department of History and Archival Science, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Khabarovsk region, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin St., phone +79098873073. E-mail: ksvera@rambler.ru

Аннотация. В статье раскрываются особенности функционирования союзов творческой интеллигенции на примере хабаровского отделения Всероссийского театрального общества. Особое внимание уделяется истории создания Общества и его хабаровского отделения, его основным направлениям деятельности по идейно-политическому воспитанию театральных кадров, формированию репертуаров, формам идеологической работы театральных коллективов среди населения.

Summary. The paper describes the work of unions of creative intelligentsia by the example of the Khabarovsk branch of the All-Russia Theatrical Society. Special attention is given to the history of establishment of the Society and opening of its Khabarovsk branch, to its basic areas of activity in the field of ideological and political education of theater personnel, to shaping of repertoire, and to forms of ideological activity of theatre companies among the country's population.

Ключевые слова: союз творческой интеллигенции, хабаровское отделение Всероссийского театрального общества, идейно-политическое воспитание, репертуар, театр, идеология.

Key words: union of creative intelligentsia, Khabarovsk branch of the All-Russia Theatrical Society, ideological political education, repertoire, theatre, ideology.

УДК 792(571.62)

После утверждения советской власти в нашей стране в области культуры и искусства установился жесткий идеологический диктат, а деятельность творческой интеллигенции была поставлена под пристальный надзор партийных и государственных структур. Для контроля над творчеством художественной интеллигенции, воспитания в ней необходимых качеств партийности и коммунистической идейности и в конечном итоге использования ее потенциала для целей агитации и пропаганды советское правительство нуждалось в действенном орудии. В 1932 г. на основании постановления ЦК ВКП(б) «О перестройке литературно-художественных организаций» была создана сеть творческих организаций и союзов для писателей, архитекторов, композиторов, художников, призванная выполнять эти функции [1].

Постановление коснулось и театральной отрасли, для контроля над деятелями которой было учреждено Всероссийское театральное общество (ВТО). В Уставе Общества провозглашалось, что оно представляет собой «добровольную общественно-творческую организацию работ-

Цыц В. С.

**СОЮЗЫ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
(НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА)**

ников театра РФ, созданную для содействия росту и совершенствованию советского театрального искусства», а главной задачей его является помощь театрам «в создании сценических произведений, способствующих коммунистическому воспитанию трудящихся, формирующих высокий эстетический вкус» (см. прим. 1).

При содействии ВТО были организованы театральные общества в союзных республиках, краях и областях. Хабаровский край не стал в этом плане исключением. 24 марта 1940 г. краевая газета «Дальневосточный комсомолец» сообщила, что, согласно решению Президиума Всесоюзного театрального общества, в Хабаровске создано отделение ВТО (см. прим. 2).

Деятельность хабаровского отделения строилась по примеру центрального ВТО и была направлена на идейно-политическое воспитание и повышение профессиональных умений и навыков театральных деятелей, выработку правильной репертуарной политики и организацию использования театральных средств выразительности в деле пропаганды идей коммунизма среди населения.

Идейно-политическое воспитание работников театров реализовывалось посредством работы одноименного отдела в структуре отделения ВТО, специализировавшегося на подготовке и проведении лекций, семинаров, бесед и политдней, посвященных актуальным проблемам марксизма-ленинизма. К проведению таких мероприятий привлекались преподаватели философии, эстетики, режиссуры, лекторы Высшей партийной школы. Основную часть занятий занимали лекции по марксистско-ленинской эстетике. В 1960-1970-е гг. в лекциях поднимались такие проблемы: «Партийность и народность в искусстве», «Направляющая роль коммунистической партии в развитии советской литературы и искусства», «Классовый характер и партийность искусства, критика современного буржуазного искусства», «Марксистско-ленинское понимание свободы творчества», «Актуальные проблемы социального реализма», «В. И. Ленин в искусстве» (см. прим. 3, 4, 5).

Следует отметить, что данный вид работы осуществлялся в тесной связи и взаимодействии с партийными организациями края. Повышенное внимание к данному вопросу со стороны этих структур понятно: от политического и нравственного уровня деятелей искусства напрямую зависела идейная направленность создаваемых ими произведений, призванных, по мнению власти, формировать образ нового человека – полноправного члена строящегося общества будущего.

Важную роль в идейно-политическом воспитании деятелей театра сыграли 2 постановления ЦК КПСС «О задачах партийной пропаганды в современных условиях» от 9 января 1960 г. и «О дальнейшем улучшении идеологической, политико-воспитательной работы» от 26 апреля 1979 г. (см. прим. 6, Т. 9, 13). Творческим союзам страны в документах рекомендовалось направить свою деятельность на улучшение идейно-политического воспитания художественной интеллигенции, развитие в ней высокой идейности, гражданственности и творческой активности.

Для достижения намеченных в постановлениях целей использовались самые различные способы и методы. Например, распространенной практикой было изучение материалов съездов КПСС деятелями театров края в лекториях, семинарах, политшколах, вечерних университетах марксизма-ленинизма при Хабаровском и Комсомольском-на-Амуре горкомах КПСС. Кроме того, при Центральном райкоме КПСС г. Хабаровска, Доме актера, Клубе творческих работников г. Комсомольска-на-Амуре функционировали специально организованные семинары и лектории по марксистско-ленинской эстетике, которыми руководили преподаватели вузов, главные режиссеры театров, искусствоведы ВТО. Здесь читались лекции: «XXII съезд КПСС и перспективы развития советского театрального искусства», «Театр и современность», «Партийность и народность советского театрального искусства», «Проблемы развития реализма в искусстве», «XXV съезд КПСС о роли литературы и искусства в воспитании трудящихся» и мн. др. [3].

Другой формой учебы были зональные, краевые и городские теоретические конференции, на которые выносились актуальные проблемы коммунистического строительства и

идеологического значения театра в деле воспитания населения. В 1962 г. состоялись конференции по темам: «Теоретические и практические проблемы строительства коммунизма в решениях XXII съезда КПСС», «Формирование коммунистических общественных отношений» и др. [3]. Практика проведения подобных совещаний и конференций доказывала свою актуальность год от года. В мае 1966 г. по инициативе крайкома КПСС и хабаровского отделения ВТО на обсуждение творческих работников Приамурья была вынесена проблема «Традиции и новаторство в советском искусстве» (см. прим. 7). В 1969 г. по инициативе идеологического отдела крайкома партии проведена теоретическая конференция на тему «Коммунистическая партийность – жизненная основа советского искусства» (см. прим. 8).

Повышение профессионального мастерства театральных работников всех категорий осуществлялось силами сразу нескольких отделов. Для вспомогательного персонала театров – осветителей, художников, гримеров, костюмеров и др. – работал отдел художественно-технических цехов, организовывавший специальные лекции, практические занятия и семинары. Впоследствии в целях систематического усовершенствования умений была организована зональная лаборатория поделочных и гримерно-парихмахерских цехов.

Для актеров и режиссеров существовали одноименные секции, акцентировавшие свое внимание на профессиональной подготовке работников театра и обмене творческими мнениями, обсуждении наиболее важных вопросов театральной действительности. Если первое направление деятельности реализовывалось путем организации специальных занятий по вокалу, сценической речи, актерскому мастерству, то второе – через проведение зональных и краевых творческих конференций. Названия совещаний указывают на характер обсуждаемых проблем: «Работа режиссера с актером», «Современная советская пьеса и ее роль в коммунистическом воспитании трудящихся», «Проблема развития современной музыкальной комедии» и др. (см. прим. 9, 10, 11).

Обучением молодых специалистов театра занималась секция творческой молодежи. Для молодых талантов организовывалась профессиональная учеба, систематически проводились различные смотры и конкурсы, по результатам которых особо отличившихся награждали дипломами, туристическими поездками по стране и в зарубежные страны, а также творческими командировками в театры Москвы и Ленинграда. Государство уделяло особое внимание этой возрастной категории театральных работников. Так, 12 октября 1976 г. увидело свет постановление ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью», внесшее определенное оживление в деятельность ВТО и его хабаровского отделения (см. прим. 6, Т. 13). Частым явлением стало проведение конференций, посвященных актуальным проблемам идейно-творческого воспитания молодого актера, сотрудничества театра и комсомола, творческих проблем молодых талантов: «Становление молодой режиссуры в театрах Дальнего Востока» в рамках режиссерской конференции (1977 г.), «Идейно-творческое воплощение молодого актера» (1979 г.), «Творчество молодых» (1983 г.) (см. прим. 12, 13, 14). При хабаровском Доме актера был открыт Клуб творческой молодежи, в котором проходил показ работ молодых артистов. Одной из основных форм обучения театральной молодежи стали занятия в творческих лабораториях под руководством мастеров театрального искусства (лаборатории молодых режиссеров, молодых театральных рецензентов, молодых художников). В 1979 г. 24 представителя молодой театральной интеллигенции побывали в творческих командировках в Москве, еще 16 человек занимались в вышеуказанных творческих лабораториях и семинарах при отделении ВТО (см. прим. 15).

Таким образом, работа отделов, направленная на повышение профессионального мастерства и идейно-политического воспитания работников театров, была нацелена на получе-

Цыц В. С.

**СОЮЗЫ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
(НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА)**

ние образованного представителя творческой интеллигенции, обладающего высокой коммунистической идейностью, потенциал которого возможно использовать в идеологической работе.

Другим важным направлением в деятельности хабаровского отделения ВТО являлась забота о качественном составе театральных репертуаров, не всегда отвечающим интересам партии и государства. Одним из первых постановлений в области улучшения репертуарной линии театров можно считать постановление ЦК ВКП(б) «О репертуаре драматических театров и мерах по его улучшению» от 26 августа 1946 г. [1, с. 172-173]. В документе отмечалось увлечение при составлении репертуаров пьесами зарубежных драматургов. В качестве выхода из создавшегося положения ЦК ВКП(б) ставил перед драматургами задачу – создать яркие произведения о жизни советского человека и советского общества, а театрам для постановок пьес на современную тематику надлежало выделять лучших режиссеров и артистов.

Пристальное внимание государства к качеству театральных репертуаров привело к созданию произведений, освещающих те или иные периоды и моменты в жизни советского общества. Многие из них ставились на сценах театров Дальнего Востока. В 1940-50-е гг. значительное место в репертуарах занимали спектакли о международной солидарности трудящихся, о классовой борьбе в капиталистических странах, о борьбе советского народа за мир, о революции, гражданской войне и интервенции на Дальнем Востоке, о Великой Отечественной войне («На западе бой» В. Вишневского, «Улица радости Н. Зархи, «Любовь Яровая» К. Тренева, «Оптимистическая трагедия» В. Вишневского, «Интервенция» А. Славина, «Кремлевские куранты» Погодина и др.) [2].

Вопрос о театральных репертуарах регулярно поднимался и в последующие периоды. В докладе Н. С. Хрущева «Контрольные цифры развития народного хозяйства СССР на 1959-1965 гг.» на XXI съезде КПСС (1959 г.) указывалось, что советской литературе и искусству отводится важная роль в коммунистическом строительстве и воспитании нового человека. В том же году ВТО провел пленум, на повестке которого стояла тема «Задачи советского театра в свете решений XXI съезда КПСС и план работы ВТО» (см. прим. 16). Главным достижением его следует считать учреждение премии за лучший спектакль о современной советской действительности.

Решения XXI съезда КПСС внесли определенные изменения в театральную жизнь страны и Хабаровского края в частности. Так, на отчетно-выборном собрании отделения ВТО в 1959 г. директор Комсомольского-на-Амуре драматического театра Б. Н. Герцберг отметил значительные изменения в репертуаре театра, большое место в котором заняли спектакли, раскрывающие образ современника. Такие изменения, по его словам, были связаны непосредственно с активными процессами в драматургии, появившимися после съезда КПСС. Особо были отмечены им пьесы «Барабанщица», «Валя Курбатова», «Трехминутный разговор» и др. (см. прим. 17).

Внимание к данной проблеме не ослабевало на протяжении всего последующего периода. Регулярно проводились тематические конференции творческих работников театра на тему «Современная советская драматургия на сцене советского театра» (1962 г.), «Образ современника в спектаклях хабаровских театров» (1970, 1972 гг.) и др. (см. прим. 18, 19, 20).

Среди важных государственных постановлений, координирующих репертуарную линию театров, следует назвать также постановление Совета Министров РСФСР от 11 марта 1981 г. «О состоянии и мерах по дальнейшему развитию театрального искусства в РСФСР». В документе указывалось на необходимость увеличения количества художественных произведений, правдиво отражающих социалистическую действительность и утверждающих коммунистические идеалы. Для этого рекомендовалось разрабатывать перспективные тематиче-

ские планы создания произведений драматургии на актуальные проблемы современности, историко-революционную и военно-патриотическую темы; проводить конкурсы и фестивали пьес о современности. В списке планировавшихся мероприятий следует отметить конкурс «Героическое освоение Сибири и Дальнего Востока» в г. Хабаровске, проведенный согласно отчету отделения ВТО за первое полугодие 1984 г. «на высоком организационно-творческом уровне» (см. прим. 21).

Все же основное внимание отделения ВТО было приковано к организации работы с населением в виде показов спектаклей, проведения встреч и концертов, зрительских конференций в целях изучения мнения аудитории, пропаганды роли театра в жизни общества, ознакомления людей с творческими планами театральных учреждений Хабаровска и других городов края. Так, Комсомольский-на-Амуре драмтеатр регулярно устраивал творческие встречи с работниками мартеновского цеха завода «Амурсталь», Швейной фабрики, учащимися школ.

Специфика аудитории ТЮЗа накладывала отпечаток на характер зрительских встреч. Артисты часто выступали на городских совещаниях учителей и руководителей групп продленного дня с докладами, посвященными значению театра в воспитании подрастающего поколения, а также устраивали праздники в школе и студенческие зрительские конференции. Таким образом, работа отделения ВТО в данном направлении сосредотачивалась на популяризации театра среди населения с целью его привлечения на демонстрируемые спектакли.

В те районы, где регулярное посещение театров населением было затруднено по объективным причинам, ввиду их отдаленности от культурных центров, театральные коллективы под руководством отделения ВТО выезжали самостоятельно. В 1971 г. на пленуме Комсомольского-на-Амуре горкома профсоюза работников культуры участниками было принято обязательство-обращение: «Мы обязуемся систематически выступать на селе с концертами, спектаклями, организовывать творческие встречи, конференции, оказывать сельской художественной самодеятельности методическую помощь...» (см. прим. 22). Все театры края активно включились в работу по обслуживанию сельских районов. Особый размах она обрела к концу 1970-х гг., охватив практически все сельские районы края. За 10 месяцев 1979 г. только краевой театр драмы дал для тружеников сел 67 спектаклей, на которых присутствовало около 9100 человек (см. прим. 23). Имелись и явные недостатки в этой работе, не все театры посылали свои бригады на село, руководствуясь только лишь идейными соображениями. Иногда такие гастроли были связаны с желанием поправить кассовые дела. Кроме того, население сельских районов не всегда охотно шло на такие спектакли: сказывались недостаточная подготовленность зрителей, отсутствие рекламы и информации о приезжающих труппах. В 1976 г. в селе Амурзет Октябрьского района ЕАО в клубе с 270 местами на спектакле Комсомольского-на-Амуре драматического театра присутствовало только 92 человека (см. прим. 24).

С 1974 г. в связи с выходом постановления ЦК КПСС «О строительстве Байкало-Амурской железнодорожной магистрали» в обязанности отделения ВТО стало входить и театральное обслуживание строителей БАМа. На таких спектаклях побывали рабочие мостостроительного участка № 26 г. Комсомольск-на-Амуре, строительного пункта п. Хурмули и п. Горин, строители железнодорожных веток Комсомольск-Березовый и Тында-Ургал (см. прим. 25).

Отдельным пунктом в работе хабаровского отделения было обслуживание особой категории зрителей – военнослужащих на границе, воинских частях и подразделениях. Пристальное внимание государства к этому виду работы подтверждается учреждением специальной премии – переходящего Красного знамени «Победитель военно-шефской ра-

Цыц В. С.

**СОЮЗЫ ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ В ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ СИСТЕМЕ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА
(НА ПРИМЕРЕ ХАБАРОВСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ ВСЕРОССИЙСКОГО ТЕАТРАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА)**

боты». В 1979 году эту премию получил коллектив краевого театра драмы, а Хабаровское отделение ВТО было награждено дипломом ЦК профсоюза работников культуры за шефство над ВС СССР (см. прим. 26). Особо следует отметить заслуги театра Краснознаменного Тихоокеанского флота г. Советская Гавань (театр КТОФ), регулярно проводившего концерты, показы спектаклей и творческие встречи с личным составом кораблей и подразделений ВМФ, а также посещавшего советские войска, находящиеся в отдаленных регионах – Монголии, Польше, ГДР.

При наличии такого полномасштабного охвата всех групп населения, популярность театров не удовлетворяла специалистов ВТО. На отчетно-выборных заседаниях хабаровского отделения не раз отмечалось, что хорошая посещаемость спектаклей приходится преимущественно на людей в возрасте до 20 и после 30-40 лет. Таким образом, большая возрастная группа выпадала из-под воздействия театра, являющегося одним из средств государства по идеологическому контролю и воспитанию нового человека. В итоге в 1972 г. был создан Совет по организации, экономике и социологии театра. Для детального изучения особенностей зрителей специалистами Совета были разработаны специальные анкеты, призванные осветить возрастной состав зрителей, образование, социальное положение, частоту посещений театра и оценку ими увиденных спектаклей (см. прим. 27).

Выполняя возложенные на него обязанности, ВТО и хабаровское отделение как частный случай развивали свою деятельность в фарватере коммунистической партии и ее идеологии. Тем не менее оценивать Общество лишь как идеологический инструмент партии было бы немного неверно: как творческая организация оно выполняло и другие функции, способствовавшие профессиональному росту театральных кадров, улучшению их социально-бытовых условий. Отделение ВТО регулярно оказывало материальную помощь нуждающимся артистам в случае болезни, смерти близких родственников и тяжелого материального положения, распределяло путевки в дома отдыха и санаторий «Актер» с предоставлением 35 и 50-процентной скидки (см. прим. 28). Для поддержки молодых театральных талантов имела большое значение организация различных смотров и конкурсов, обучающих семинаров, творческих командировок в театры центральных районов страны. Нельзя не отметить и заботу отделения ВТО о профессиональном росте деятелей театров, осуществлявшемся за счет организации для них обучающих курсов и лабораторий не только регионального, но и общегосударственного уровня. Так, в мае 1975 г. главный режиссер Комсомольского-на-Амуре драматического театра Э. С. Симонян в составе участников творческой лаборатории Г. А. Товстоногова выезжал во Францию (см. прим. 29). Неоценимую помощь отделение оказывало и театральной самодеятельности сельских районов, предприятий и заводов в виде консультаций по гриму, актерскому мастерству, технике сцены, речи и т.п.

Наличие этих фактов не мешает считать ВТО своеобразным проводником политики партии в области культуры и идеологии. Эта организация занимала промежуточное место между государством и творческой интеллигенцией, осуществляя идеологический контроль над ее деятельностью, строго следя, чтобы эта деятельность укладывалась в рамки позволенной свободы творчества. Это особое положение и роль, которую выполняло ВТО в данной области, точно охарактеризовал в своем выступлении на заседании Хабаровского отделения консультант ВТО на Дальнем Востоке Юдин: «В настоящее время ВТО является творческой организацией страны и хорошим помощником нашей партии в идеологической работе» (см. прим. 30). Общество являлось своеобразным орудием партии и государства в осуществлении им руководства в области искусства, орудием контроля над творчеством театральной интеллигенции и способом использования ее потенциала для собственных целей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Власть и художественная интеллигенция. Документы. 1917 – 1953 гг. – М.: Международный фонд «Демократия», 2002. – 872 с.
2. Иванова, Э. В. Художественная интеллигенция Дальнего Востока в 1946 – 1960 гг. / Э. В. Иванова // История культуры Дальнего Востока СССР XVII – XX вв.: Советский период. – Владивосток: Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока, 1990. – С. 140-147.
3. Кутузова, Л. Ф. Руководство дальневосточных парторганизаций идейным воспитанием творческих кадров театров (1956 – 1961 гг.) / Л. Ф. Кутузова // Партийные организации Дальнего Востока в авангарде борьбы за построение социализма и коммунизма. – Хабаровск: Хабар. политех. ин-т, 1973. – С. 92-103.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 46, Л. 76 – 77.
2. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 126, Л. 36.
3. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 3, Л. 1, 9.
4. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 44, Л. 2.
5. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 46, Л. 94, 95.
6. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. – М.: Политиздат, 1986. - URL: www.vkpb2kpss.ru/book.
7. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 46, Л. 77.
8. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 71, Л. 59.
9. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 16, Л. 1.
10. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 20, Л. 2.
11. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 31, Л. 1.
12. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 121, Л. 2.
13. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 135, Л. 6.
14. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 172, Л. 5.
15. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 135, Л. 1.
16. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 3, Л. 46.
17. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 4, Л. 24.
18. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 10, Л. 64.
19. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 68, Л. 1.
20. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 84, Л. 1.
21. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 170, Л. 5.
22. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 71, Л. 20.
23. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 135, Л. 20.
24. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 112, Л. 17.
25. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 112, Л. 19.
26. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 135, Л. 23.
27. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 92, Л. 88.
28. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 70, Л. 5.
29. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 110, Л. 5.
30. ГАХК, Ф.Р – 905, Оп. 1, ед. хр. 46, Л. 26.

Липовка Н. П.
N. P. Lipovka

**РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ
КОММЕРЦИИ КАК ОБЪЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ
КОМПЕТЕНЦИЙ**

**DEVELOPMENT OF THE ECONOMIC THINKING OF BACHELOR STUDENTS
OF COMMERCE AS THE OBJECT OF PROFESSIONAL COMPETENCY SHAPING**

Липовка Нина Петровна – кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры маркетинга и коммерции Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, главпочтамт, до востребования; 89098683479. E-mail: lipo-nina@yandex.ru.

Ms. Nina P. Lipovka - PhD in Education, Associate Professor, Department of Marketing and Commerce, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Komsomolsk-on-Amur, the Central Post Office, *poste restante*, phone: 89098683479. E-mail: lipo-nina@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются особенности развития экономического мышления бакалавров коммерции. Выявлены факторы, существенно влияющие на его развитие. Рассмотрены мотивы и педагогические условия развития экономического мышления.

Summary. The paper considers particularities of how the economic thinking of bachelor student of commerce is shaped. Factors are revealed that greatly impact the development of this competence. Motives and pedagogical conditions for the shaping of economic thinking are analyzed.

Ключевые слова: компетентностный подход, экономическое мышление, экономические мотивы, учебная деятельность, профессиональная деятельность.

Key words: competency approach, economic thinking, economic motives, educational activity, professional activity.

УДК 378:339.1

Особенностью Федерального Государственного стандарта высшего профессионального образования третьего поколения по направлению «Коммерция» является перенос акцентов в системе образования с содержания обучения на результат обучения, т.е. использование в процессе подготовки бакалавров коммерции компетентностного подхода.

В числе общепрофессиональных компетенций в стандарте выделяется способность выпускников прогнозировать бизнес-процессы и оценивать их эффективность; управлять товародвижением, минимизировать потери товаров, затраты материальных и трудовых ресурсов [5]. Сформировать эти компетенции невозможно без развитого экономического мышления студента.

Развитие экономического мышления относится к числу приоритетных направлений профессиональной подготовки будущих бакалавров коммерции во время обучения в вузе. Необходимость решения этой задачи обусловлена особенностями профессиональных компетенций, сформированных к объективным требованиям профессии и личностным качествам специалиста, его социальной ролью. Значимость экономического мышления предпринимателей определяется особым характером сферы практической деятельности.

Развитие экономического мышления будущих бакалавров коммерции возможно только при глубоком изучении этого процесса как психологического явления и познавательного процесса. В основе экономического мышления лежат общие законы (см. рис. 1), свойственные мышлению вообще. Однако экономическое мышление имеет свои особенности: это прежде всего концентрация внимания на рациональном, экономически целесообразном выборе участников экономических отношений с целью удовлетворения своих потребностей, с использованием доступных для этого средств [6]. Экономическое мышление определяется нами как процесс отражения, осмысления и преобразования экономической действительности, в ходе которого происходит усвоение, переработка и получение новых знаний, направленный на решение задач по принятию эффективных управленческих решений, позволяющих удовлетворять личные и общественные потребности.

Рис. 1. Структура экономического мышления и деятельности

Когда мы говорим о развитии экономического мышления, то имеем в виду и обучающую, и воспитательную сферы профессиональной подготовки будущего бакалавра. Обучающая сфера включает в себя формирование нужных способностей, знаний, навыков, умений. Развитие экономического мышления происходит одновременно по двум направлениям – усвоению накопленных теоретических знаний и осмыслению практического опыта эконо-

Липовка Н. П.

РАЗВИТИЕ ЭКОНОМИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ БУДУЩИХ БАКАЛАВРОВ КОММЕРЦИИ КАК ОБЪЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ

мических отношений. Говоря о развитии экономического мышления, надо понимать, что научить мыслить «экономически» невозможно. Но можно и необходимо воспитывать predisposedness к экономической деятельности [6].

Анализ теоретических исследований, проведенный нами, позволяет сформулировать основные факторы, существенно влияющие на развитие у будущего специалиста экономического мышления. К их числу следует отнести: развитую мотивационную готовность к решению экономических задач, профессиональную компетентность, осознание ценностных ориентиров, развитую направленность на саморазвитие и профессиональный личностный рост. Наиболее важным фактором из перечисленных представляется развитая мотивационная готовность. К мотивам профессиональной деятельности можно отнести экономические мотивы [1].

Экономические мотивы представляют собой особую категорию мотивов. К их числу относят: мотив к накоплению богатств, погоня за прибылью (мотив предпринимателя); потребность в безопасности (чувство стабильности, защищенности); потребность в достижениях, общественном признании; принадлежность к определенной социальной группе и др. Опросы, проведенные среди абитуриентов Комсомольского-на-Амуре технического университета, показали, что одним из конкретных мотивов, побуждающих к выбору профессии коммерсанта, является нехватка средств к существованию. Абитуриенты предполагают улучшить своё материальное положение с помощью выбранной профессии.

Одной из важнейших предпосылок формирования мотивов к экономической деятельности является понимание ее смысла, осознание важности изучаемых дисциплин, четкое представление цели действия и средств ее достижения в профессиональной деятельности. Иллюстрацией сказанного может быть пример создания условий мотивации в ходе учебной деятельности.

Так, на вводном занятии по товароведению потребительских товаров построение логической цепочки (товароведение → *право* → *коммерческая логистика* → *экономика* → *финансы*) показывает роль товароведения, в конечном результате коммерческой деятельности. Цепочка позволяет определить, будет ли получена максимально возможная прибыль, как зависит конечный результат от объекта коммерческой деятельности – товара. Получение прибыли – это цель профессиональной деятельности коммерсанта (мотив профессиональной деятельности), но для достижения этой цели необходимы определенные знания, умения, навыки, профессионально важные свойства личности. Студенты, как правило, обнаруживают недостаточный объем знаний, умений и навыков, приходит осознание необходимости знаний для материального благополучия. Это, в свою очередь, оказывает влияние на потребность в знаниях и формирует мотивы учебной деятельности.

Таким образом, можно активизировать внутренние побуждения личности к учебно-познавательной деятельности и формированию способностей, к развитию мышления вообще и экономического, в частности, а также мотивы интереса, долга, ответственности в учении.

Профессиональное мышление, а в данном исследовании – экономическое мышление, по определению В. А. Попкова, предполагает в своей основе сформированность у студентов умений и навыков своеобразного вида деятельности, получившей в психологии и педагогике название рефлексивно-оценочной деятельности [3].

В практике работы кафедры «Маркетинг и коммерция» Комсомольского-на-Амуре технического университета в последнее время применяются элементы ситуативной педагогики как составляющей рефлексивно-оценочной деятельности. Ситуативная педагогика предполагает импровизацию преподавателя, которая может выразиться в изменении техно-

логических приемов обучения, действиях преподавателя по стимулированию креативных способностей студентов.

Специфика экономического мышления состоит в том, что оно развивается позже других видов мышления, а именно тогда, когда студент включен во все сферы социальной жизни. Общеизвестно, что экономическое мышление актуализируется в процессе решения конкретных производственных задач [6]. Мы считаем, что создать ситуацию, приближенную к производственной деятельности, возможно и в условиях обучения путем моделирования профессиональных задач.

Таким образом, мы полагаем, что возможно и целесообразно готовить студентов к социализации в ходе учебного процесса. Особенность высшего образования на современном этапе заключается в том, что его целью является подготовка специалистов как социально-профессиональной группы. Будущий выпускник, который понимает свою ответственность перед обществом за последствия принятия своих поступков, способен профессиональные знания, умения и навыки осознавать как лично-значимые. На основе модели профессионального мышления, предложенной Л. Д. Столяренко для инженеров, нами составлена системная модель экономического мышления и деятельности будущего бакалавра коммерции, которая представлена на рис. 1 [4].

Подводя итог сказанному, можно заключить, что для будущего бакалавра коммерции, с хорошо развитым экономическим мышлением характерны: устойчивая, высокого уровня направленность, профессионально-мотивационная активность, проявляющаяся в единстве со знаниями и умениями, и которые позволяют ей достигнуть эффективных, социально и лично значимых результатов в коммерческой деятельности. Перед преподавателями стоят задачи не только развивать социально и профессионально значимые качества будущих специалистов в процессе подготовки, но и воспитывать их как личностей, адекватных современным потребностям общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Немов, Р. С. Психология: Кн. I. Общие вопросы психологии / Р. С. Немов. – М.: ВЛАДОС, 2001. – 640 с.
2. Коржуев, А. В. Дидактика высшей школы / А. В. Коржуев. – М.: Академия, 2003. – 136 с.
3. Попков, В. А. Методология практического исследования и дидактика высшей школы / А. В. Коржуев. – М.: Академия, 2006. – 136 с.
4. Столяренко, Л. Д. Психология и педагогика для технических вузов / Л. Д. Столяренко. – Ростов н/Д.: Феникс, 2006. – 512 с.
5. Федеральный государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования по направлению подготовки «Торговое дело».
6. Хизрич, Р. Экономический образ мышления / М. Питерс; пер. с англ. – М.: Дело, 1992. – 285 с.

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.

ДИАГНОСТИКА СФОРМИРОВАННОСТИ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ ОБУЧАЕМЫХ:
ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И МЕТОДЫ ОЦЕНКИ

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.

T. E. Nalivayko, M. V. Shynkoruk

**ДИАГНОСТИКА СФОРМИРОВАННОСТИ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ
ОБУЧАЕМЫХ: ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И МЕТОДЫ ОЦЕНКИ**

**KEY COMPETENCE TESTING IN STUDENTS: EDUCATIONAL OPPORTUNITIES
AND ESTIMATION METHODS**

Наливайко Татьяна Евгеньевна – доктор педагогических наук, профессор, заведующая кафедрой педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 8(4217)53-98-25. E-mail: tenal@knastu.ru.

Ms. Tatiana E. Nalivayko – Doctor in Education, Professor, Provost for Educational Work, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 27 Lenin St., Komsomolsk-on-Amur, 681013, tel. 8-4217-53-98-25; e-mail: tenal@knastu.ru.

Шинкорук Марина Владимировна – кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, ул. Вокзальная, д. 48/1, кв. 21; 8(4217)27-28-05. E-mail: mari-shynkoruk@yandex.ru.

Ms. Marina V. Shynkoruk – PhD in Education, Associate Professor at the Department of Education Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 48/1 Vokzalnaya St., apt. 21, Komsomolsk-on-Amur, 681013, tel. 8-421-27-28-05; e-mail: mari-shynkoruk@yandex.ru.

Аннотация. В статье представлены основные характеристики диагностики ключевых компетентностей обучающихся: описаны цели и задачи, раскрыты педагогические возможности диагностики, названы основные методы и методики оценивания, раскрыта их специфика.

Summary. The paper presents a set of basic characteristics of testing the key competencies in students: goals and tasks are identified; educational opportunities of diagnostics are revealed, the main methods and estimation techniques are disclosed, their specificity is described.

Ключевые слова: компетентностный подход, компетентность, ключевые компетентности социальная компетентность, коммуникативная компетентность, предметные компетентности.

Key words: competence approach, competence, key competencies, social competence, communicative competence, subject competencies.

УДК 159.5 (07)

Под диагностикой образовательного процесса понимают практику выявления качества образовательной деятельности, причин её успехов и неудач.

Целью диагностики ключевых компетентностей обучающихся является получение данных о качестве образовательного процесса в рамках конкретной методической системы. Эти данные выявляются путем осуществления диагностических процедур (заданий, наблюдений, тестирования, опроса и т.д.), оценивания, анализа и интерпретации их результатов, определения перспектив и качественных сдвигов в состоянии ключевых компетентностей учащихся.

Согласно цели выявления показателей сформированности ключевых компетентностей обучающихся, задачами диагностики являются:

- характеристика состояния познавательной компетентности;
- определение особенностей системы умений, составляющих компетентность в области речевой деятельности и работы с информацией;
- выявление сформированности способов организации собственной деятельности;
- описание особенностей коммуникативного развития и сформированности коммуникативной компетентности;
- формирование представления о содержании социальных характеристик обучающихся.

Проведение диагностики по оценке сформированности компетентностей обучающихся позволяет:

- 1) всесторонне и комплексно оценить результаты обучения ребенка на той или иной образовательной ступени;
- 2) получить конкретные данные об успешности учебно-познавательной деятельности учащихся, об особенностях их социально-коммуникативных представлений и навыков;
- 3) обогатить представления педагогов, учащихся и их родителей о возможностях и способностях детей, сопоставить образовательные результаты с программными требованиями;
- 4) отслеживать не только результат развития ребенка, но и процесс, видеть продвижение каждого ученика по сравнению с самим собой на всех этапах обучения;
- 5) оценить эффективность проделанной работы, выявить сильные и слабые стороны образовательного процесса;
- 6) предвидеть трудности в обучении и развитии, определять их причины, выделять пути и способы профилактики и коррекции;
- 7) усилить контрольно-оценочную функцию деятельности педагога;
- 8) за счет повышения объективности оценивания образовательных результатов стимулировать активность обучающихся, направленную на усиление своих положительных сторон и преодоление недостатков;
- 9) на основе анализа и интерпретации результатов диагностики разработать стратегию улучшения качества образовательного процесса.

На современном этапе развития педагогической диагностики наиболее достоверной считается организация исследований комплексного характера, в задачи которого входит изучение явления (в данном случае ключевых компетентностей обучающихся) с различных сторон и с помощью нескольких методов. Такой подход к организации изучения компетентностей обеспечивает максимальное приближение результатов диагностики к реально существующей ситуации.

Специфика задач и организация работы учителя по исследованию сформированности компетентностей учащихся в большей мере предполагает использование метода наблюдения, диагностических заданий, опроса (бесед, анкет), а также тестовых методик.

Важно помнить, что диагностика компетентностей обучаемых является неотъемлемой частью образовательного процесса, то есть служит педагогическим целям. Поэтому пути и способы, с помощью которых она осуществляется, тождественны методам и приемам реализации целостного педагогического процесса (беседа, решение задач, выполнение письменных и устных заданий и т.п.) и могут быть органично включены в занятие, не нарушая его целостности.

Диагностические беседы, устные и письменные задания позволяют выявить показатели сформированности компетентностей, обнаружить отдельные детали и характеристики их проявления в конкретных видах деятельности. Они используются главным образом для оценивания сформированности предметных компетентностей учащихся. Диагностические задания могут предъявляться в письменной или устной форме, индивидуально или сразу всем учащимся (например, когда задание записывается на доске). Задания могут включаться в урок соответствующей тематики на этапе контроля и оценки знаний учащихся или предла-

гаться в удобное для учителя время независимо от типа и темы урока. Кроме этого, диагностика посредством выполнения учащимися диагностических заданий может проводиться во внеурочное время при условии соответствия требованиям организации образовательного процесса в школе.

Школьникам даются инструкция и время для выполнения работы. Если ученик испытывает затруднения, то ему можно оказывать помощь (подбадривание, указательные жесты, наводящие вопросы, дополнительное разъяснение инструкции, выполнение действия по подражанию или совместных с педагогом действий). Это поможет «увидеть» и зону ближайшего развития ребенка, охарактеризовать особенности умения обращаться за помощью и принять ее, корректировать свои действия.

Основной задачей наблюдения является выявление особенностей внешнего выражения и определение отдельных характеристик компетентностей в образовательном процессе.

В процессе наблюдения учитель может обнаружить, чем ребенок в действительности владеет, охарактеризовать влияние тех или иных обстоятельств на эффективность его деятельности.

Наблюдение может явиться как вспомогательным, так и самостоятельным методом исследования, обеспечивающим сбор новой информации. Оно может проводиться на уроках, внеклассных мероприятиях, переменах, прогулках, выполнении домашних заданий и т.д.

Наблюдение целесообразно организовывать в течение нескольких уроков или различных занятий, в том числе и в процессе свободного общения ребенка со сверстниками (например, при оценивании умения вести диалог, входящего в состав информационно-речевой компетентности учащихся). Это позволит получить более разностороннюю и полную информацию и снизить вероятность формирования случайных заключений, сделанных на основе выполнения младшим школьником диагностических заданий. Важным при этом является и сохранение обычной рабочей обстановки, поэтому целесообразно:

- не сообщать учащимся о проведении наблюдения;
- не использовать на занятии новых методов и отдельных заданий (если таковые не являются необходимыми для получения информации в процессе наблюдения);
- не менять стиля общения с детьми, объема предлагаемого материала и принципов оценки их деятельности в ходе и по окончании работы.

Следующая группа методов диагностического инструментария – тестовые методики, которые представляют собой тесты, анкеты, опросники, шкалы для оценивания экспертами и самооценки. Они позволяют выявить содержательные характеристики компетентностей обучающихся, установить наличие или отсутствие отдельных проявлений в отношениях, оценках, социальном взаимодействии учащихся.

Поэтому использование данного способа диагностики наиболее целесообразно при оценивании социальной и коммуникативной компетентностей учащихся.

Вне зависимости от конкретных задач и методов изучения компетентностей нужно учитывать следующие немаловажные моменты:

- разные дети, ввиду индивидуальных психофизических особенностей и характера учебной деятельности, по-разному будут выполнять диагностические задания, отвечать на вопросы тестов и вести себя в ситуации самостоятельной учебной деятельности, поэтому важно одновременно использовать не менее двух методов обследования;
- появление положительных и отрицательных сдвигов в уровне сформированности компетентностей в процессе обучения возможно в разные периоды, что требует систематичности в отслеживании изменений;
- чаще одного раза в год предъявлять экспериментальные методики не целесообразно, ввиду возможного появления эффекта «обучаемости» экспериментальным заданиям, поэтому при необходимости более частых срезов полезно использовать наблюдение за детьми в процессе обучения (при необходимости расширив его программу) и другие методы сбора информации.

Диагностику компетентностей учеников проводит учитель. Педагог-психолог может подключиться к диагностике по договоренности с учителем в режиме сотрудничества.

При комплексном оценивании сформированности компетентностей обучающихся целесообразно придерживаться следующей программы:

- 1) Оценивание сформированности предметных компетентностей с помощью диагностических заданий.
- 2) Изучение особенностей коммуникативной и социальной компетентностей обучающихся с помощью соответствующих методик.
- 3) Наблюдение за ребенком в процессе самостоятельной учебной деятельности на уроке.
- 4) Сбор дополнительных данных с помощью других методов исследования.
- 5) Анализ полученных данных, определение уровня сформированности предметных компетентностей и специфических особенностей сформированности социальной и коммуникативной компетентностей у каждого ребенка; составление диагностических карт.
- 6) Составление рекомендаций для дальнейшего обучения школьника.

Предложенная последовательность действий в работе может варьироваться, исходя из специфики конкретных задач и условий диагностики. Однако целесообразно придерживаться логики как в выборе, так и в чередовании отдельных этапов диагностической работы.

Ключевым звеном диагностики по оценке сформированности ключевых компетентностей является система критериев и показателей, соотносящаяся с содержанием социальной, коммуникативной и предметных компетентностей учащихся. Для определения такой системы критериев и показателей представляется необходимым в структуре каждой из рассматриваемых компетентностей выделить некоторые инварианты, характеризующие их сущность. Продемонстрируем систему критериев и показателей сформированности ключевых компетентностей учащихся на примере младшего школьного возраста.

Социальная компетентность в младшем школьном возрасте определяется изменением социальной ситуации развития ребенка. Он становится общественным субъектом и имеет теперь социально значимые обязанности, выполнение которых получает общественную оценку. Вся система жизненных отношений ребенка перестраивается и во многом определяется теперь тем, насколько успешно он справляется с общественными требованиями.

В этот период активно развивается и кристаллизуется мотивация деятельности. Позитивной для социальной адаптации является мотивация успеха в учебной деятельности. Мотивация боязни неудачи относится к негативной.

Этот возраст является периодом интенсивного развития и качественного преобразования когнитивной сферы личности. Его действия приобретают опосредованный характер, становятся осознанными и произвольными. Это создает фундамент для возникновения и развития таких новых качественных образований, как анализ, рефлексия, внутренний план действий.

Рефлексия и внутренний план действий меняют способность к произвольной регуляции поведения. Произвольная регуляция поведения, руководство в поведении сознательными, социально нормативными целями и правилами, способность к саморегуляции выступают в качестве второго существенного признака социальной компетентности.

В младшем школьном возрасте ребенок решает сущностное противоречие: укрепляет границы своего Я для других и одновременно открывается другим, чтобы отвечать их ожиданиям. Это способствует формированию его самооценки. В силу значимости для младшего школьника потребности соответствовать ожиданиям и ориентации на позитивность, его адаптации более способствует высокая самооценка, чем низкая.

В младшем школьном возрасте складывается новый тип отношений с окружающими людьми. Дети усваивают социальные нормы, вводят в межличностные отношения категории «плохо» и «хорошо», утрачивают безусловную ориентацию на взрослого и сближаются со сверстниками. Здесь для социальной адаптации востребованными оказываются навыки конструктивного взаимодействия.

Коммуникативная компетентность предстает как способность и готовность вступать в различного рода (вербальные, невербальные, письменные, устные) коммуникации с целью решения задач общения (поиска, передачи информации, быть понятым, понимать и т.п.).

Обозначенные особенности младшего школьного возраста, связанные с вхождением в школьное обучение как наиболее систематизированную форму общения, с включенностью в учебную деятельность как ведущую деятельность данного периода, определяют такие проявления коммуникативной компетентности учащегося, как дифференциация способов воздействия на партнеров общения; умение анализировать и оценивать общение; владение навыками хорошего слушания; владение навыками работы в микрогруппе; удовлетворенность характером взаимоотношений; доверие партнеру в процессе общения; умение оказывать и принимать знаки внимания; реагирование на критику (справедливую и несправедливую); реагирование на задевающие, провоцирующие вопросы; умение обратиться к сверстнику с просьбой; умение ответить отказом на чужую просьбу; умение самому оказать сочувствие, поддержку; умение принять сочувствие, поддержку; умение вступить в контакт.

Ядро предметной компетентности младших школьников, определяемой как уровень индивидуальной познавательной деятельности в предметных областях знания, который соответствует существующей в культуре социума системе принципов, ценностей и методов познания, составляют общеучебные умения.

В соответствии с «Федеральным компонентом государственного стандарта общего образования», для начального общего образования предметные компетентности представлены следующим образом:

- компетентность в области познавательной деятельности: наблюдение объектов окружающего мира; сравнение как способ познавательной деятельности (ответы на вопросы: «Чем похожи?», «Чем непохожи?»); простейшие измерения разными способами; работа с различными моделями; умение решать творческие задачи на уровне комбинаций, импровизаций;

- компетентность в области речевой деятельности и работы с информацией: работа с текстами разного типа; владение чтением, использование его для решения учебных задач и для саморазвития; владение диалогической и монологической речью (в соответствии с возможностями возраста); использование простейших логических выражений типа «и/или», «если, то...», «не только, но и...»; овладение первоначальными умениями передачи, поиска, преобразования, хранения информации, в том числе с использованием компьютера;

- компетентность в области организации деятельности: умение выполнять инструкцию, следовать образцу и алгоритму; самостоятельное установление последовательности действий при решении учебной задачи (ответы на вопросы: «Зачем и как я это делаю?», «Что и как нужно делать, чтобы достичь цели?»); определение способов контроля и оценки деятельности; определение причин возникающих трудностей; предвидение трудностей; нахождение в работе ошибок и их исправление; умения учебного сотрудничества.

В соответствии с представленным составом социальной, коммуникативной и предметных компетентностей, система критериев по их оценке содержит:

- когнитивный (содержательный) критерий, отражающий степень сформированности представлений младшего школьника в различных областях жизнедеятельности; основная смысловая нагрузка оценки сформированности компетентностей по данному критерию выражается в категориях: «называет»; «характеризует», «приводит примеры», «имеет представление», «описывает» и т.п.;

- деятельностно-творческий (функциональный) критерий, выявляющий способность младшего школьника действовать (применять имеющиеся знания) в соответствии с имеющимися у него представлениями; показателями сформированности компетентности по данному критерию выступают конкретные умения, владение способами деятельности;

- личностно-смысловой (позиционно-ценностный) критерий, обнаруживающий отношение младшего школьника к опыту деятельности, степень, направленность и характер его интересов, собственную позицию в познавательной деятельности, деловом и межличностном взаимодействии.

Как уже отмечалось выше, диагностика сформированности компетентностей возможна как при организации специфических диагностических ситуаций, а именно диагностических заданий и специализированных методик, так и в ходе наблюдения за учебной деятельностью учащихся в естественных условиях. Это позволяет получить более полную информацию об изучаемых явлениях, провести детальный анализ и сделать выводы. В соответствии с этим положением диагностический инструментарий для оценивания степени сформированности компетентностей учащихся представлен диагностическими заданиями, направлениями наблюдений и тестовыми методиками (тестами, анкетами и др.), выступающими в качестве способов оценивания сформированности компетентностей.

Распределение способов оценивания сформированности различных компетентностей школьников (предметных, а также коммуникативной и социальной) не равномерно. Так, для оценивания предметных компетентностей предлагаются главным образом диагностические задания и направления наблюдений. Исключение составляет определение сформированности предметных компетентностей по личностно-смысловому критерию.

Диагностика коммуникативной и социальной компетентностей реализуется в ходе наблюдения за учебной деятельностью и межличностным взаимодействием обучающихся, а также при помощи специальных методик.

Каждое диагностическое задание представлено:

- 1) целевым ориентиром, указывающим на то, какой конкретно показатель сформированности компетентности оценивается;
- 2) инструкцией, содержащей формулировку задания (вопроса) и стимульный материал;
- 3) шкалой для оценивания степени выполнения задания.

Направления наблюдения содержат:

- целевую установку;
- шкалу для интерпретации результатов наблюдения.

В описании тестовых методик, как правило, представлены:

- 1) назначение методики или цель исследования;
- 2) описание методики;
- 3) инструкция для младшего школьника;
- 3) опросник или стимульный материал;
- 4) способы обработки результатов;
- 5) приемы интерпретации полученных данных.

Способы количественного представления и качественной интерпретации результатов диагностики для различных компетентностей также не одинаковы. Результаты оценивания сформированности предметных (познавательной, организационной, информационно-речевой) компетентностей учащихся представлены в виде уровней (и в диагностических заданиях, и в направлениях для наблюдений), для определения которого предлагается использовать четырехбалльную шкалу (от 0 до 3 баллов). Количество баллов соответствует уровням сформированности диагностируемых умений, которые в совокупности образуют уровень сформированности той или иной из предметных компетентностей.

Баллы и уровни сформированности умений соотносятся следующим образом:

- высокий уровень – от 2 до 3 баллов;
- средний уровень – от 1 до 2 баллов;
- низкий уровень – от 0 до 1 балла.

В каждом из заданий, как было отмечено выше, приведены количественное и качественное описание уровней сформированности, представлений умений и способов действия, являющихся показателями сформированности предметных компетентностей. Ориентируясь на это описание, педагог может оценить результаты выполнения задания и соотнести оценку с уровнем сформированности умения.

Для выявления уровня сформированности той или иной компетентности, входящей в состав предметных, необходимо подсчитать среднее арифметическое от общего количества

Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В.

ДИАГНОСТИКА СФОРМИРОВАННОСТИ КЛЮЧЕВЫХ КОМПЕТЕНТНОСТЕЙ ОБУЧАЕМЫХ:

ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ВОЗМОЖНОСТИ И МЕТОДЫ ОЦЕНКИ

баллов, полученных школьником за выполнение всех заданий, и соотнести полученное число с уровнем сформированности умений (см. выше). Аналогично подсчитывается количество баллов и делается вывод об уровне сформированности предметных компетентностей в целом.

При оценивании результатов может возникнуть ситуация, когда учитель обнаруживает в ответе учеников признаки разных уровней сформированности умения, которые можно оценить разным количеством баллов. В этом случае необходимо оценивать ответ по совокупности или по большинству признаков. Необходимо так же учитывать, что в характеристике того или иного умения можно выделить основные и сопутствующие признаки. Основные составляющие (признаки) того или иного умения обозначены в цели диагностического задания. В ситуации неопределенности необходимо ориентироваться прежде всего на основные, непосредственно относящиеся к данному умению, признаки.

Аналогичным образом оцениваются результаты наблюдения за учебной деятельностью и общением учащихся, входящих в инструментарий оценивания всех (предметных, коммуникативной и социальной) компетентностей. Для этого мы предлагаем использовать ту же четырехбалльную шкалу, которая применялась при оценивании результатов выполнения диагностических заданий с содержательно представленными показателями сформированности компетентностей. Это облегчит и позволит привести к единообразию систему словесно-графического представления совокупного результата диагностики компетентностей младших школьников.

Данные наблюдений сопоставляются с данными, полученными при оценивании сформированности предметных компетентностей по результатам выполнения учащимися диагностических заданий, после чего на основании среднего балла по этим двум формам оценивания делается вывод о степени сформированности той или иной из предметных компетентности обучающегося.

Оценивание результатов сформированности компетентностей (главным образом социальной и коммуникативной) в ходе проведения тестовых методик осуществляется не на основе уровней, а в зависимости от качества и характера проявления (или его отсутствия) того или иного показателя компетентности. Для того чтобы составить представление о сформированности (или несформированности) социальной или коммуникативной компетентностей, необходимо сопоставить проявления, демонстрируемые учащимися при проведении тестовых методик, с критериями и показателями сформированности компетентностей.

Диагностика ключевых компетентностей обучающихся в образовательном процессе будет способствовать:

- повышению интереса к проблеме оценки качества образования;
- анализу и экспертизе современных способов оценивания образовательных результатов обучающихся;
- осознанию учащимися своих интересов и способностей, развитию умения ставить и достигать конкретные цели саморазвития;
- сохранению здоровья учащихся за счет снижения уровня тревожности в ходе учебного процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев, А. Л. Компетентностная парадигма в образовании / А. Л. Андреев // Педагогика. – 2005. – № 4. – С. 24-32.
2. Зимняя, И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании. Авторская версия / И. А. Зимняя. – М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2004. – 40 с.
3. Конасова, Н. Ю. Новые формы оценивания образовательных результатов учащихся: учеб.-метод. пособие для администраторов и педагогов общеобразовательной школы / Н. Ю. Конасова. – СПб.: КАРО, 2006. – 112 с.

Цевелева И. В.
I. V. Tseveleva

ПРОБЛЕМА ХАРАКТЕРИСТИКИ СОЦИАЛЬНОЙ АКТИВНОСТИ В ПСИХОЛОГИИ
THE PROBLEM OF SOCIAL ACTIVITY CHARACTERIZATION IN PSYCHOLOGY

Цевелева Ирина Вячеславовна – кандидат психологических наук, доцент, заведующая кафедрой юриспруденции Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Мира д. 44, кв. 97; 8(4217)54-76-91. E-mail: irina@knastu.ru.
Ms. Irina V. Tseveleva – PhD in Psychology, Associate Professor, Head of the Department of Law, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681000, Komsomolsk-on-Amur, 44 Mira St., apt. 97, tel.: 8(4217) 547691. E-mail: irina@knastu.ru.

Аннотация. Данная статья посвящена проблеме социальной активности личности в современном обществе. В статье представлен анализ современных психологических исследований социальной активности, проанализированы различные точки зрения авторов на критерии ее оценки, а также описаны формы социальной активности.

Summary. The paper considers the problem of social activity of a person in the modern society. It presents a review of the current psychological study on social activity, of various points of view on the criteria of its estimation; forms of social activity are described.

Ключевые слова: активность, социальная активность, деятельность, личность, формы социальной активности, оценка социальной активности личности.

Key words: activity, social activity, action, person, forms of social activity, estimation of social activity of a person.

УДК 159.923:316.6

В философских исследованиях активность выступает как универсальное свойство, присущее всему живому. В психологии активность определяется как свойство и соотносится либо с категорией поведения, либо с деятельностью. При этом активность рассматривается как общепсихологическое понятие, выступающее как характеристика, качественный показатель какого-либо психического процесса или свойства.

Несколько иной смысл в понятие активность вкладывается при рассмотрении «активности личности», в данном случае она рассматривается как некое свойство, присущее индивиду и характеризующее не только поведение и деятельность субъекта, но и в целом определяющее жизненную позицию человека.

Неоднозначное толкование понятия «активность» в психологической литературе привело к тому, что отсутствует единое определение и единая точка зрения на данный феномен. Анализируя позиции современных психологов на понятие активности, В. Л. Хайкин выделяет три основных подхода, встречающихся в научных работах отечественных и зарубежных исследователей. Во-первых, активность является одной из характеристик процесса деятельности индивида. Во-вторых, активность определяют как состояние, противоположное пассивности. В-третьих, активность используют для обозначения инициативности субъекта [9].

Рассмотрим и проанализируем основные показатели активности, приводимые в различных определениях. Поскольку в данной работе рассматривается понятие «активность личности», не имеет смысла рассматривать феномен активности как свойства живой мате-

рии. В. Д. Небылицин рассматривает активность как группу личностных качеств, обуславливающих внутреннюю потребность индивида к освоению окружающего мира. При этом данная потребность, по мнению автора, реализуется в умственном, социальном и поведенческом плане [4].

В кратком психологическом словаре (под редакцией А. В. Петровского и М. Г. Ярошевского) понятие «активность личности» представляется через активную жизненную позицию человека. А. В. Петровский при этом выделяет специфический вид активности – «надситуативную активность», под которой понимает способность субъекта быть выше требований ситуации, то есть ставить и реализовывать цели, избыточные по отношению к исходно сформулированной задаче [5].

Традиционно активность характеризовали в соотношении с различными областями человеческой деятельности, выделяя специфические виды активности личности: трудовую, политическую, познавательную и др. При этом совокупность отдельных видов активности нельзя рассматривать как ее определение в целом, так как в данном случае не затрагивается характеристика общей личной позиции к себе, к своему развитию и окружающей действительности в целом.

Особенность и специфика активности человека определяется его сознанием, особенностями психики, спецификой процесса социализации. Н. С. Лейтес «активность человека» считает показателем характеристики психических процессов и свойств личности и определяет ее как меру взаимодействия индивида с окружающей действительностью, меру саморазвития. Таким образом, активность подразделяется на внешнюю, направленную на окружающую действительность, и на внутреннюю, направленную на себя. Источником внутренней активности являются мотивы, стремления, стереотипы, установки, которые одновременно являются и регуляторами внешней социальной активности личности [7].

В. Л. Хайкин считает, что для определения понятия «активность личности» необходимо учитывать следующие положения. Во-первых, активность приобретает свою специфику только в структуре и сущности деятельности. Во-вторых, человеческая активность обеспечивает формирование и развитие мира культуры и социокультурных отношений. В-третьих, активность конкретного субъекта определяется особенностями социальной среды, в которой осуществляется его жизнедеятельность, и в целом спецификой процесса социализации. В-четвертых, активность человека всегда многовариативна, не существует четких границ ее развития и преобразования [79].

Формы и специфика проявления человеческой активности зависят от культурно-исторических особенностей развития общества, индивидуальных особенностей человека, уровня развития общества в целом. В условиях современного общества проблемы, возникающие во всеобщем, социальном плане, побуждают к проявлению и развитию специфических форм индивидуальной активности личности. Таким образом, говоря об активности личности, можно утверждать, что ее детерминирует уровень развития общества.

Активность личности следует рассматривать в соотношении с деятельностью, при этом активность выступает как условие формирования и реализации деятельности и как показатель, критерий оценки результата и динамики деятельности. Социальная активность личности реализуется только в социальной, целенаправленной деятельности. Социальная активность обладает свойством самодвижения, то есть в социальной деятельности как особого рода активности содержатся элементы, обеспечивающие эволюцию социума, культуры и собственно личности.

Социальная активность личности может быть направлена на себя, то есть на самосовершенствование, саморазвитие и соответственно проявляется в новообразованиях личности.

Процесс социальной активности может быть выражен в адаптации человека к изменяющимся условиям общества, окружающей среды. В данном случае социальная активность проявляется в соответствующих изменениях в личностных подструктурах «Я» и деятельности индивида. Результатом социальной активности личности также выступают и преобразования социальной ситуации, социальных явлений и культуры в целом. В последних случаях следует говорить о внешней направленности социальной активности личности.

Анализируя социальную активность личности, нельзя ставить разграничения ее с деятельностью, так как, даже рассматривая проявления внутренней направленности социальной активности, о процессах саморазвития, самосовершенствования можно говорить как об особом роде видах деятельности. Деятельность представляет собой особую форму активности, при этом А. В. Петровский выделяет особую форму проявления активности – надситуативную активность. Социальная ситуация требует от индивида проявления определенного вида активности, в том же случае, когда субъект превышает пределы активности, требуемой сложившейся социальной ситуацией, то можно выделить надситуативную активность. В. А. Петровский при этом выделяет ряд характеристик надситуативной активности:

- избыточность по отношению к требованиям ситуации;
- избыточность по отношению к внутренним мотивам, обуславливающим деятельность;
- преодоление ситуативных ограничений, установок [5].

Автор предлагает рассматривать активность как движение, характеризующее деятельность и неотделимое от нее. Таким образом, важнейшей характеристикой социальной активности личности можно считать деятельность. В. Л. Хайкин при этом акцентирует внимание на введение в определение активности личности моментов движения деятельности, обусловленных индивидом. Автор предлагает рассматривать активность как присущую субъекту самостоятельную форму движения, воспроизводящую и расширяющую его способность к деятельности в предметной среде. В данном определении подчеркивается важность введения субъектности, индивидуальности в структуру социальной активности личности [9].

Социальную активность личности нельзя рассматривать как акт одномоментного проявления. Социальная активность по своей сущности представляет собой процесс, суть которого заключается в разрешении проблем его жизнедеятельности, адаптации к окружающему миру и преобразовании окружающей среды во всем многообразии возникающих жизненных ситуаций.

Определение качественных критериев оценки социальной активности вызывает значительные затруднения, так как, во-первых, сама социальная активность зависит от различных факторов: внешних (социальной среды, сложившейся социальной ситуации, уровня развития общества) и внутренних (особенностей темперамента, характера, индивидуального уровня развития психических процессов и др.). Говоря о необходимости оценки качества социальной активности, следует учитывать, что она функционирует в пределах пассивности – наивысшая активность. Поэтому оценка уровня социальной активности конкретного человека должна быть дифференцированной и ранжированной, то есть следует разграничивать разные виды, уровни и формы проявления социальной активности. В. Л. Хайкин предлагает в этом плане дифференцировать активность намерений, активность целей и активность действий индивида [9].

Обобщая вышеизложенное, можно сделать ряд выводов: социальная активность является высшей формой активности как основного свойства и состояния живого организма. Социальная активность личности является устойчивым свойством психики и сознания, она

обеспечивает жизнедеятельность человека в социуме. Социальная активность проявляется в поведении и деятельности человека.

Существует множество точек зрения на проблему выделения форм социальной активности. Так, В. Н. Секун предлагает выделять две основные формы активности – рефлексию и поведение. М. С. Каган в качестве форм социальной активности выделяет ценностно-ориентационную, преобразующую, коммуникативную, художественную [2]. А. А. Грачев выделяет две формы активности индивида: когнитивную и практическую [1].

Д. Н. Узнадзе в своем исследовании активности остановился на трех основных формах социальной активности индивида: активности индивида, активности субъекта и активности личности. При этом под активностью индивида понимается общение, потребление, игра, удовлетворение любознательности; под активностью субъекта – развлечения, уход за собой и за другими, выполнение общественных требований, удовлетворение эстетических потребностей. Активность личности, согласно точке зрения автора, предполагает художественное творчество, умственный и физический спорт (соревнование), труд и общественную деятельность. Очевидно, что в онтогенезе развития личности первой появляется активность индивида и завершает процесс развития социальной активности – активность личности, при этом все вышеперечисленные формы могут параллельно существовать и проявляться у взрослого человека [8].

Подводя итог сказанному, следует подчеркнуть, что в современной психологической литературе не существует единой классификации форм проявления социальной активности как устойчивого свойства и характеристики личности. Можно отметить, что при всем многообразии форм и проявлений социальной активности главными критериями ее оценки должны являться: произвольность – непроизвольность, направленность (внутренняя или внешняя), источник побуждающей силы (внешний – от окружающих людей, ситуации; внутренний), а также уровень ее воплощения, реализации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грачев, А. А. Реализация личностной активности в производственных ситуациях жизнедеятельности / А. А. Грачев // Психология личности и образ жизни: сб. / под ред. Е. В. Шороховой [и др.]. – М.: Наука, 1987. – 219 с.
2. Каган, М. С. Человеческая деятельность / М. С. Каган. – М.: Политиздат, 1974. – 328 с.
3. Корниенко, Д. С. Коммуникативная активность в структуре интегральной индивидуальности : автореф. дис. ... канд. психол. наук / Корниенко Дмитрий Сергеевич. – Пермь: Перм. пед. ун-т, 2003. – 19 с.
4. Небылицин, В. Д. Психофизиологические исследования индивидуальных различий / В. Д. Небылицин. – М.: Наука, 1976. – 336 с.
5. Петровский, А. В. Личность и ее активность в свете идей А. Н. Леонтьева / А. В. Петровский, В. А. Петровский // А. Н. Леонтьев и современная психология: сб. ст. памяти А. Н. Леонтьева. – М.: МГУ, 1983. – 247 с.
6. Психологический словарь / под ред. А. В. Петровского, М. Г. Ярошевского. – 2-е. изд. – М.: Политиздат, 1990. – 431 с.
7. Современная психология мотивации / под ред. Д. А. Леонтьева. – М.: Смысл, 2002. – 343 с.
8. Узнадзе, Д. Н. Психология установки / Д. Н. Узнадзе. – СПб.: Питер, 2001. – 416 с.
9. Хайкин, В. Л. Феномен активности в развитии личности: дисс. ... д-ра психол. наук / Хайкин Валерий Леонидович. – М., 2001. – 411 с.

Гиль О. Л.
O. L. Giel

**РОЛЬ ДОКУМЕНТАЛЬНОГО НАЧАЛА В РОМАНЕ У. СТАЙРОНА «ВЫБОР СОФИ»
(окончание)**

**NON-FICTION ELEMENTS IN WILLIAM STRYTON'S NOVEL "SOPHIE'S CHOICE"
(PART TWO)**

Гиль Ольга Львовна – кандидат филологических наук, доцент кафедры зарубежной литературы Омского государственного педагогического университета (Россия, Омск); 644099, г. Омск, ул. Партизанская, д. 4а, корп. 2. E-mail: Kafedra-2006@mail.ru.

Ms. Olga L. Giel – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Foreign Literature, Omsk State Pedagogical University (Russia, city of Omsk), 644099, Omsk, 4a Partisanskaya St., building 2; Kafedra-2006@mail.ru.

Аннотация. В статье исследуется взаимосвязь документа и художественной литературы в романе У. Стайрона «Выбор Софи». События в романе представлены через призму видения начинающего писателя Стинго, подружившегося с евреем Натаном и польской эмигранткой Софи, бывшей узницей Освенцима (Аушвица). При создании книги Стайрон опирался на множество документальных свидетельств. Предмет интереса автора данной работы – роль документа в романе Стайрона.

Summary. The paper studies the relation of documentary elements and fiction in the novel “Sophie’s Choice” by William Styron. The story is told by a young writer Stingo who becomes a friend with a Jew called Nathan and a Polish refugee girl Sophie - survivor of the Oświęcim (Auschwitz) concentration camp. Styron wrote the novel on the basis of many documents. The influence of real life documents on the novel is studied in this paper.

Ключевые слова: американская проза, документальная литература, художественная литература, вторая мировая война, нацизм, Освенцим (Аушвиц), выбор, ответственность.

Key words: American prose, non-fiction, belles-lettres, II World War, Nazism, Oświęcim (Auschwitz), choice, responsibility.

УДК 82(73)

Со страшным миром Освенцима узники соприкасались еще до того, как входили в ворота, на которых издали виднелась кошунственная надпись «Труд освобождает». Кошмар начинался на перроне, когда эсесовцы распределяли людей на группы: способных приносить пользу и подлежащих немедленному уничтожению. В романе «Выбор Софи» на перроне появляется важная для Стайрона фигура – врач, наделенный писателем говорящим именем, – Фриц Йеманд фон Ниманд (Fritz Jemand von Niemand). Стайрон дает ему одно из наиболее распространенных в Германии имен и ставшее, в силу этого, нарицательным. Фамилия же его в переводе с немецкого и вовсе означает «Некто фон Никто». Так появляется собирательный образ ничтожества, в силу обстоятельств реализовавшего свои низменные потребности и превратившегося в чудовище. По всей вероятности, этот образ своим происхождением обязан как минимум двум прототипам: самому коменданту лагеря Хессу и доктору Менгеле [1], прозванному заключенными «Ангелом Смерти». Как известно, доктор принимал личное участие в «селекции», отправляя людей в газовые камеры и в то же время подбирая себе «подопытных кроликов». Менгеле проводил страшные опыты на близнецах, калечил и убивал людей в поисках способов ограничения рождаемости «недочеловеков», исследовал воздействие психического и физического истощения на человеческий организм, заражал за-

ключенных различными болезнями, чтобы проверить на них эффективность новых лекарств и т.д.

Один из героев романа Стайрона – крестьянин Бронек, внешне полуидиот, а в действительности один из участников польского Соппротивления, оказался одним из таких подопытных: «После проведенного над ним опыта его должны были по всем правилам пустить в расход – сделать укол в сердце и вышвырнуть на свалку, как шелуху. Но Бронек обладал крестьянской жизнестойкостью <...>. Он бы по-прежнему вынослив, как козел, что сделало его для эсэсовских врачей предметом озадаченного изучения, а затем <...> привлекло внимание Хесса. <...> Он перевел Бронек под крышу своего дома...» [2, 356].

Мысли Стинго занимает фигура доктора, проводившего «селекцию» и предоставившего Софи возможность (а в действительности, заставившего) совершить чудовищный выбор: оставить в живых лишь одного из ее детей. Дочка Софи, держа в руках свою флейту и игрушечного мишку, отправляется в газовую камеру. В «Воспоминаниях» Хесс приводит несколько эпизодов из своего «послужного списка», когда не понимающие, что происходит, дети с игрушками в руках входили в газовые камеры, или, напротив, мать стремилась вытолкнуть из газовой камеры детей в надежде спасти их. Подобные примеры Хесс комментирует следующим образом: «Такие потрясающие сцены не были редкостью и производили угнетающее впечатление на всех присутствующих» [3].

В отличие от остальных офицеров-эсэсовцев, доктор в романе Стайрона был абсолютно пьян: «Глаза у него смотрели в разные стороны, <...> на отворотах его мундира виднелись жирные рисинки <...>. <...> для доктора находиться в таком виде было крайне опасно» [2, 667]. По мнению Стинго, доктор, когда-то искренне верующий человек, к моменту встречи с Софи «треснул как бамбук и начал рассыпаться» [2, 665]. Размышляя о нем, Стинго (и, разумеется, Стайрон), замечает: «...если он был хоть сколько-нибудь похож на своего шефа Рудольфа Хесса и на эсэсовцев вообще, то он <...> отбросил христианство, продолжая, однако, делать вид, что верит в бога. <...> не мог он не знать, что машина поставки рабов, которую он обслуживал <...>, была издевательством над богом и его отрицанием. А кроме того, доктор, по сути дела, был вассалом концерна «И. Г. Фарбен». <...> Ненасытная утроба «И.Г. Фарбен» требовала человеческого сырья...» [2, 668].

Так в повествование вводится еще один важный в понимании специфики функционирования Освенцима элемент – концерн «И.Г. Фарбен» [4], а с ним дважды возникает на страницах романа фигура одного из его управляющих – Вальтера Дюррфельда [5]. Впервые Дюррфельд появляется на страницах романа, когда Софи вспоминает довоенный Краков и встречу своего отца-германофила с холемым и обаятельным немецким промышленником. «Что прикажете делать такой стране, как Германия, – лишенной колоний, которые она могла бы использовать, <...>, при том, что ей противостоит враждебный мир, по краю которого ходят международные пираты и барышники? <...> Германии ничего не остается как *усиленно* творить. Она должна с помощью своего гения создать из хаоса *собственное* достояние – все! – а потом стать спиной к стене перед сонмом врагов» [2, 531], – убежденно и убедительно, с точки зрения Софи и ее отца, вещает Дюррфельд. И еще раз – но уже совсем в иной обстановке – довелось Софи встретить промышленника: шесть лет спустя, в Освенциме, расплывшийся и обрюзгший Дюррфельд говорил с Хессом «почти исключительно о евреях и их отправке в страну небытия» [2, 535]: «Вы действительно отвечаете перед властями, Руди <...>. Я ответственен перед правлением корпорации <...>, вы должны давать мне больше евреев, чтобы мы могли поддерживать производство на установленном уровне» [2, 557]. Вновь речь идет об экономике, об интересах Германии, и, как и прежде, за патетическими фразами таится страшная истина: для нацистов цель оправдывает средства, и жажда наживы и господства не подразумевает размышлений о судьбах «рабов».

Власти Освенцима предполагали, что заключенные проживут в лагере не более трех месяцев, не выдержав голода, побоев и унижений, поэтому первый заместитель коменданта лагеря Карл Фрич говорил вновь прибывшим: «Вы приехали сюда не в санаторий, а в немецкий концентрационный лагерь, из которого только один выход – через трубу. Если это кому-то не нравится, может хоть сейчас броситься на проволоку. Если есть в эшелоне евреи, то они не имеют права жить больше двух недель. Если есть ксендзы, то им дается один месяц, остальным – три месяца» [6]. Практически слово в слово эта речь дважды звучит в романе

Стайрона: впервые Софи цитирует слова начальника концлагеря для Стинго в контексте размышлений Стайрона о взаимосвязи нацизма и рабовладения, и затем писатель еще раз вкладывает фразы Фрича в уста Софи, когда она упоминает о том, что у нее отобрали дочь, и моментально меняет тему разговора. «Через двадцать четыре часа после прибытия в лагерь Софи узнала, что ей вынесен смертный приговор...» [2, 535-536], – комментирует повествователь.

И еще одну крайне важную мысль стремится донести до читателей Стайрон: среди тех, кто обеспечивал существование концлагерей, было совсем немного профессиональных военных. «...Ничего удивительного тут нет. Военные способны на страшные преступления <...>, способны творить вторичное зло – агрессивное, романтическое, мелодраматичное <...>. Подлинное же зло, зло Аушвица, от которого захватывает дух, – зло мрачное, однообразное, унылое, неприкрытое – осуществлялось почти исключительно гражданскими лицами. <...> среди эсесовцев в Аушвице-Биркенау <...> были представлены все слои германского общества. Там были официанты, булочники, плотники, владельцы ресторанов, врачи; там был бухгалтер, почтовый служащий <...>, медицинская сестра; слесарь, пожарник, таможенник, <...> фабрикант музыкальных инструментов <...> ... список этот может быть продолжен перечислением прочих <...> гражданских профессий [2, 207-208]. Лагерь становился местом формирования новой формы человеческого сообщества, представляющей собой «общество тотального подчинения» [2, 326], делающей возможным существование до той поры невыносимого. В частности, известно, что в Освенциме был оркестр, собранный из лучших музыкантов Европы. Оркестр этот исполнял марши при утренних и вечерних «переключках» узников, а также развлекал классической немецкой музыкой эсэсовцев в их свободное от «работы» время. В романе Стайрона во время «селекции» на перроне Освенцима чудовищным фоном для всего происходящего становятся громкие звуки «Кумпараситы».

Стремясь понять то, что происходило в Освенциме, Стайрон прочел множество воспоминаний тех, кому посчастливилось выжить. По большей части эти воспоминания сфокусированы на страданиях евреев, поэтому писатель акцентирует внимание на том, что героиня его романа «не будучи еврейкой, <...> выстрадала не меньше любого еврея, пережившего те же испытания <...>» [2, 302]. Стайрон также напоминает, что первыми, на ком испытали в Освенциме новые способы массового уничтожения людей, стали советские военнопленные. Цитируя книгу Джорджа Стайнера «Язык и молчание», Стайрон замечает: «Многим евреям чрезвычайно трудно представить себе картину в целом, заглянуть за пределы ожесточенного геноцида, проводившегося нацистами, вот почему Стайнер, еврей, лишь вскользь упоминает о великом множестве людей нееврейской национальности – о сотнях тысяч славян и цыган, попавших в жернова лагерной машины и истреблявшихся там столь же неуклонно, как евреи, хотя порой, быть может, менее методично, – представляется мне не столько недостатком, сколько простительным упущением с его стороны» [2, 302].

Однако проблема антисемитизма звучит в романе в полный голос. В этом смысле представляет интерес брошюра, написанная отцом героини Стайрона – польским профессором-антисемитом Збигневом Беганьским, – «Еврейский вопрос в Польше: даст ли национал-социализм на него ответ?». Его ненависть к евреям выливается в ряд предложений по осуществлению их депортации из Польши (в частности, он входит в состав правительственной комиссии по изучению возможностей создания еврейских поселений на Мадагаскаре). Профессор оказывается и одним из родоначальников идеи выделения «скамьи гетто» для еврейских студентов. Следующим шагом становится его рукопись, в которой поначалу выдвигается предложение «тотального выдворения» евреев, в окончательной редакции уверенно измененное на «уничтожение». Таким образом, заглавие брошюры профессора Беганьского звучит как риторический вопрос. Косвенный ответ на вопрос героя Стайрона можно найти и в рукописи Хесса «Окончательное решение еврейского вопроса» [7], раскрывающей смысл этого кодового названия: пересылку в Освенцим эшелонов с евреями, подлежащими уничтожению в газовых камерах Биркенау.

В то же время в романе Стайрона появляются и те, кто, рискуя собственной жизнью, спасал евреев от смерти. Одним из таких людей был девятнадцатилетний подпольщик Юзеф, чьей миссией во время оккупации Польши стало убийство соотечественников-предателей: «...среди поляков было много таких, которые выдавали евреев нацистам – иногда за деньги,

иногда – так. И Юзеф <...> их душил струной от пианино. <...> Он убил человек шесть или семь» [2, 491]. Юзефа, в свою очередь, убивают украинские националисты: «...фашисты выследили его. <...> Нацисты имели таких больших украинцев, которые занимались для них убийством. Они пришли <...> днем <...> и перерезали Юзефу горло. <...> Он лежал на лестнице и истекал кровью...» [2, 492].

Документальные источники позволяют Стайрону продемонстрировать не только отсутствие единства среди тех, кто противостоял фашизму, но и доказать, что антисемитизм не был присущ какой-то одной определенной нации.

Рассказ о том, как оказавшиеся в концлагере подпольщики продолжали борьбу, основан на «Воспоминаниях» Хесса и на иных документальных материалах. В частности, когда подруга Софи – Ванда – в очередной раз просит Софи о помощи, она призывает: «Ты должна все время держать глаза и уши открытыми. <...> Перемещения персонала, изменения в политике, передвижения этих свиней, эсэсовского начальства, – любая информация бесценна. Это же кровеносная система лагеря. Новости с войны! Все что угодно, что можно использовать против их грязной пропаганды. Неужели ты не понимаешь, высокий моральный дух – это единственное, что у нас осталось в этом аду. К примеру, добыть радиоприемник – вот это было бы бесценно! <...> если бы ты сумела выкрасть радио, чтобы мы могли слушать Лондон, это было бы все равно что спасти тысячи и тысячи жизней» [2, 536-537]. В «Воспоминаниях» бывшего коменданта концлагеря встречаются утверждения, что узники были информированы о том, что в действительности происходило на фронте, так как имели возможность слушать радио. Правда, по версии Хесса, информация была легкодоступна, что далеко не соответствует истине.

Смерть Ванды стала типичной для тех, кто имел смелость противостоять нацистам: «...ее поймали на подпольной работе. Ее отвели в тот хорошо известный тюремный блок. Ее пытали, потом подвесили на такой крюк, и она медленно задушилась до смерти... <...> Она была самый храбрый человек, какого я знала» [2, 567-568]. В данном случае героиня Стайрона повествует об одном из множества способов расправы с непокорными в концлагерях.

Влечение Хесса к Софи также имеет под собой определенную документальную основу. Имеются свидетельства того, что Хесс едва не был разжалован за связь с еврейкой. И намерение Софи соблазнить коменданта лагеря, в свою очередь, мотивировано в романе. Софи, потерявшая во время «селекции» свою дочь, стремится спасти жизнь сыну или хотя бы просто увидеть его. «...Во время отбора на железнодорожной платформе происходили трагические сцены: <...> разбивались семьи, людей охватывало волнение, беспокойство. <...> Конечно, каждая семья хотела быть вместе <...>, женщины <...> старались присоединиться к <...> детям, признанным трудоспособными» [3], – читаем у Хесса.

Во имя спасения жизни сына Софи готова на все. И Хесс дает ей слово офицера, обещающая отправить Яна из лагеря по специально разработанной нацистами программе, предполагающей онемечивание подходящих эсэсовцам по ряду параметров детей. «Почему я решила, что у этого эсэсовца может быть такая вещь, как честь? Возможно, из-за отца – он всегда говорил про германскую армию и офицеров и про то, какое у них высокое чувство чести, и принципы и прочее. Не знаю. Но Хесс не сдержал слова...» [2, 566]. Ян, очевидно, погиб так же, как многие другие, когда нацисты уничтожали узников, стремясь скрыть следы преступлений.

Размышляя спустя двадцать лет о скрытности Софи, Стинго пишет: «Я уже не раз упоминал о нежелании Софи говорить об Аушвице, о ее твердом и непреклонном молчании по поводу этой зловонной сточной ямы ее прошлого. <...> Мое представление о пребывании Софи в Аушвице получилось фрагментарным и, возможно, несколько искаженным, но в этом нет никакой предвзятости. Даже если бы Софи решилась открыть Натану или мне мрачные подробности двадцати месяцев, проведенных в Аушвице, я бы, наверное, вынужден был опустить над ними завесу, ибо, как замечает Джордж Стайнер, неясно, “не опасно ли тому, кто сам этого не испытал, касаться этих ужасов”» [2, 300-301]. Далее герой-повествователь (а фактически, сам Стайрон) поясняет: «Должен признаться, меня преследовало чувство, что я вторгаюсь в область испытаний, бесконечно унижающих человека, абсолютно необъяснимых и по праву неотъемлемо принадлежащих лишь тем, кто это выстрадал и погиб или вы-

жил. <...> Однако я не могу повторить вслед за Стайнером, что *молчание* – наилучшее решение вопроса <...>, тем более что сам-то Стайнер не молчал» [2, 300-301].

В то же время мысль Стайнера об опасности для человеческой психики информации определенного рода находит косвенное подтверждение в романе «Выбор Софи». Натан, который, как выясняется по мере развития действия, болен параноидальной шизофренией, до поры до времени, как и многие его соотечественники, имел весьма отдаленное представление о том, что происходило в Европе в первой половине сороковых годов. Однако просмотр кинохроники заставил его в самый короткий срок собрать информацию об ошеломивших его событиях: «...в кинотеатре <...>, куда они пошли смотреть фильм <...>, веселое настроение <...> было мгновенно сметено коротким документальным фильмом о Варшавском гетто. Софи захлестнула волна воспоминаний – она все узнавала. <...> Но тут до ее сознания дошло, что на экране происходит некий обряд: группа евреев сбрасывает покров с монумента памяти погибшим и их страданиям, а тенор, словно ангел, пронзенный кинжалом в сердце, выводит на иврите реквием над мрачной картиной опустошения. В темноте кинотеатра Софи услышала, как Натан пробормотал незнакомое слово: «Kaddish» [8], а когда они вышли на солнечный свет, он в волнении провел пальцами по глазам, и она увидела, что по его щекам текут слезы» [2, 442].

Натан, фактически возвративший Софи к жизни, ставший ее единственной опорой в послевоенном мире, во время приступов безумия превращается в палача, терзая ее одним и тем же вопросом: почему она выжила, когда многие другие погибли? В такие моменты Софи представляется Натану одной из тех, кто истреблял евреев в Освенциме. Очевидно, у Натана было мало шансов на излечение, но нет сомнения в том, что новая информация усугубила его состояние и стала одним из решающих факторов суицида. Быть может, и Софи сумела бы со временем приспособиться к мирной жизни, если бы ей не пришлось вновь и вновь сталкиваться с напоминаниями о прошлом. В таком случае возникает вопрос: всем ли должна быть доступна информация определенного рода? Однако, следуя логике повествования, следует признать, что сам писатель убежден в необходимости исследования прошлого хотя бы для того, чтобы избежать возможности его повторения в будущем. Избранная Стайнером форма повествования позволяет донести до широкой аудитории самые острые проблемы современности, напомнить о том, что не должно быть предано забвению.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Йозеф Менгеле (Josef Mengele, 1911-1979) после войны бежал в Южную Америку, где в 1960-х гг. начал вести записи, позже озаглавленные «Иллюстрированная зоология». Менгеле не просто остался безнаказанным, но и продолжал отстаивать свои взгляды, оправдывая не имеющие оправдания эксперименты. Утонул во время купания в море в результате инсульта.
2. Стайрон Уильям. Выбор Софи: роман / пер. с англ. Т. Кудрявцевой. – СПб., 1993.
3. В русском переводе: «Воспоминания Рудольфа Хесса» // Освенцим глазами СС. – Освенцим, 1975 // Режим доступа: http://www.jhistory.nfurman.com/shoa/osvencim003_01.
4. «И. Г.» в данном случае означает «общность интересов» (Interessen-Gemeinschaft Farbenindustrie).
5. Конгломерат «И.Г. Фарбен» не только исследовал способы получения химикатов, используемых при производстве взрывчатых веществ, выпускал «циклон-Б» и т.д., но и приносил баснословные доходы Третьему рейху. Инженер Дюррфельд был директором химического комбината, производившего искусственную резину и синтетический бензин в Освенциме.
6. Комментарии. Режим доступа: http://www.jhistory.nfurman.com/shoa/osvencim003_11.
7. Режим доступа: http://www.jhistory.nfurman.com/shoa/osvencim003_02.
8. Кошмар (иврит) (примечание переводчика).

Нечаева А. В.

ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ АНГЛОСАКСОНСКИХ ИМЕН

Нечаева А. В.

A. V. Nechaeva

ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ АНГЛОСАКСОНСКИХ ИМЕН

THE HISTORY OF ANGLO-SAXON NAMES

Нечаева Анастасия Владимировна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации факультета языковой коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: itten4@mail.ru.

Anastasia V. Nechaeva - Senior Lecturer at the Department of Linguistic and Intercultural Communication, Faculty of Language Communication of Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Komsomolsk-on-Amur). E-mail: itten4@mail.ru.

Аннотация. Данная статья посвящена вопросам происхождения англосаксонских имен, развитию именных систем и антропонимических традиций племенных народов Британских островов до XI в. н.э. Также рассматриваются вопросы развития древнеанглийской двухкомпонентной антропонимической формулы.

Summary. This paper explores the history of Anglo-Saxon names, their origin and development of name systems and anthroponymic traditions of tribe people settled on the territory of modern Britain till XI AD. The author also studies the issues of the development of the Old English two-component anthroponymic formula.

Ключевые слова: именная система, антропонимические традиции, генеалогические прозвища, английский именьник, двухкомпонентная антропонимическая формула.

Key words: name system, anthroponymic traditions, genealogical by-names, list of English names, two component anthroponymic formula.

УДК 811(111)

Современные английские антропонимы представляют собой своеобразную мозаику, составленную из наименований древних и новых, исконно английских и заимствованных, традиционных и придуманных, отличающихся друг от друга по структурным и семантическим признакам имен.

Одним из основных положений исторической ономастики является тезис о том, что имя собственное – сложное и многоаспектное образование, имеющее как лингвистические, так и социокультурные характеристики, которые тесно соприкасаются и взаимно обуславливают друг друга. Задача исследователя заключается в том, чтобы при реконструкции того или иного фрагмента истории антропонимов учитывать действие как лингвистических, так и экстралингвистических факторов.

Становление антропонимической формулы, состав ее компонентов и их особенности неоднократно рассматривались лингвистами на материале различных языков.

Было выявлено, что древнейшая индоевропейская антропонимическая формула состояла из одного компонента – личного имени. Дальнейшее ее развитие в различных языках происходило за счет правостороннего расширения. К личному имени добавлялось второе,

официальное именование, постепенно трансформировавшееся в фамилию в современном понимании этого слова. Другие компоненты, появившиеся позже, располагались между личным именем и фамилией. Современная антропонимическая формула прошла долгую эволюцию, но порядок расположения ее компонентов сложился уже на очень раннем этапе [1, 18].

В древние времена люди жили обособленными группами, племенами. По мере того как они покидали пещеры и формировали общество, происходило развитие и формирование процесса именования. Имена были простыми, членов племени не называли в честь умерших или живущих родственников. В древности люди верили, что однажды выбранное имя предопределяет судьбу человека.

В отдельные эпохи у представителей разных народов складываются своеобразные традиции, связанные с именами. Например, в некоторые исторические периоды существовала традиция давать ребенку имена – названия малоценных предметов, чтобы предохранить его «от сглаза», от порчи. В другие времена, напротив, при именовании детей обращались к звонким, пышным именам, чтобы прославить человека через его имя. Например, у древних греков имена *Ипатий* (греч. *хипатос* «владыка»), *Ириней* (*иринеос* «мирный»), *Кир* (*кириос* «владыка») были образованы, казалось бы, от простых слов греческого языка. Но все это – эпитеты Зевса, верховного бога греков. Давая подобное имя ребенку, греки стремились прославить свой род, приближая себя к Зевсу или какому-либо другому богу [5, 10].

Как же проходил процесс именования в англосаксонский период и что означали эти имена?

Антропонимические традиции и вкусы древнего иберийского населения Британских островов (предполагаемые первые жители этих мест) трудноустановимы. Единственным источником имен этого периода служат надписи на огамических камнях.

Кельтские племена гаэлов (предки ирландцев и шотландцев), кимров (предки валлийцев), бриттов принесли свою антропонимию. Гаэльские имена состояли из двух основ: *Faolchadh* < *faol* «волк» + *chadh* «воин», *Muireadhch* < *muir* «море» + *eadhach* «люди», *Cuchatha* < *cu* «пес» + *chatcha* «сражение».

Прозвища гаэлов можно разделить на классические четыре разряда индоевропейской системы. Большое предпочтение отдавалось генеалогическим прозвищам, из которых строилась именная цепочка, указывающая на родословную по отцовской (реже по материнской) линии. В основном в генеалогических прозвищах использовался термин *mac* = *maq* «сын», реже *iu* «внук», *fer* «муж» (например, совр. *Macdonald* < *mac* + *Domnhall*, *Macrae* < *mac* + *Rath*). Позже под влиянием германского *son* = *sunu* появляется у шотландцев *Ferguson* < *Fergus* + *son*, *Farquharson* < *Farquhar* + *son*. Также возникают местные, оттопонимические имена: *Mannan* – «с островов Мэн»; другие группы: *Mognuadatt* – «раб Наудат», *Maclir* – «сын моря» (так гаэлы называли искусных лодочников), *Brecc* – «конопатый» и т.д.

Кимры населяли юг современной Англии, а затем были оттеснены на запад на территорию современного Уэльса. Имена кимров также были двусоставными: *Cadgubtel* < *cad* «битва» + *gustel* «сражение», *Gryffyd* < *cref* «сильный» + *fydd* «верпа», *Branwen* < *bran* «грудь» + *gwen* «белая». Свои имена собственные кимры меняли на протяжении жизни в зависимости от каких-либо значительных обстоятельств: потерянный и вновь найденный ребенок мог получить другое имя, после битвы юноша мог также выбрать себе новое имя. Иногда к именам добавлялись прозвища.

Длительное (около четырех веков) пребывание римских легионов на территории Британии не внесло большого вклада в антропонимию островных кельтов, исключая, пожалуй, имя *Arthur* < *Lat. Artorius* [4, 38].

В VI в. н.э. началось переселение германских племен англов, саксов, фризов, ютов и других, отличавшихся языковыми и культурными особенностями, с континента на Британские острова. Такие имена собственные, как *Acha*, *Bega*, *Eadu*, *Utta* были самыми распространенными женскими племенными именами того периода, а самыми распространенными мужскими именами считались *Artos*, *Cada*, *Cyng*, *Eric*.

К 800 г. саксы стали самым большим племенем, располагавшимся на современной территории Англии. Они стали доминировать над остальными, и большая часть племен начала использовать язык саксов и их систему именования. Дети, рожденные в это время, в основном получали одно имя, которое состояло из двух элементов. Каждый элемент имел свое значение. Например, *Aelgifu* – *elf gift* («подарок эльфа»), *Ealdgar* – *old spear* («старое копье») или *Aethelstan* – *noble stone* («благородный камень»). Со временем простые слова вытеснялись сложными, наиболее весомыми по смыслу. При создании имени использовались логические цепочки слов, которые черпались из особого фонда англоязычных слов. Причем каждое из этих слов имело право лишь на определенное место в имени – первое или второе [2, 46].

Появление и развитие фамилий было обусловлено социально-экономическим развитием общества. Основными функциями этого антропонима являются *объединяющая* (объединяет членов одной семьи, рода), *определяющая*, *дифференцирующая* (способствует различению членов семьи, одного рода от членов другой семьи, рода); *идентифицирующая* (выделяет, идентифицирует человека в социуме) [3, 100].

В англосаксонский период фамилий не было, поэтому принадлежность к одной семье можно было показать двумя способами. В каждом имени члена семьи мог присутствовать один повторяющийся элемент (отец – *Aethelstan*, сын – *Aethelwulf*, внук – *Aethelgar*). Или в одной семье использовалось ограниченное количество определенных имен, передававшихся через поколение. Например, отец – *Aethelstan*, сын – *Ealdgar*, внук или правнук – *Aethelstan*. На первый взгляд такая система наименования может запутать. Но мы должны помнить о продолжительности жизни, фатальных исходах битв и неизлечимых болезнях того времени. Поэтому, называя ребенка в честь деда, родители могли быть уверены, что к тому времени, как ребенок начнет взаимодействовать с окружающими его соплеменниками и вступит в права наследования собственности, он будет единственным владельцем этого имени.

Постепенно в моду того времени входило добавление дополнительного именования к имени. Они, как и фамилии, делились на генеалогические, оттопонимические и профессионально-должностные. Использование дополнительного имени в процессе именования в англосаксонский период можно считать зарождением прозвищ и фамилий, передающихся из поколения в поколение.

В одних случаях дополнительное имя использовалось для различения двух людей с одинаковыми именами, в других – для определения статуса человека. По мере взросления человек приобретал определенные физические или личные черты, название которых в дальнейшем и использовалось при прибавлении к имени собственному. Такие слова, как *Grim* – *savage* («жестокий, злой»), *Heana* – *tall* («высокий»), *Hoga* – *wise* («мудрый») описывали характер или физические черты обладателя имени, слова *Dohter* – *daughter* («дочь») и *Sone* или *Sunu* – *son* («сын») указывали на происхождение, а *Boda* – *messenger* («посланник») или *Swan* – *swine herd* («свинопас») указывали на профессию человека.

В антропонимической системе англосаксов дополнительные именования заняли место после личных имен. Такой порядок расположения компонентов древнеанглийской антропонимической формулы строго соблюдался, по крайней мере, в официальных документах

древнеанглийского периода. Сам характер документа требовал, чтобы указанные в нем лица были четко обозначены, чтобы в нем были зафиксированы постоянные признаки человека. Функцию таких постоянных характеристик выполняли личное имя и дополнительное именование.

Под влиянием официальной документации эта последовательность (личное имя + дополнительное именование) закреплялась в обыденном сознании. Таким образом, употребление дополнительного именования в постпозиции к личному имени постепенно становилось нормой.

Модель данной древнеанглийской двухкомпонентной антропонимической формулы была зафиксирована в самых первых памятниках письменности, созданных в VII в. н.э. В отдельных случаях к личному имени при записи добавляется дополнительное указание на родственные связи: *Hering Hussan sunu*, *Eadwine Aelling*; должность, сан: *Wadda presbyter*; на какую-то отличительную черту человека: *Hewald Niger* [1, 21].

Сопоставление различных памятников деловой письменности показало, что дополнительные именования чаще встречаются в документах, написанных на родном языке. Это, как правило, документы частного характера (завещания, купчие, вольные, земельные тяжбы).

Таким образом, VII в. можно условно считать датой появления вторых, дополнительных именований в Англии. Возможно, дополнительные определения (прозвища) добавлялись в целях различения к личному имени еще в дописьменный период; однако об этом нет достоверных сведений.

Древнеанглийские памятники письменности отражают, как правило, имена мужчин. Женщины, не имевшие юридических прав, упоминались в официальных документах крайне редко. Как правило, их обозначали при помощи генеалогических именований: *Byrhtwaru Aelfrices laf* (д.а. *laf* «widow»); *Edit Linegeros wif*. В редких случаях отмечены другие типы именований: *eadgifu aet leofecan oran*. Однако ни по своим свойствам, ни по структурными особенностям женские дополнительные именования не отличались от мужских [1, 25].

Несмотря на то что основы английской двухкомпонентной формулы были заложены уже в конце X – начале XI вв., к концу древнеанглийского периода развитие английской официальной двухкомпонентной формулы еще не было завершено.

Нашествия скандинавов (датчан и норвежцев) на Англию, начавшиеся в конце VIII в. и повторявшиеся в течение последующих столетий до XI в., не оказали существенного влияния на систему имен, сложившуюся у англосаксов в то время. Скандинавы осели в восточных, центральных и северных частях Англии (территория Эссекса, Восточной Англии, часть Мерсии и Нортумбрии), образовав «Область датского права» – *Danelaw*. Сравнительно быстро они слились с англосаксами, усвоив их нравы, язык, религию, общественные порядки и учреждения.

Следует также отметить, что в X в. в Англии сокращается число личных имен, употреблявшихся для наречения. Это связано с изменением традиции: широко распространяется принцип наречения детей в честь родственников или выдающихся предков [1, 26]. В результате древнеанглийский именной резко сужается.

Следующим этапом, повлиявшим на развитие англоязычных имен собственных, является Нормандское завоевание Англии в 1066 г. Начиная с этого времени, норманны оказывают огромное влияние на политику страны, ее население, язык, а также систему именования. Теперь у многих землевладельцев появляются титулы. Например, новый король Англии имел два имени: *William Duke of Normandy* (Вильгельм герцог Нормандии) и *William the*

Conqueror (Вильгельм Завоеватель). Первое показывало его титул и земли, которыми он владел, а второе прозвище отображало его силу и напоминало о достигнутых им победах.

Завоеватели импортировали свои антропонимы, которые вскоре стали вытеснять исконные англосаксонские имена. Усвоение новых имен наиболее широко шло в правящих кругах. Так наиболее распространенными именами стали William, Robert, Richard, Ralph, Rodger, Hugo и др.

Англосаксонское население деревень, городов и сельских местностей привыкло к простым именам, которые они использовали на протяжении веков. Тем не менее, изменения в системе наименования затронули и их. Население росло, города и деревни становились больше, люди путешествовали с целью торговли за пределы своих населенных пунктов. Общаясь друг с другом, они перенимали новые имена. Богатство английского именника быстро сузилось в связи с концентрацией имен, а также возник второй компонент наименования – наследственное имя.

Норманны впервые провели перепись населения и свели ее в многотомную «Книгу Судного дня» (*Domesday Book*), содержащую богатый антропонимический материал конца XI в. [4, 38-39].

Многие англосаксонские имена были забыты после норманнского завоевания и опять вошли в моду только в XVIII-XIX вв. (например: Algar, Edgar, Edith, Edward и т.д.). Всего в общей сложности древние англосаксонские имена составляют 20-25 % от общего числа англоязычных антропонимов.

Таким образом, англосаксонские антропонимы претерпели существенные изменения в период с VII в. по первую половину XI в. В конце древнеанглийского периода неотъемлемой составной частью официального именования человека становится дополнительное именование, которое занимает постоянное место внутри антропонимической формулы.

Уже в древнеанглийский период антропонимы объединяют членов одной семьи или передаются по наследству. Вместе с тем в древнеанглийский период двухкомпонентная антропонимическая формула еще не стала всеобщей и обязательной. Вплоть до 1066 г. в документах встречаются записи, в которых дополнительные именованья отсутствуют или заменяются развернутыми описаниями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гусынина, Е. Б. Лингвистические и экстралингвистические основы формирования двухкомпонентной антропонимической формулы в древнеанглийский период / Е. Б. Гусынина // Вестник Удмуртского ун-та. – 2009. – № 1. – С. 18-28.
2. Кочева, О. Н. Большой словарь имен / О. Н. Кочева. – 2-е изд. – Ростов н/Д.: Феникс, 2009. – 329 с.
3. Мадиева, Г. Б. Антропонимы как средство выражения национальной культуры / Г. Б. Мадиева, В. И. Супрун // Проблемы ономастики. – 2010. – С. 96-102.
4. Системы личных имен у народов мира. – М.: Наука, 1986. – 383 с.
5. Суперанская, А. В. Имя – через века и страны / А. В. Суперанская. – М.: ЛКИ, 2007. – 192 с.
6. <http://www.babynamguide.com/categoryanglo-saxon.asp?strCat=Anglo-Saxon>.
7. <http://www.behindthename.com/nmc/eng-anci.php>.
8. <http://www.vestyorvik.org/library/names>.

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.
A. A. Shuneyko, I. A. Avdeenko

ОРИЕНТАЦИЯ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЕВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ

ORIENTATION AS ONE OF THE STAGES OF IMPLEMENTATION OF SCENARIOS OF INFORMATION AND COMMUNICATION EVENTS

Шунейко Александр Альфредович – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Mr. Alexander A. Shuneyko – Doctor of Philology, Associate Professor, Professor at the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin St., tel.: 8-4217-52-98-18. E-mail: shuneyko@knastu.ru.

Авдеенко Иван Анатольевич – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры русского языка Амурского гуманитарно-педагогического государственного университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Кирова, 17. E-mail: iavdeenko@mail.ru.

Mr. Ivan A. Avdeenko – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of the Russian Language Studies of the Amur Humanitarian and Pedagogical University (Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 17 Kirov St. E-mail: iavdeenko@mail.ru

Аннотация. Общая природа ориентации у всех сценариев такова: актуальный участник собирает информацию о состоянии информационного пространства, своем месте в нем, картографирует его. При этом информация может во всех сценариях черпаться не только извне, из фактов, мнений других людей, но также из собственных фантазий.

Summary. All scenarios have the same type of orientation: an actual participant gathers information about the state of the information space, his/her place in it, and then maps it. At the same time the information in all scenarios can be gathered not only from outside, i.e. from facts and other people's opinions, but also from one's own imagination.

Ключевые слова: сценарии информационно-коммуникативных событий, ориентация, участник, информационное пространство, коммуникативное пространство.

Key words: scenarios of information and communicative events, orientation, participant, information field, communicative space.

УДК 804.0:801.1

Третьим этапом реализации любого сценария [1; 2; 3; 4; 5] является ориентация. Общая природа ориентации у всех сценариев такова: актуальный участник собирает информацию о состоянии информационного пространства, своем месте в нем, картографирует его. При этом информация может во всех сценариях черпаться не только извне, из фактов, мнений других людей, но также из собственных фантазий. Подчеркнутое внимание инициатора к определенным, неинтересным ему ранее объектам коммуникативного и информационного

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.

ОРИЕНТАЦИЯ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЕВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ

пространства уже на этом этапе выдает инициатора другим участникам коммуникации, в том числе реагентам.

На этом этапе инициатор работает с информационными объектами, обращая внимание на их координацию с объектами пространства коммуникативного. Направление и характер работы инициатора задаются отчасти состоянием информационного пространства, сложившимся в результате процессов самоорганизации, а отчасти свойствами самого инициатора, сформировавшимися в ходе приобретения им опыта коммуникации и мыслительной деятельности. Двойственность определяющего фактора предопределяет наличие той или иной степени ошибочности создаваемой инициатором карты. Само же создание карты информационного пространства в связи с предпосылками возникновения сценария и фактом предшествующего втягивания участников продолжает привязывать инициатора к актуальным с точки зрения процессов самоорганизации темам, хотя у инициатора в любом случае остается возможность выхода из сценария. Пытаясь воссоздать действительное состояние определенной части информационного пространства, инициатор находится под диктатом информационного пространства, но в то же время он пытается навязывать ему свои представления, фантомы, приписывать ему существующие лишь с его точки зрения характеристики. Деятельность актуального участника в данном случае сводится к тому, что он пытается упорядочить ту часть информационного пространства, которая находится в поле его наблюдения. Процесс производится под управлением целевой установки. В соответствии с ней выделяются фрагменты информационного пространства, которые являются важными для успешной реализации сценария. После этого они различным образом маркируются, обозначаются.

Та или иная отмеченность объекта может быть для этого объекта фактором, придающим ему характер аттрактора или репеллера по отношению к информационному пространству. При этом создаваемая карта информационного пространства накладывается на уже существующие или параллельно создаваемые карты, а возникающие при этом несоответствия, смещения создают информационные возмущения, которые могут приводить к тому, что яркость отметки в одной информационной карте может оставаться константной, усиливаться или затемняться во вновь создаваемой, могут возникать миражи несуществующих объектов, отрицательные галлюцинации, а также множество других информационных эффектов.

В типологических реализациях сказанное выше выглядит следующим образом.

Сценарий допроса

На этом этапе возникает карта информационного пространства, на которой отмечаются объекты трех типов: с вероятной избыточностью информации, с её недостаточностью и способствующие перетеканию информации из первых во вторые. Инициатор, помещая себя в поле недостаточности, осуществляет селекцию реальных или мыслимых как реальные объектов с точки зрения того, насколько они могут быть полезными для получения информации, определяет источник, состав источников, из которого информация может быть получена, и степень необходимости, способы, формы работы с ними. Помещенность инициатора в поле недостаточности предопределяет то, что инициатор перестает воспринимать себя как источник информации. В коммуникативном пространстве это выражается в сокращении до минимума продуцируемой им речи (Вопросы здесь задаю я).

Если реагент предполагает свою включенность в построенную кем-либо карту, то в зависимости от того, насколько и что он знает, а также от того, насколько адекватно он оценивает ту информацию, которой обладает (например, преступник боится, что его в конце концов найдут и спросят), а также в зависимости от потребности поделиться этой информацией и от того, насколько поляризованы в его сознании эти области, ведет различную подготовительную работу; он может становиться инициатором сценария самонавязывания или провокации (напрашиваться на то, чтобы его спросили, или уклоняться от этого).

Сценарий отчета

На этом этапе возникает карта информационного пространства, на которой отмечаются направления, векторы, области, в которые возможна трансляция информации. Кто в ко-

нечном счете окажется в этом поле, на пути этого вектора в коммуникативном пространстве предсказать невозможно (если запросить информацию, не зная об этом, нельзя, то распространять, не подозревая об этом, можно; если спросить, который час, у обычной собаки невозможно, то рассказать ей о том, что тебя волнует, можно всегда, при этом услышать отчет может не только собака). У создаваемой в рамках этого сценария карты изначально нет той меры определенности, которая есть в рамках допроса (возможен крик в пространство), поэтому взаимодействие с другими картами информационного пространства (в том числе создаваемыми реагентом) ограничивается в основном параллельным существованием или поверхностным наложением, само взаимодействие между картами менее актуально. Инициатор определяет адресата, состав адресатов, которым информация может быть передана, степень необходимости, желательности, возможности контакта с ними, но его, как правило, не интересует наличие или отсутствие у адресата имеющейся у инициатора информации.

Степень включенности реагента зависит от того, насколько адекватно он оценивает ту информацию, которой он сам владеет, информацию, которую может ему передать источник. В зависимости от активности инициатора реагент предполагает, кто, о чем и в какое время может ему что-либо рассказать и ведет подготовительную работу (ориентируется на возможность предстоящего разговора или пытается его избежать).

Сценарий миротворчества

На этом этапе возникает карта информационного пространства, на которой отмечают компоненты конфликтной области, включающие в себя указание на содержание конфликта (параметры, по которым конфликтуют две или более темы), его долгосрочность, возможность преодоления и взаимодействие с прилегающими областями. Поскольку конфликтная область всегда напряжена и, следовательно, динамична, метки на этой карте подвижны. Кроме того, карта конфликтной области, создаваемая инициатором, в идеале должна включать в себя все метки карт этой области, созданных участниками конфликта. Однако буквальным и полным учет карт невозможен: актуализируются ошибки, миражи информационных компонентов, заведомая ложь, односторонность, предвзятость. Сама попытка совмещения карт создает дополнительную напряженность как тема, попадающая в конфликтную область. Продуцируемая инициатором карта сама вступает в конфликт с другими картами этой конфликтной области. Таким образом, попытка миротворческого вмешательства уже на этом этапе приводит к потенциальному разжиганию конфликта в коммуникативном пространстве (как гласит народная мудрость: «Двое дерутся – третий не встречай») и реальному увеличению конфликтной области информационного пространства или созданию её виртуального фантома (кажущейся адекватной и обоснованной карты несуществующего конфликта). Такой эффект всегда сопровождает миротворческую деятельность и создает препятствия, мешающие переходу к собственно миротворческим действиям в коммуникативном пространстве, побуждающие к отказу от дальнейшего продолжения сценария, а также к действиям реагента по пресечению миротворческого вмешательства.

Инициатор на этом этапе собирает информацию о конфликте в различных аспектах (состав участников, причины, степень разрешимости, точки зрения на конфликт), а также умозрительно создает галерею карт конфликта и некоторый инвариант представления о его составе. Реагент, предполагающий свое участие в сценарии, обнаруживает миротворца, оценивает то, насколько он может помешать продуктивному протеканию конфликта.

Сценарий провокации

На этом этапе возникает карта информационного пространства, на которой отмечают компоненты, используя которые можно повысить активность темы и тем самым снизить тревожность, то есть уязвимые семантические комплексы темы, которые позволяют подтолкнуть её к действию. Эти метки более адресны, локальны, чем в сценарии миротворчества, всегда касаются конкретного объекта («Где у него кнопка?») (Приключения Электроника). Смысл создания карты информационного пространства в данном случае состоит в нанесении двух типов меток: с одной стороны, метки тех объектов информационного простран-

Шунейко А. А., Авдеенко И. А.

ОРИЕНТАЦИЯ КАК ЭТАП РЕАЛИЗАЦИИ СЦЕНАРИЕВ ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАТИВНЫХ СОБЫТИЙ

ства, которые в данный момент руководят поведением потенциального реагента, с другой – метки объектов, которые так или иначе могут в будущем изменить это поведение. И те, и другие метки могут быть разной степени предпочтительности. Эти метки соотносятся с меткой потенциально активной темы, определяя направления, по которым, используя метки второго типа, можно изменить, устранить, значительно снизить влияние меток первого типа. Однако, поскольку буквальный и полный учет влиятельных информационных объектов невозможен, возникают ошибки, миражи информационных компонентов и т.д.

Инициатор на этом этапе собирает информацию о различных аспектах активности темы (объекте, которым предстоит руководить, его установках, привычках, страхах, приоритетах, окружении; способных повлиять на поведение лица субъектах, событиях; своих умениях, возможностях), условиях, повышающих и понижающих её. Реагент, предполагающий свое участие в сценарии, обнаруживает провокатора, оценивает то, насколько он может изменить привычные для реагента формы поведения, сопротивляется сбору информации, засоряя коммуникативное пространство сообщениями, не адекватными ситуации, которой пытается руководить инициатор.

Сценарий самонавязывания

На этом этапе возникает карта информационного пространства, на которой отмечаются темы, актуализируя которые инициатор может повысить свой статус, и одновременно те темы, актуализировать которые нельзя, то есть темы, которые нужно к себе притянуть, и темы, которые нужно от себя максимально удалить. При этом разметка тем производится на фоне совокупности тем, существующих для данной группы (они могут находиться в русле групповых интересов или в той или иной степени отличаться от них, в том числе полностью приписываться группе инициатором). Однако, поскольку полный учет выгодных и невыгодных тем невозможен, особенно в силу того, что в картах других участников коммуникации состав этих тем может значительно отличаться, возникают ошибки, миражи информационных объектов и т.д.

Инициатор на этом этапе собирает информацию о различных темах (их приемлемости, неприемлемости, предпочтительности для себя и окружения), условиях, повышающих и понижающих степень проявления этих признаков. Реагент, предполагающий свое участие в сценарии, оценивает то, насколько может измениться привычное для него распределение коммуникативных ролей. И, если считает возможное изменение нежелательным, сопротивляется сбору информации, провоцирует ошибки, преподнося неприемлемые темы в качестве приемлемых и наоборот.

Сценарий отпугивания

На этом этапе возникает карта информационного пространства, на которой отмечаются темы информационного пространства, притягивая или отталкивая которые инициатор может кардинально повлиять на восприятие окружающими темы «Я и мое место в мире», сделав её неприемлемой для окружающих. При этом разметка учитывает в первую очередь восприятие этих тем группой людей, на которых предполагается оказать воздействие. Инициатор подразделяет темы на амбивалентные и поляризованные, а поляризованные – на поляризованные позитивно и негативно, а также оценивает их соотношение (количество, кучность), чтобы определить, сколько и каких негативно поляризованных тем необходимо для того, чтобы нейтрализовать позитивную поляризацию. Не последнее место на этой карте занимают возможные и реальные препятствия. Для него принципиально важны характеристики того, кого предстоит напугать (в ребенка можно ничего не кидать, а просто рывкнуть), и взгляд на себя. Поскольку в восприятии инициатора и в восприятии других членов группы такая карта практически не может быть тождественной, на этом этапе возможны ошибки и миражи, препятствующие адекватному видению информационного пространства инициатором.

Инициатор на этом этапе собирает информацию о различных темах (их приемлемости, неприемлемости, предпочтительности для окружения), условиях, повышающих и понижающих степень проявления этих признаков.

Реагент, предполагающий свое участие в сценарии, оценивает то, насколько может измениться привычное для реагента распределение коммуникативных ролей, и в зависимости от своих установок сопротивляется сбору информации, провоцирует ошибки или способствует корректности, точности собираемой инициатором информации.

Сценарий состязания

На этом этапе возникает карта информационного пространства, на которой отмечаются детали интересующей инициатора иерархии (иерархий): компоненты, оценочные шкалы, принципы, на которых она базируется, границы, связи с другими иерархиями. Инициатор проецирует карту информационного пространства в коммуникативное и отмечает свое реальное и желаемое место. При этом в информационном и коммуникативном пространстве возникают возмущения, связанные, во-первых, с отказом инициатора от своего места, а во-вторых, с неточностями, ошибками при проецировании карты информационного пространства в коммуникативное. Сам инициатор сущностно выходит из иерархии, превращаясь в наблюдателя, что также вызывает возмущения, более слабые в информационном и сильные в коммуникативном пространствах. Поскольку сама иерархия вынуждена реагировать на появление наблюдателя, любая карта, построенная им, является изначально устаревшей. Поэтому аналитически продвинутый инициатор будет строить карту не данного момента, а перспективную – с учетом изменений, которые могут произойти в иерархии в связи с изменением его позиции. При этом у реагентов существуют свои карты информационного и коммуникативного пространств, в различной степени отличающиеся от построенной инициатором и в различной степени адекватные информационной реальности. Совмещение всех этих карт друг с другом и с реальным состоянием информационного и коммуникативного пространств создает дополнительное напряжение, которое также отодвигает инициатора от адекватного представления о ситуации.

Инициатор на этом этапе собирает информацию о различных темах и их отношении к различным иерархиям, а также условиях, повышающих и понижающих ранг той или иной темы в иерархии. Реагент, предполагающий свое участие в сценарии, оценивает то, насколько устойчива иерархия, в зависимости от собственных целей сопротивляется или способствует сбору информации, провоцирует или предотвращает ошибки.

Сценарий подчинения

На этом этапе возникает карта информационного пространства, на которой отмечаются позиции интересующей инициатора иерархии, по отношению к которым предъявляются менее значительные требования, которые содержат большую степень свободы и меньшее количество взаимодействий. Точкой отсчета для него служит та позиция, которую он занимает сейчас. В отличие от сценария состязания при картографировании иерархии инициатор не занимает позиции наблюдателя, а оценивает характер других позиций, находясь внутри иерархии. Это, в частности, приводит к множеству ошибок, обусловленных отсутствием должной широты обзора: инициатору кажется, что условия существования на более низких ступенях лучше только потому, что к ним не предъявляются те требования, которым вынужден соответствовать он на своей ступени. При этом реальный состав требований на более низких ступенях представляется лишь приблизительно. В результате действий инициатора создается карта информационного пространства, на которой обозначены возможные точки снижения статуса в иерархии. Кроме того, задача инициатора на этом этапе предполагает определение тех составляющих иерархии, от которых он хочет избавиться: нежелательных взаимодействий, избегаемых требований.

Полученную таким образом карту информационного пространства инициатор проецирует на коммуникативное, актуализируя соотношение признаков позиции в иерархии и личностных характеристик конкретных людей. При этом ему кажется, что все нижестоящие люди бодрее, веселее, менее загружены, имеют больше возможностей для маневра, могут больше времени посвятить себе. С учетом отношений, репрезентируемых подчиненными: от беззаботности, успешности до вечных проблем, с которыми обращаются те или иные подчи-

ненные, – он окрашивает возможные свои места как более или менее желаемые и проецирует отношения с подчиненными на соответствующие признаки ступеней иерархии в информационном пространстве. Вследствие контрастных противопоставлений множества объектов информационного пространства одному объекту и приписывания им внешних характеристик возникает напряженность фрагментов самой иерархии и возмущения в информационном пространстве.

Инициатор на этом этапе собирает информацию о различных темах и их отношении к иерархии, в которой находится, условиях, понижающих ранг той или иной темы в иерархии. Реагент, предполагающий свое участие в сценарии, оценивает то, насколько устойчива иерархия, сопротивляется сбору информации и провоцирует ошибки или способствует корректности, точности собираемой информации, ориентируясь на свои цели.

Сценарий создания

На этом этапе возникает карта информационного пространства, на которой отмечаются объекты двух типов: с одной стороны, устойчивые и постоянные, которые наделяются отрицательными характеристиками, а с другой, меняющиеся, нестабильные, которые наделяются характеристиками положительными. Нестабильность объекта, нахождение его в процессе изменения подразумевает для инициатора потенциальное появление чего-то нового, принципиально отличающегося от всех иных компонентов. Инициатор концентрирует свое внимание на нестабильных объектах и пытается предугадать результат изменений, который выразится в появлении новой темы. В силу пульсирующего характера и повсеместности изменений он не может отчетливо назвать зарождающуюся тему, но наделяет её экстраординарными характеристиками. В информационном пространстве инициатор ищет, что ей не соответствует, что ей противоречит, и маркирует эти объекты, одновременно отмечая иным способом то, что с ней коррелирует. Поскольку тема ещё четко не определена, число этих меток оказывается очень большим, причем гораздо больше оказывается меток несоответствия. Инициатор не может удержать в сознании все метки одновременно, что приводит к постоянному изменению состава отмеченных объектов: обозначая новые, он теряет из вида какие-то ранее отмеченные. Тем не менее, уже сама фиксация противопоставлений наделяет зарождающуюся тему большой жизнеспособностью и инициатор перемещает её в исходную точку, центр картины мира, изменяя и дополняя картину мира.

Полученная таким образом принципиально неоконченная, в некотором смысле фиктивная, гипотетическая карта информационного пространства проецируется инициатором на пространство коммуникативное. Возникающие при этом конфликты усиливают представление инициатора о несовершенстве мира: положительное в нем должно соответствовать одному, но неизвестному; отрицательное же определено и его много. Действия инициатора сводятся к тому, что он пытается сфокусировать свое зрение на том, чего еще нет. Однако инициатор, в силу различных факторов, может соотнести зарождающуюся тему, способную, с его точки зрения, привести к улучшению мира, с конкретным предметом или существом в коммуникативном пространстве, тем самым обожествить его, выходя таким образом из сценария создания и запуская сценарий самонавязывания (так появляются кумиры и их фанаты, фетиши и идолы, иконы, разнообразные золотые тельцы и т.п.). Если проецирования не происходит, инициатор оказывается перед необходимостью создать в коммуникативном пространстве объект, который отражал бы процесс зарождения новой темы. Таким объектом обычно становятся его вербальные действия.

Инициатор на этом этапе собирает информацию о различных темах, очерчивает круг противопоставлений зарождающейся теме и смежные с ней явления. Это позволяет первоначально, примерно определить её. Реагент, предполагающий свое участие в сценарии, оценивает, насколько опасен для него потенциально новый взгляд, и в зависимости от своих интересов и степени консерватизма сопротивляется или способствует сбору информации, провоцирует ошибки или помогает их избежать.

Сценарий уничтожения

На этом этапе возникает карта информационного пространства, на которой отмечаются объекты, вызывающие отрицательные ощущения, наделенные негативными характеристиками, которые стягиваются в какую-то одну точку картины мира и таким образом определяют лишний объект, воплощающий в себе всё негативное. При этом инициатор видит одни линии связей и не видит других. Тем не менее, отрицательный объект оказывается в центре личной картины мира, приобретает характеристику причины всех бедствий и особенно отмечается. После этого те линии, которые привели к данной точке, не замечаются, но проводятся другие, от центра к иным объектам. В результате все объекты начинают восприниматься сквозь его призму, что придает отрицательному объекту особый статус избыточного препятствия к гармонии, стабильности. В силу всего этого картина мира деформируется, становится однобокой и упрощенной. Своей кажущейся простотой такая картина мира, и в особенности – её отрицательный центр, поработают инициатора, превращая его в существо, призванное этот центр уничтожить.

Полученная таким образом карта информационного пространства проецируется инициатором на пространство коммуникативное. При этом возникают конфликты, которые автоматически признаются следствиями влияния негативного объекта и игнорируются, а нестыкующиеся объекты коммуникативного пространства намечаются к первоочередному уничтожению.

Инициатор на этом этапе собирает информацию о различных темах, очерчивает круг соответствий излишней теме и смежные с ней явления. Реагент, предполагающий свое участие в сценарии, оценивает то, насколько опасно для него исчезновение темы, пытается управлять сбором информации в зависимости от своих интересов, собственных представлений о пользе изменения картины мира, степени узости или широты своих взглядов.

Сценарий эксперимента (игры)

На этом этапе возникает карта информационного пространства, на которой отмечается уникальная тема и максимально широкий круг объектов, которые могут с ней взаимодействовать. Оценка совместимости темы с другими элементами и составляющими информационного пространства приводит к переосмыслению, постановке под сомнение ранее сформировавшихся стереотипов её восприятия, что одновременно может сопровождаться двумя типами процедур. Первый тип связан с выпадением этой темы из поля зрения инициатора, её потерей в хаотическом нагромождении информации. В этом случае картина мира деформируется, становится непостижимой и неустойчивой в отдельном сегменте или в целом, в зависимости от роли уникальной темы в информационном пространстве. Это приводит к отторжению инициатора и его переходу в другие сценарии. Второй тип связан с локализованным во времени гипотетическим соотношением этой темы с конкретными элементами. В этом случае сценарий развивается дальше: картина мира становится вариативной, допускающей иные, неизвестные до сего времени взаимодействия. В этом случае на карте отмечаются объекты, способные к взаимодействию с уникальной темой наиболее экстремально и неиспользованные ранее.

Полученная таким образом карта информационного пространства проецируется инициатором на пространство коммуникативное. При этом возникают конфликты, которые признаются следствиями влияния стереотипов и подтверждают правильность отбора объектов, способных взаимодействовать с данной темой наиболее экстремально (так никто не говорит, это никто всерьез не обсуждает, значит именно так и нужно попробовать). В результате проецирования карты информационного пространства на коммуникативное инициатор более четко видит направления возможных взаимодействий, способных поглотить избыточную энергию, нейтрализовать амбивалентность.

Инициатор на этом этапе собирает информацию о теме, очерчивает круг наименее подходящих, не смежных с ней явлений. Это позволяет четко определить направление дальнейших действий. Реагент, предполагающий свое участие в сценарии, оценивает то, насколько

ко опасна для него попытка найти новые взаимодействия, пытается управлять сбором информации, нейтрализовать или стимулировать действия инициатора, опираясь на свои установки относительно пользы изменения представлений, степень узости или широты своих взглядов.

Сценарий мимикрии

На этом этапе возникает карта информационного пространства, на которой отмечаются объекты, которые формально можно выдать за другие, у которых зазор между формой и содержанием позволяет форму и содержание пересоотнести так, что в форму одного объекта вкладывается содержание совсем иного. На карте возникают группы объектов, которые объединены тематически, но в то же время антонимичны. В этих группах определяются объекты, в отношении которых подмена формы наиболее выгодна и проста. В результате возникают две картины мира: одна содержит действительное соотношение форм и содержаний, а во второй эта подмена гармонично и правдоподобно совершена. Инициатор сам может в разной степени принимать искаженную картину мира, но в любом случае она представляется ему достоверной. Именно эта картина мира становится для инициатора базой для последующих действий.

Искаженную, но правдоподобную картину мира инициатор проецирует на пространство коммуникативное. При этом всегда возникает конфликт желаемого и действительного, который может иметь самые разные разрешения от грубого обвинения в лживости до катарсиса. Сам факт этого конфликта деформирует коммуникативное пространство, становится в нем точкой бифуркации.

Инициатор на этом этапе собирает информацию о свойствах объектов, подходящих для оптимальных подмен, создает базу для дальнейших действий. Реагент, предполагающий свое участие в сценарии, оценивает то, насколько опасен для него потенциальный факт подмены, пытается управлять сбором информации, нейтрализовать или стимулировать инициатора, опираясь на свои установки по отношению к категории подмены и к инициатору.

В заключение следует отметить, что ориентация как этап реализации сценариев информационно-коммуникативных событий всегда предполагает упрощение реального состояния информационного пространства, смещение акцентов в представлении о нем. Информационное и коммуникативное пространство всегда сложнее любой карты, что делает картографирование изначально конфликтным по отношению к действительности процессом. Тем не менее, стремление к соответствию процедур, характерных для того или иного сценария, сущности и закономерностям протекания сценариев обеспечивает необходимую степень адекватности коммуникативного поведения человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шунейко, А. А. Сценарии информационно-коммуникативных событий (общее определение) / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № I-2(1). – С. 58-64.
2. Шунейко, А. А. Целевые установки сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № II-2(2). – С. 86-98.
3. Шунейко, А. А. Предпосылки реализации сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № III-2(3). – С. 93-97.
4. Шунейко, А. А. Участники сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2010. – № IV-2(4). – С. 76-89.
5. Шунейко, А. А. Втягивание участников как этап реализации сценариев информационно-коммуникативных событий / А. А. Шунейко, И. А. Авдеенко // Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Науки о человеке, обществе и культуре. – 2011. – № I-2(5). – С. 55-61.

Сова О. Н.
O. N. Sova

**СИМВОЛИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАДИКАЛЬНОГО НОНКОНФОРМИЗМА
В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

LATIN AMERICAN RADICAL NON-CONFORMISM IN ITS SYMBOLIC ASPECT

Сова Оксана Николаевна – аспирантка, старший преподаватель кафедры всемирной истории Благовещенского государственного педагогического университета (Россия, Благовещенск); 675004, г. Благовещенск, ул. Шевченко, д. 44, кв. 27; 8-924-673-78-03. E-mail: alexdon@mail.ru.

Ms. Oksana N. Sova – PhD Candidate, Senior Lecturer at the Department of the World History, City of Blagoveschensk State Pedagogical University (Russia, Blagoveschensk), 675004 Blagoveschensk, 44 Shevchenko St., apt. 27, tel.: 8-924-673-78-03. E-mail: torres@amur.ru.

Аннотация. В данной статье автор с помощью семиотического анализа одного из феноменов современной латиноамериканской культуры пытается определить типологию символов, влияющих на генезис радикального нонконформизма. Делается вывод о наличии семиотического поля как условия существования рассматриваемого явления культуры.

Summary. In this paper the author attempts to define, by means of semiotic analysis, the typology of symbols that impact the genesis of radical nonconformism. A conclusion is made that there is always a semiotic field as a prerequisite for the existence of the cultural phenomenon under consideration.

Ключевые слова: культура, радикальный нонконформизм, символы, семиотическое поле.

Key words: culture, radical nonconformism, symbols, semiotic field.

УДК 008 (8)

Для латиноамериканской культуры второй половины XX – начала XXI вв. характерен феномен радикального нонконформизма (РН). Изучение культурно-исторической ситуации в Венесуэле, Колумбии и Мексике позволило дать определение этому явлению. РН – это совокупность идей, образцов мышления и методов их практической реализации, расходящихся с нормами жизнедеятельности, пропагандируемыми в обществе исторически сложившейся в латиноамериканском регионе олигархией. Свое выражение РН находит в разных плоскостях культуры, включая социальную, мировоззренческую, художественно-образную, а также семиотическую и информационную. Два последних измерения отражают символическую и информационную насыщенность культуры, оказывая влияние на коммуникативные отношения в обществе. Интерес представляет исследование символического аспекта РН в культуре Латинской Америки, позволяющего разобраться в особенностях генезиса данного явления.

Феномен РН в рассматриваемом регионе проявляется по-разному: в деятельности партизанских движений – Сапатистской Армии Национального Освобождения (EZLN) в Мексике, Революционных Вооруженных Сил Колумбии – Армии Народа (FARC-EP) в Колумбии, а также в политической деятельности венесуэльского президента У. Чавеса. Радикально-нонконформистские установки можно найти и в искусстве латиноамериканских стран. Это, в свою очередь, заставляет обратиться к отдельным произведениям художественной литературы, живописи и скульптуры, несущих в себе символическую составляющую РН.

Сова О. Н.

**СИМВОЛИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАДИКАЛЬНОГО НОНКОНФОРМИЗМА
В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Семиотический анализ проявлений РН в культуре позволяет составить типологию символов, в том числе объясняющих ее специфику.

Большим количеством символов пронизаны мировоззрение и методы борьбы сапатистов – современных мексиканских партизан. Уделяя этому моменту особое внимание, сапатисты почитают индейские легенды и мифы, которые представляют для них кладезь символов. Это объясняется социальным составом EZLN (в основном индейским), а также участием индейских общин в выработке стратегии борьбы партизан.

Одним из символов сапатистов является образ маиса, не только традиционной пищи индейцев, но и как ассоциация с ним самих коренных жителей и в частности партизан. Согласно легенде, люди из маиса были созданы богами для исправления несправедливости – освобождения ими людей из дерева, вынужденных работать на людей из золота [3, 74-75]. Символична окраска зерен кукурузы, которая своими оттенками (от желтого до красного) указывает на цвет кожи повстанцев и их сторонников (белых, метисов и собственно индейцев).

Подчеркивая то, что сапатисты стремятся не к захвату власти в стране, а к мобилизации гражданского населения как фактору возможных перемен, они ссылаются на легенду о ручьях, спускающихся с гор в долину для наполнения реки водой. «Вы – ручьи, мы – река...», – звучат слова в устах почтенного индейца, утверждающего, что повстанцы необходимы для «пробуждения» народа, а затем они должны исчезнуть как вода, давшая плодородие земле, уходит под землю [3, 76-78]. Отсюда становится понятным первоначальное название политических и культурных мест встреч сапатистов с их сторонниками – «Aguascalientes» (с исп. «Горячие источники/воды») [6, 130].

В августе 2003 г. произошло переименование «Aguascalientes» в «Caracoles» (с исп. «Улитки»). «Улитками» стали называться зоны проживания нескольких индейских народностей. Это название также является не случайным, а тесно связано с индейской мифологией. Фигура улитки ассоциируется у коренных народов Мексики со знанием, жизнью, словом как способом коллективного принятия решений, письмом, дорогой к сердцу [2, 459-460]. Каждая из таких «Улиток», располагаясь на определенной территории, имеет свое название. Например, «Мать Улиток Моря наших Снов» в Ла Реалидад; «Торнадо наших Слов» в Морелии или «Сопrotивление и Восстание Человечности» в Овентике [6, 264-265]. Как видно из обозначений «Улиток», выбранные индейцами названия отразили суть концепции борьбы EZLN: решение вопросов через диалог, борьба за справедливость и права людей.

В «Улитках» имеются независимые от официальной власти Хунты Хорошего Правительства (ХХП), индейские органы самоуправления, названия которых также символичны: «Сердце Радуги Надежды», «Дорога Будущего», «Центральное Сердце Сапатистов к Миру» и т.д. Под управлением ХХП находятся автономные поселения, среди названий которых встречаются имена героев освободительной борьбы в Латинской Америке («Ф. Вилья», «М. Идальго», «Э. Че Гевара»), памятные даты борьбы самих сапатистов («1 января», «17 ноября»), имена католических святых («Сан Мануэль», «Сан Хосе Восставший»), ценности индейцев («Свобода Народов Майя», «Земля и свобода», «Мир») [6, 267-268]. Стоит отметить, что в названии EZLN фигурирует имя Э. Сапаты, активного участника Мексиканской революции 1910-1917 гг. Этот факт является не только данью памяти сапатистов борцу за коренные изменения в жизни крестьян, но и отражает их стремление быть продолжателями его идей и борьбы.

Наличие у мексиканских партизан и их сторонников ряда символов, связанных с мифами, легендами индейцев, дополненного обращением к именам святых, позволяет выделить

группу символов, относящуюся к *религиозно-мифологическому типу*. В то же время почитание традиций освободительной борьбы, связанных с ними героев и событий, говорит о существовании *социально-политического типа* символов, который характерен и для преобразовательной деятельности венесуэльского правительства наших дней.

Под руководством президента У. Чавеса в Боливарианской Республике Венесуэла осуществляется построение «социализма XXI в.», в основе которого лежит теория боливаризма. Это объясняется приверженностью идей, выдвинутых в начале XIX в. героем Войны за независимость в Латинской Америке – С. Боливаром. Имена остальных героев освободительной борьбы, а также людей, оказавших влияние на становление сознания и личности С. Боливара, запечатлены в названиях социальных программ: «Миссия Сукре», «Миссия Рибас», «Миссия Негра Ипполита», «Миссия Робинзон» и др. [7, 206-224]. В Каракасе создан Фонд «Международный центр сотрудничества имени Ф. де Миранды», Предтечи независимости страны.

Во время своих публичных выступлений в начале президентской карьеры У. Чавес часто появлялся в военной форме (зеленого цвета форма и красный берет). С одной стороны, это связано с его бывшей службой в армии, а с другой – с тем, что красный берет являлся эмблемой патриотического движения в эпоху Войны за независимость. Тем самым У. Чавес еще раз подчеркивал преемственность своей политической деятельности с идейным наследием героического прошлого Венесуэлы.

К социально-политическому типу символов также следует отнести традицию, связанную с присутствием в названиях мексиканской и колумбийской повстанческих организациях слова «армия». Она восходит к временам национально-освободительной борьбы начала XIX в., когда в регионе появлялись революционные народные армии в противовес официальным вооруженным силам, уничтожившим очаги народного сопротивления.

К *аграрному* типу символов будут относиться те символы, которые отражают нерешенный в Латинской Америке земельный вопрос. Ярко представлен этот момент в деятельности EZLN и сапатистских общин. Появляясь на публике, сапатисты закрывают лица масками. Изначально использовавшиеся в целях безопасности маски превратились со временем в символ сапатистского движения «людей без лиц, без прошлого, без имен...». Солидарные с EZLN люди также надевают во время общественных мероприятий маски или платки, закрывающие большую часть лица. Характерным признаком деятельности EZLN стала акция, когда в очередной день независимости Мексики в 2002 г. в знак протеста на лица статуй героев за независимость были одеты маски. Почитаемую индейцами святой деву Гваделупскую, защитницу обездоленных и несчастных, сапатисты изображают на плакатах с прикрытым лицом в знак солидарности с повстанцами.

Черный цвет масок ассоциируется EZLN с цветом земли, значимость которой для индейцев связана с многовековыми традициями. Земля для индейцев – это часть их самобытной культуры, сохранения общинной организации и некоторой автономии. Кроме того, осуществленный в 2001 г. сапатистами «поход цвета земли», мирный поход на Мехико по территории ряда штатов с требованием конституционного признания прав и культуры индейских народов, проходил по городам в такой последовательности, что на карте можно было нарисовать фигуру ранее упоминавшейся Улитки. Этот факт говорит, что для EZLN имеет большое значение символический аспект их борьбы. В то же время видна тенденция тесного переплетения символов одного типа с другим (например, в данном случае аграрного с религиозно-мифологическим).

Сова О. Н.

**СИМВОЛИЧЕСКИЙ АСПЕКТ РАДИКАЛЬНОГО НОНКОНФОРМИЗМА
В ЛАТИНОАМЕРИКАНСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

Дополнить общую картину можно яркими примерами использования религиозно-мифологических символов в латиноамериканском искусстве во второй половине XX в., которое отражает феномен РН. В этом плане стоит обратиться к романам колумбийского писателя Г. Гарсиа Маркеса «Сто лет одиночества» (1967), «Генерал в своем лабиринте» (1989), венесуэльского писателя М. Отеро Сильвы «Когда хочется плакать, не плачу» (1970) и мексиканского писателя К. Фуэнтеса «Смерть Артемио Круса» (1962).

В романе Маркеса «Сто лет одиночества» проявилось стремление к символическому обобщению континентальной реальности, ход событий выстроен таким образом, чтобы отразить индейский миф о круговороте событий и возвращении всего к своим истокам. Как отмечает В. Земсков, этот роман представляет «мифологизированный образ национальной колумбийской истории, но в то же время истории и венесуэльской, и вообще латиноамериканской» [4, 272]. При этом автор на протяжении всего сюжета отмечает приходящие латиноамериканцам сопротивление и борьбу за свое жизненное пространство, самобытность, права. «Генерал в своем лабиринте» – это пересмотр мифов Латинской Америки относительно событий освободительного движения начала XIX в. и ее героев.

К. Фуэнтес положил в основу своего романа целую систему ацтекских мифов, причем как на уровне символа, так и на уровне ритуала. Показывая предсмертные часы своего героя, писатель опирается на миф, согласно которому мертвые проходят через разные препятствия, пока не достигнут Миктлана, самого момента смерти. Описание агонии Круса (с исп. «крест» – проявление связи с религией) является ключом к пониманию мексиканской реальности через цепь поступков героя. Демонстрация мифологических обрядов дает писателю возможность вскрыть, как отмечает Д. Мендоса, общие корни развития цивилизации в прошлом и настоящем, взаимодействие современного и архаического типов мышления [1, 90]. Обращение К. Фуэнтеса и других латиноамериканских писателей к богатому духовному наследию доколумбовой Америки, фольклорно-мифологическому мышлению предков позволяет им глубже понять действительность.

В романе «Когда хочется плакать, не плачу» М. Отеро Сильва, размышляя над проблемой революционной борьбы и освободительного движения на примере венесуэльских событий 1960-х гг., в прологе обратился к христианской тематике. Согласно основному сюжету романа, в Каракасе в один день родились три мальчика, которые получили имя первохристианина Викторина. Несмотря на разные судьбы, все они поднялись – каждый по-своему – на борьбу против жестокой реальности и погибли в одно время. Викторино – имя, объединившее великомученика времен борьбы раннего христианства с римским язычеством и современной писателю венесуэльской молодежи эпохи диктатуры П. Хименеса. Проведенная М. Отеро Сильвой параллель между двумя кризисными эпохами, за которыми стоит новый мир, помогла автору отразить закономерные этапы развития истории, веру в победу новой нравственности и справедливости в обществе.

Символом борьбы и победы для латиноамериканцев выступает образ С. Боливара, героя освободительной борьбы региона. Ему посвящены работы венесуэльских художников Г. Брачо, Т. Саласа. В своем творчестве Брачо стремился уйти от статики и передать состояние движения (символ вечного беспокойства и поиска) как наиболее характерную черту второй половины XX в., его работы несут глубокий социально-политический аспект.

Участникам мексиканской революции 1910-1917 гг. посвящены работы выдающихся мексиканских художников Д. Сикейроса и Д. Риверы. Неразрывно связаны их работы также с темами крестьянской жизни и историческим прошлым Мексики – с древними индейскими цивилизациями, покоренными испанскими конкистадорами. Особой любовью художников

пользуется Гуатемок, являющийся любимым героем Мексики, с ним связаны представления о мужестве и национальном достоинстве народа. Его воспевают в песнях, а поэты называют Мексику страной Гуатемока. Выступая символом борьбы с завоевателями, образ этого героя использовал Д. Сикейрос в 1944 г. в росписи «Немифический Гуатемок». Символом борьбы с фашистами стал для художника Гуатемок одновременно с художественным осмыслением Д. Сикейросом одного из драматичных узловых моментов мексиканской истории. Н. А. Шелешнева-Солодовникова подчеркивает, что возвеличивание образа индейца – представителя весьма многочисленного, но наиболее угнетенного слоя населения страны – означало обращение «к образу мексиканского народа, к выведению на авансцену нового героя» [5, 198].

Кроме того, практически в каждой из стран Латинской Америки можно встретить скульптуры героев национально-освободительной борьбы: они украшают площади, парки, здания, музей и выставки. Это дань памяти и уважения, а также напоминание о духе сопротивления всякому угнетению прав и свобод людей.

Как показывают события современной жизни Колумбии, Венесуэлы и Мексики, а также ряд памятников художественной культуры этих стран, РН как феномен культуры имеет прочные основы. Его опознавательными признаками выступают определенные символы, корни которых уходят в историческое прошлое региона. Символы представлены в материальных предметах (маска сапатистов, красный берет У. Чавеса, художественные образы на картинах), имеют вербальное выражение – названия сапатистских поселений, партизанских организаций в Мексике и Колумбии, слова-символы и мифологическая подоплека в сюжетах литературных произведениях, а также невербальное – поход сапатистов, рисующий улитку на карте. Условно их можно отнести к трем типам: религиозно-мифологическому, социально-политическому и аграрному. При этом следует отметить, что ряд символов имеют пограничное состояние между двумя типами. Это отражает взаимообусловленность разных сторон жизни общества, подкрепленное нерешенностью актуальных проблем в рассмотренных странах. Кроме того, семиотическое поле РН выступает и как условие его существования, так как влияет на восприятие и сознание латиноамериканцев, укрепляя традиции сопротивления несправедливости и борьбы за подлинную свободу и права людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мендоса, Д. Ацтекский миф в романе К. Фуэнтеса «Смерть Артемио Круса» / Д. Мендоса // Латинская Америка. – 1983. – № 8. – С. 88-98.
2. Сова, О. Н. Идеология и практика современных сапатистов сквозь призму мексиканских индейских мифов / О. Н. Сова // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. Аспирантские тетради. Ч. I. – 2008. – № 34(74) – С. 456-461.
3. Субкоманданте Маркос. Четвертая мировая война / сост. и пер. О. Ясинский. – Екатеринбург: Ультра. Культура, 2005. – 695 с.
4. Художественное своеобразие литератур Латинской Америки / отв. ред. И. А. Тертерян. – М.: Наука, 1976. – 372 с.
5. Шелешнева-Солодовникова, Н. А. Латиноамериканское искусство XVI-XX вв.: Исторический очерк / Н. А. Шелешнева-Солодовникова. – М.: ЛЕНАНД, 2008. – 392 с.
6. Muñoz Ramírez, G. The Fire and the Word. A History of the Zapatista Movement / Translated by L. Carlson with A. Reyes Arias. – San Francisco: City Lights Books, 2008. – 339 p.
7. Sánchez, G. Cuba y Venezuela. Reflexiones y debates. – Melbourne-Nueva-York-La Habana. Ocean Press, 2006. – 325 p.

Чебанюк Т. А.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ФОРМ,
КУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ И КУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ

Чебанюк Т. А.

T. A. Chebanyuk

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ФОРМ,
КУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ И КУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ**

**THEORETICAL FRAMEWORK FOR THE STUDY OF CULTURAL FORMS,
PHENOMENA AND SYSTEMS**

Чебанюк Татьяна Алексеевна – доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, пр. Ленина, 27; 8(4217)53-75-06. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru.

Ms. Tatiana A. Chebanyuk – Doctor of Cultural Studies, Professor, Head of the Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur); 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin St., tel.: + 7 (4217)- 537506. E-mail: tchebanyuk2010@yandex.ru

Аннотация. В статье показывается дискуссионность научной трактовки культурных форм, культурных явлений и систем в гуманитарных науках; определяются теоретические основания их дифференцирований, выявляется значимость категорий в исследованиях культуры, дается их структурно-системное описание.

Summary. The paper deals with the controversy in interpretation of cultural forms, cultural phenomena and cultural systems in the humanities; a theoretical framework for their differentiation is proposed. The importance of categories in cultural studies is revealed and their structural&systemic description is provided.

Ключевые слова: культурная форма, культурное явление, культурная система, структурно-системные признаки.

Key words: cultural form, cultural phenomenon, cultural system, structural and systemic properties.

УДК 007

Среди множества существующих на сегодняшний день определений культуры, выполненных под тем или иным теоретическим углом зрения, на наш взгляд, имеет право на легитимность и такое определение, которое акцентирует ее структурно-системную целостность: культура есть сложная система взаимодействия исторически сложившихся функционально и семантически нагруженных культурных форм, явлений и систем, взятых в их динамике. В самом общем плане мы можем определить культуру как развернутое во времени самоосуществление человека, его бытия, процесс которого с неизбежностью влечет за собой порождение и развитие культурных артефактов – форм, явлений, систем. Несмотря на сложившееся критическое отношение исследователей ко многим теоретико-методологическим постулатам сторонников эволюционистской школы, необходимо отметить, что еще Э. Тайлор [8] высказал идею единства культурных форм и явлений во всех культурах, исторически складывающихся и развивающихся. В их ряду он назвал миф, анимизм, фетишизм, обычай и др. Эта идея позволила ему акцентировать в исследовании тех или иных форм и явлений их универсальное, всеобщее для культур человечества начало.

Необходимость в понятийных разграничениях, на наш взгляд, является для культурологии в настоящее время значимой, требующей своего разрешения, теоретико-

методологической проблемой. В процессе конституирования сравнительно молодой науки усилиями многих исследователей определены основные проблемные поля культурологических исследований, признана их междисциплинарная природа, сформировалась теоретико-методологическая основа. Тем не менее, до сих пор звучат упреки ученых о ее «беспомощности» как научной области знания, в которой отсутствует «целостная система базовых абстракций, отражающих суть, строение и свойства познаваемого объекта» [9, 7], и, напротив, присутствует «предметная размытость, методологическая противоречивость и статусная неопределенность...» [9, 6]. Речь в работах исследователей идет, по сути дела, об отсутствии в культурологии как самостоятельной области социогуманитарного знания собственной теории и методологии научного познания, с помощью которых необходимо отразить те понятия и категории, которыми должна и может наука оперировать.

Вместе с тем Х.Г. Тхагапсоев, критически относясь к культурологии как науке в целом, признает научно-методологическую продуктивность, артикулированной рядом исследователей идеи «культурной формы», ... которая заключается ... в том, что она позволяет выделить ... целостную систему абстракций, на основе которых процессность культуры, элементы культуры и их отношения могут быть представлены в ... модельном виде» [9, 8]. Разделяя эту позицию, мы не можем в ограниченных рамках статьи взять на себя смелость выстроить развернутую концепцию по ключевым для культурологии категориям и понятиям. Ее формирование требует долгих и целенаправленных усилий культурологов, так или иначе заинтересованных в дисциплинарной строгости науки. Вместе с тем можно обозначить некоторые объяснительные и различительные принципы культурной формы в соотнесенности с категорией «культурное явление».

В исторической и философской мысли Европы намечались попытки интерпретации категорий, которые довольно активно применяются в современной культурологии. Так, Э. Кассирер высказал мысль о том, что все сложившиеся культурные формы и явления репрезентируют всеобщий мир мыслей и чувствования человека, его человечность. В работе «Критический идеализм как философия культуры», обосновывая «объективную ценность и объективное значение культуры» [4, 140], он отметил, что носителями ценностей являются формы культуры. К ним он отнес науку, искусство, религию и другое. Следует обратить внимание на то, что философ, обозначив, по сути дела, культурные системы, оперировал понятием «формы культуры». Его мысль развил В.П. Большаков, полагая, что в той или иной «форме культуры должна быть выражена какая-то из граней очеловеченности бытия» [1, 92]. И.В. Кондаков в статье «Культурология как новый тип гуманитарного знания» акцентирует в форме культуры ее содержательную и функциональную составляющие и дает ей следующее определение: «Формы (морфы) культуры (от греч. – вид, форма) – своеобразные «инструменты» освоения и осмысления человеком различных областей реальности, ее разных атрибутов, аспектов или проявлений, а также трансцендентного; в то же время – эти формы – средство «перекодировании» социального или трансцендентного в человеческую субъективность в качестве тех или иных дискурсов» [5, 581]. Следует отметить, что исследователи оперируют понятием «форма культуры», что еще раз убеждает нас в том, что в существующих на сегодняшний день исследовательских интерпретациях нет и устоявшегося различения категорий «культурная форма» и «культурное явление», и понятийной и терминологической упорядоченности таких понятий, как «форма культуры» и «культурная форма», то есть системности в терминологических трактовках.

Для нас принципиально важно на данном этапе рассуждений не столько понятийно-терминологическое толкование категорий «формы культуры» и «культурные формы», сколь-

Чебанюк Т. А.

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ФОРМ,
КУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ И КУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ**

ко теоретическое обоснование их дифференциации. В связи с тем, что понятия, к которым мы обращаемся, в недостаточной мере отрефлексированы в социогуманитарных гуманитарных науках, необходимо определить концептуальное содержание категорий «форма культуры» и «культурная форма», уподобление которых, как следует из приведенных авторских трактовок, часто встречается в научной литературе. Под формами культуры, на наш взгляд, следует понимать некую системно-структурную целостность любого порядка сложности. Это могут быть и миф, и ритуал, и религия, и искусство и т.д., а под культурной формой – системное образование определенного порядка, содержательно, функционально и структурно отличающего его от культурного явления и культурной системы.

Нам более близка теоретическая трактовка культурной формы, данная А.Я. Флиером, который полагает, что «под культурными формами следует понимать совокупность наблюдаемых признаков и черт всякого культурного объекта (явления), отражающих его утилитарные и символические функции, на основании которых производится его идентификация» [10, 144]. Он дает концептуально значимую аналогию культурной форме для ее понимания, отличия: «По антологическим и семантическим параметрам культурная форма в существенной мере аналогична фразе (высказыванию) в естественном языке и является тем исходным «атомарным» элементом культуры, из сочетаний которых формируются культурные системы, конфигурации, стили» [10, 145]. По его мнению, культурная форма в меньшей мере «овеществлена», явлена в продуктах человеческой деятельности.

Однако исследователь полагает, что «понятие культурной формы в равной мере распространяется также на технологии, способы, методы и нормы, посредством которых осуществляется всякая человеческая деятельность» [10, 145]. Согласиться с исследователями с последним составляющим в формулировке понятия культурной формы можно лишь на уровне технологическом, условно говоря, «производительном»: то есть стол обладает формой, кружка обладает формой и т.д. На наш взгляд, речь должна идти не о «формальной» форме предметов, хотя, следует отметить, что под формой в широком смысле слова понимают и некоторую материальную оболочку, оформленность (скульптура, шар, молот и т.д.), которые имеют свою форму, ограниченность одного объекта или артефакта культуры от другого. Для дальнейшего хода наших рассуждений следует отметить и тот факт, что А.Я. Флиер, как и большинство исследователей, обращающихся к теоретическому осмыслению и интерпретации категорий, не разграничивает понятия «культурная форма» и «культурное явление».

К теоретическому рассмотрению культурных форм обращены работы А.С. Кармина, который фиксирует факт неоднозначности их понимания и трактовки в современной науке. По его мнению, с информационно-семиотической точки зрения культурные формы или формы культуры следует рассматривать как «формы, в которых существует, сохраняется и развивается информационно-знаковое содержание общественной жизни» [3, 203], осуществляется передача социального и культурного опыта поколений. Однако к культурным формам исследователь относит и культурные явления, и культурные системы, по своей сути более сложные в структурном отношении, такие, например, как религия, субкультуры и т.д. В соответствии с его исследовательской логикой все артефакты культуры можно привести к единому знаменателю – культурной форме.

Закономерно, что эта исследовательская позиция вызвала критический отклик Х.Г. Тхагапсоева, полагающего, что культурология в качестве науки должна обладать дисциплинарной организованностью, в том числе и в трактовке тех или иных категорий и понятий. Вместе с тем исследователем было признано, что «идея А.С. Кармина «теоретизиро-

вать» культурную форму, придать ей операционально-модельный характер ... является серьезным шагом в развитии научно-культурологической мысли» [9, 10].

На наш взгляд, культурная форма обладает некими очевидными границами и жесткостью связей между элементами. Это, условно говоря, первичная структура с достаточно жестко заданными отношениями между ее элементами. К культурным формам могут быть отнесены фетиш, миф, табу, запрет, тотем, магия, символ, предание, легенда и т.д., присущие разным культурам на том или ином этапе их исторического развития. Неслучайно в своем большинстве они сохранили свою содержательную, функциональную и структурную основу до настоящего времени. Миф, к примеру, и на сегодняшний день имеет субъектно-эмпирическую форму, оперирует конкретно-чувственными качествами предметов, является словесно-образным выражением архетипических структур сознания.

Таким образом, культурная форма имеет не столько внешнюю, сколько внутреннюю ограниченность, обусловленную определенными элементами в их структурно-системной упорядоченности.

Дискуссионной оказалась и проблема понятийного различения культурной формы и феномена. На наш взгляд, любой артефакт культуры, в том числе и культурная форма, обладает уже по своей природе феноменальной сущностью.

Культурное явление – более сложное системное образование, оно сложнее в структурном отношении, многосоставнее, нежели та или иная культурная форма. Оно включает в себя и культурные формы, и существенные для них свойства, связи и отношения между ними. Так, религия как культурное явление включает в себе такие иерархически упорядоченные элементы (культурные формы), как «священная книга», вероучение, ритуал, паства и пастырь, храм. К разряду культурных явлений можно, к примеру, отнести обряд, тотемизм, науку, искусство и др. Все национальные культуры обладают исторически сложившимися культурными явлениями, что и позволило эволюционистам, в частности Э. Тайлору, утверждать идею структурно-функционального единства всех культур.

Под культурной системой исследователями единодушно понимается системно-структурное образование более сложного типа, чем культурное явление и, тем более, – культурная форма: это «совокупность культурных черт и форм, исторически сложившихся в практике и сознании некой человеческой общности», или «более или менее выраженная универсальность, присущая фактически всем культурным системам сообществ, находящихся на равной стадии социокультурного развития» [10, 150-151]. Любая система (если она отвечает принципам системного единства), характеризуется многоуровневой сложностью взаимоотношений элементов, саморазвитием вследствие изменения отношений между двумя и более элементами. В процессе изменения системы ведущую роль играет изменение ее доминантных связей. М.С. Каган настаивал на том положении, что «система есть нечто больше, чем сумма составляющих ее частей»: «любой системный объект, взятый в его целостном бытии, функционировании и развитии, образуется не только составляющими его компонентами, но и тем, как они друг с другом связаны» [2, 23]. Именно связи элементов системы определяют ее структуру. Одни и те же элементы системы при изменении их связей «образуют качественно различные целостности» [2, 23].

Типологические построения на уровне социокультурных систем и на уровне культурно-исторического процесса можно проиллюстрировать на примере статьи «Механизм смуты (к типологии русской культуры)» Ю.М. Лотмана. Он дает научно обоснованный вариант типологии культур на основании такого «различительного параметра, как характер «взрыва» в бинарных и тернарных системах, наиболее показательной репрезентацией которых являются

Чебанюк Т. А.

**ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ФОРМ,
КУЛЬТУРНЫХ ЯВЛЕНИЙ И КУЛЬТУРНЫХ СИСТЕМ**

соответственно «смута» и «революция» и соотношения между которыми определяют специфику русской и европейской культур. Выявление структурных признаков смуты и революции позволило исследователю построить типологические их характеристики, выявить внутренние механизмы этих явлений и в целом – закономерности русского культурно-исторического процесса [6, 36].

Культурные формы, культурные явления и системы формируются, осуществляются и видоизменяются в культурно-историческом процессе – в исторической динамике. Под культурно-исторической динамикой все исследователи единодушно понимают имеющее определенную направленность изменение культурных систем во времени. Исследователи, как правило, отмечают, что причины культурной динамики заключаются в активно-преобразующем и универсальном характере человеческой жизнедеятельности. Цель же человеческой жизни заключается в реализации ее сущностных сил. Именно это обстоятельство служит антропологическим обоснованием культурно-исторической динамики. Исследование культурных форм, культурных явлений, систем в их культурно-исторической динамике предполагает выбор тех или иных исследовательских технологий, которые наиболее адекватно могли бы обозначить их специфику, выявить структурно-системные характеристики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большаков, В. П. Проблемы понимания культуры / В. П. Большаков // Теория культуры: учеб. пособие / под ред. С. Н. Иконниковой, В. П. Большакова. – СПб.: Питер, 2008. – 592 с.
2. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – 416 с.
3. Кармин, А. С. Культурология: учеб. / А. С. Кармин. – 2-е изд., перераб. и доп. – СПб.: Лань, 2003. – 928 с.
4. Кассирер, Э. Философия символических форм / Э. Кассирер // Культурология. XX век. Антология / под ред. С. Я. Левит. – М.: Юрист, 1995. – С. 16-212.
5. Кондаков, И. В. Культурология как новый тип гуманитарного знания. Современные трансформации российской культуры / И. В. Кондаков. – М.: Наука, 2005. – 751 с.
6. Лотман, Ю. М. Механизм смуты (к типологии русской культуры) / Ю. М. Лотман // История и типология русской культуры. – СПб.: Искусство – СПб, 2002. – С. 33-46.
7. Резник, Ю. М. Культурология в системе наук о культуре / Ю. М. Резник // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Т. 1: Теория культуры / отв. ред. Д. Л. Спивак. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 16-31.
8. Тайлор, Э. Первобытная культура / Э. Тайлор; пер. с англ. Д. А. Коропчевского. – М.: Политиздат, 1989. – 573 с.
9. Тхагапсоев, Х. Г. К проблеме предметного пространства и научного статуса культурологии / Х. Г. Тхагапсоев // Фундаментальные проблемы культурологии: в 4 т. Т. 1: Теория культуры / отв. ред. Д. Л. Спивак. – СПб.: Алетейя, 2008. – С. 4-15.
10. Флиер, А. Я. Культурология для культурологов: учеб. пособие / А. Я. Флиер. – М.: Академический Проект, 2000. – 496 с.

Юдина В. И.
V.I.Yudina

ЛЮБИТЕЛЬСКИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В КУЛЬТУРЕ ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.

AMATEUR AND PROFESSIONAL FORMS OF MUSICAL PRACTICE WITHIN THE CULTURE OF A RUSSIAN PROVINCIAL TOWN IN THE LATE XIX - EARLY XX C.

Юдина Вера Ивановна – кандидат искусствоведения, доцент кафедры музыки Орловского государственного университета (Россия, Орел). E-mail: udina@orel.ru.
Ms. Vera I. Yudina – PhD in Art History, Associate Professor at the Department of Music, City of Orel State University. E-mail: udina@orel.ru.

Аннотация. Цель статьи – представить музыкальную культуру провинциального города второй половины XIX – начала XX вв. в аспекте взаимодействия любительских и профессиональных форм ее бытования. Выделяются две основные формы любительского музицирования, актуальные для русской провинции этого периода, – фольклорная и светская. Рассматривается профессионально ориентированная стратегия Русского музыкального общества в провинции. Анализируются некоторые формы взаимодействия любительской и профессиональной музыкальной практики в быту провинциального города.

Summary. The paper describes the musical culture of a provincial town in the late 19th and early 20th C. as an interaction of amateur and professional forms of music playing. Two basic forms of amateur music performance are identified: both folk and secular music were widespread in the Russian province of this time period. A professionally focused strategy of the Russian Musical Society in the province is considered. Several forms of interaction between amateur and professional musical practices in a provincial town are analyzed.

Ключевые слова: провинция, полифоническая городская культура, иерархия музыкальных субкультур, любительское музицирование, концертная практика, система музыкального образования, Русское музыкальное общество.

Key words: province, polyphonic city culture, hierarchy of musical subcultures, amateur music playing, concert practices, musical education system, Russian Musical Society.

УДК 130.2 + 78.083.6

Во второй половине XIX в. в связи с бурным ростом городов, переселением сюда массы разорившегося крестьянства формируется полифоническая городская культура с соответствующими каждому ее слою музыкальными элементами. В музыкальном репертуаре провинциального города сосуществует салонный романс, мещанская песня, архаические жанры деревенского фольклора, частушка и др. Музыка звучала во время ярмарочных представлений, народных гуляний. Рождались новые, собственно городские формы общественного досуга, требующие своего музыкального сопровождения.

При всем разнообразии проявлений основу музыкальной культуры провинциального города составляло *любительское музицирование (ЛМ)*. Возникнув на волне вестернизации начала XVIII в. как привилегия столичных аристократических кругов, ЛМ постепенно про-

Юдина В. И.

**ЛЮБИТЕЛЬСКИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В КУЛЬТУРЕ
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

никло в широкие слои мелкопоместного дворянства, затем интеллигенции, разночинцев, купечества, постепенно распространяясь вглубь России и достигая отдаленных провинциальных уголков. Так, к началу XIX в. в далеком Барнауле насчитывалось 30 фортепиано [6, 18].

Продвижению ЛМ в провинцию способствовало то обстоятельство, что оно к середине XIX в. утвердилось как составной компонент общего образования. Например, в программе музыкальных классов, образованных в Романовском институте благородных девиц Казани, отмечалось, что «музыка в деле образования девиц ... есть такой предмет, который должен стоять на первом плане» [2, 22]. Все годы существования института (1841-1917 гг.) музыка (хоровое пение и фортепиано) входила в число обязательных предметов, что вносило свою лепту в музыкальную жизнь города.

ЛМ имело иерархическую структуру, отражающую сословный характер культуры и образования российского общества данного периода [5, 12-13]. Это означало, что ЛМ в разных сословиях имело свои особенности. Например, в народных кругах ЛМ было представлено песенным творчеством, церковным и светским, с доминированием последнего. В помещичьей среде бытовало инструментальное музицирование (оркестровое, ансамблевое, хоровое). Традиция при этом сохранялась и поддерживалась в дворянских семьях не одним поколением. Владелец имения в Ровенском уезде Волынской губернии граф Платер в 1845 г. писал: «Я содержу музыку в моем доме от 50 лет, ибо отец мой таковую содержал для собственного удовольствия и домашней прислуги» [10, 79].

В целом, в середине XIX в. в быту провинциального города наибольшее распространение получили *две основные формы ЛМ*.

Фольклорная форма – бытовое музицирование посадского и слободского населения городских окраин, сохраняющее почвенную связь с крестьянской народно-песенной традицией, но постепенно трансформирующееся в городской фольклор. Основные особенности: мобильный характер, демократизм, обусловленный опорой на народно-песенную основу, использование наиболее доступных широкому кругу исполнителей средств музицирования (голос, элементарное инструментальное сопровождение). Показательный пример – пение под гитару.

Светская форма – домашние и клубные музыкально-литературные вечера, концерты местных меломанов, любительские постановки, музыкальные утренники в губернских и уездных учебных заведениях и т.п. Основные характеристики: тяготение к концертному – салонному или эстраднему – виду музицирования, стабильность, более сложный и объемный инструментальный компонент (фортепиано, арфа, оркестр или ансамбль). Профессионально ориентирована, т.к. предполагает участие профессионалов (в качестве непосредственных исполнителей или организаторов), часто имеет общественно-значимые цели (благотворительность, просветительство). В этой же сфере больше возможностей проявления различных музыкальных субкультур – религиозной, военной (через репертуар или привлечение соответствующих исполнительских сил).

Одновременное сосуществование двух форм ЛМ в рамках одного локуса можно выявить на примере воспоминаний о Казани 1860-1870 гг. выдающегося хорового дирижера С.В. Смоленского. «По окраинам города весною водились многочисленные и многолюдные хороводы. Казань была очень певуча вообще; песни пелись втихомолку у многих ворот почти каждый вечер; свадьбы сопровождались сполна всем циклом песен, красота которых была прямо поразительна» [7, 8].

С другой стороны, иронизируя над любительскими благотворительными концертами, Смоленский пишет: «...доморощенных певцов и певиц, истязателей фортепиано или скрипки, в тогдашней Казани просто не было удержу. То пропоет какой-нибудь капитан «Говорят, что я кокетка», то пропищит барышня «Борода моя бородушка, то хохочет весь зал, слушая пение хора казанских дам «Ах, зачем мы, горемычные, родились на белый свет» [7, 15].

На протяжении второй половины XIX – начала XX вв. две формы ЛМ сосуществовали параллельно, претерпевали внутренние изменения. Этот процесс происходил весьма динамично, и был он обусловлен как взаимовлиянием одной формы на другую, так и причинами внешнего характера.

Самым распространенным примером влияния фольклорного ЛМ на светское можно считать публичное исполнение музыкантами-любителями русских народных песен и наигрышей на благотворительных концертах, музыкально-литературных вечерах и т.п. Как при-

мер обратного влияния можно рассматривать появление на концертной эстраде народных коллективов и солистов. Это тенденция профессионализации и театрализации фольклора активно развивалась в конце XIX – начале XX вв. Примеры: получение статуса Императорского Великорусского первым оркестром русских народных инструментов В.В. Андреева; этнографические концерты М.Е. Пятницкого. Наряду со столицами, в этот процесс включилась и провинция. «Оркестр кружка любителей игры на хроматических гармониках», созданный Н.И. Белобородовым из рабочих оружейного и патронного завода, выступал не только в родной Туле, но и в Калуге, Серпухове, Орле, Воронеже и других городах. В провинции (Киеве, Нижнем Новгороде) началась эстрадная карьера исполнительницы русских народных песен Н.В. Плевицкой.

Наряду с внутренним взаимодействием, значительно усилилось и внешнее воздействие на различные формы ЛМ в провинции. Связано оно было с новыми тенденциями столичной музыкальной практики, которые определились на рубеже 1850-1860-х гг.

Стратегия образованного тогда Императорского русского музыкального общества (ИРМО) на всестороннее развитие русской музыкальной культуры, ее демократизацию, вовлечение все новых слоев населения в орбиту действия классического искусства была самым непосредственным образом связана с *профессионализацией музыкальной жизни*. Это означало создание, вслед за национальной композиторской школой, национальной музыкально-исполнительской школы, что возможно было только на базе соответствующей системы музыкального образования.

Исторически лидирующее положение в русской музыке занимали исполнители-иностранцы, которые пользовались поддержкой государства или аристократии. Сфера камерного инструментального исполнительства долгое время оставалась прерогативой иностранных гастролеров, которые весьма редко выезжали за пределы столиц, или музыкальных учителей (классический пример – образ Тургеневского Лемма). Однако именно она в силу присущей ей мобильности в большей степени, чем музыкальный театр, была способна донести до широкого провинциального слушателя новации музыкальной культуры, познакомить с художественными новинками и классикой, охватывая при этом значительные территории. Сделать это на достойном, профессиональном уровне могли профессионалы, недостаток которых ощущался все заметнее.

Долгое время в России именно ЛМ как «непрофессиональное музыкальное творчество, бескорыстно осуществляемое в свободное время под влиянием внутренней потребности» [8, 23] способствовало развитию двух основных сфер музыкальной практики – исполнительской и педагогической. В Европе к середине XIX в. сложилась профессиональная система музыкально-просветительских, концертных и педагогических учреждений (филармонии, музыкальные общества, консерватории, музыкальные академии).

В отличие от многовековых традиций в организации церковно-певческого дела, в России не существовало специальных музыкальных учебных заведений для обучения светскому искусству инструментального исполнительства (см. прим. 1). Отсутствовали также государственные учреждения для проведения симфонических и камерных концертов. Имевшиеся частные ансамбли и оркестры, как и недолговременные существовавшие частные музыкальные школы, не могли решить данную проблему в общероссийском масштабе.

Ликвидация диспропорции между завоеваниями русской композиторской школы и широкой слушательской аудиторией стала важнейшей целью ИРМО. В его Уставе определялись основные задачи деятельности общества в общероссийском масштабе: «Императорское Русское Музыкальное Общество имеет целью содействовать распространению музыкального образования в России, способствовать развитию всех отраслей музыкального искусства и поощрять способных русских художников (сочинителей и исполнителей) и преподавателей музыкальных предметов. Для достижения означенной цели общество имеет право: учреждать в разных городах России музыкальные классы, музыкальные училища и консерватории» [6, 77].

Для этого были созданы местные дирекции, которые соотносились с Главной дирекцией, находящейся в Санкт-Петербурге, но действовали достаточно самостоятельно, в соответствии с местными условиями. С 1865 г. такие периферийные музыкальные общества получили название «отделений ИРМО». Первыми были открыты отделения в Москве (1860), Киеве (1861), Казани (1864), Харькове (1871), Нижнем Новгороде, Саратове, Пскове (1873). В целом, к 1917 г. в России было уже около 70 отделений, в том числе на Урале и в Сибири.

Юдина В. И.

**ЛЮБИТЕЛЬСКИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В КУЛЬТУРЕ
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

В их деятельности сочеталась инициатива местных любителей и поддержка Генеральной дирекции. Первые опирались на опыт, иногда многолетний, собственных музыкальных кружков и объединений. Их реорганизация и превращение в подразделения всероссийской музыкально-общественной и образовательной системы ИРМО повышали официальный статус и профессиональный уровень провинциальных музыкальных объединений, а следовательно, и общий уровень музыкальной культуры провинции.

Обычно первой акцией возникающих региональных РМО была организация музыкальных классов, а публичная музыкальная практика развивалась в союзе с музыкальным просвещением. «Русское музыкальное общество при самом возникновении своем поставило себе целью развитие музыкального образования в России. Дело это, совершенно новое, пришлось начинать при особенных условиях художественного развития русского общества. Музыкальное общество своими концертами сначала ознакомило публику с высшими произведениями музыкальной литературы отечественной и западной, а потом уже, пробудив к делу интерес в публике и образовав значительный контингент сочувствующих ему лиц, Общество получило возможность открывать училища, задачей которых было подготовка деятелей ко всем отраслям музыкального искусства. Таков был постепенный ход развития деятельности отделений общества в различных городах России» [4, 2].

Постепенно увеличивалось количество учеников и учителей, вводились новые музыкальные специальности - исполнительские и теоретические, разрабатывались программы общеобразовательных предметов, шло деление на младшие и старшие классы, повышался уровень требований к ученикам и квалификации выпускников. Одновременно рос социальный престиж учащихся консерваторий и ее профессоров.

Закономерным следствием проводимой политики ИРМО стала динамизация концертной жизни, осуществляемой силами местных профессиональных музыкантов (выпускников столичных и зарубежных консерваторий) и гастролирующих артистов (российских и иностранных). Подъем уровня музыкальной культуры в провинции задал ему более высокую планку и ЛМ.

Если в столицах со временем все четче обозначалась грань между профессионализированной и любительской музыкальной практикой, то в едином художественном пространстве провинциального города обе эти формы тесно переплетались. В условиях столиц ЛМ постепенно «вытеснялось» в сферу домашнего быта. В провинции же оно продолжало оставаться доминирующим не только в домашней среде, но и в общественных местах. Во второй половине XIX – начале XX вв. получили широкое распространение некоторые новые виды музыкального досуга.

Интересны в этом плане семейные музыкальные вечера. Не смотря на частный характер названия, они проводились с разрешения губернатора, придерживались определенных требований, контролировались местной властью (регулярно составлялись отчеты исправников). Например, утвержденные в 1863 г. правила семейных вечеров города Севска (Орловская губерния) гласили: «семейные вечера учреждены с целью сближения общества и доставления ему, по возможности, удовольствия и развлечения. Для достижения этой цели, кроме ежедневных вечерних семейных собраний, могут быть назначаемы: балы, маскарады, концерты, литературные вечера, обеды. В члены "вечеров" допускаются лица всех сословий, но не иначе, как с письменной рекомендации трех членов. За право быть членом семейных вечеров вносится 10 руб. серебром в год. На "вечерах" разрешены все коммерческие и другие незапрещенные законные игры» (см. прим. 2).

Местом проведения семейных вечеров могли быть как частные дома, так и общественные помещения (клубы, собрания, городская управа и т.п.). Кроме музыкантов – любителей, в них могли участвовать приглашенные профессиональные – местные и приезжие – музыканты.

Неотъемлемым атрибутом городского быта были городские сады. Как центры культурной жизни, они привлекали публику не только очаровательным антуражем, но и музыкальной составляющей. По описанию В. С. Калинникова (1887 г.), «роскошнейший» вид имел сад Коммерческого клуба в Харькове: «электрическое освещение, масса клумбочек и куртин со всевозможными цветами, беседки и киоски из плюща, винограда <...> В саду этом

поют два хора певцов, два оркестра духовой музыки, открытый театр, где каждый день играют драматические артисты» [3, 248].

А.П. Чехов очень любил городской сад родного Таганрога и упоминал его в своих произведениях: «Прошел час, другой. В городском саду по соседству играл оркестр и пел хор песенников...» (рассказ «Ионыч»). Для писателя городской сад с его музыкальной частью – культурный символ провинциального города. «Ни сада, ни театра, ни порядочного оркестра» – характеризует писатель убогость города, в котором разворачивается действие повести «Моя жизнь».

Возможность услышать хорошую музыку была одним из самых главных факторов, способных привлечь публику в городской сад. Иногда городские власти при заключении договора с арендаторами специально оговаривала обязанность их содержать за свой счет оркестр. «В Таганроге большой популярностью пользовался прекрасный струнный оркестр, оставшийся от бывшей итальянской оперы; он постоянно играл в городском саду, публика оказывала всегда ему знаки расположения, а некоторые из артистов могли считаться любимцами общества как Берарди, Сартини, Розе, Палкин и некоторые другие. Но город отдал сад на произвол эксплуатации, которая угощала даже духовым оркестром публику» [8, 167].

Обычно в городских садах существовали специальные раковины – сцены, на которых выступали симфонические, камерные, военные оркестры. Классическая русская литература (А.И. Куприн, И.А. Бунин, И.С. Шмелев, В.А. Гиляровский) запечатлела многостороннюю деятельность военных музыкантов в различных городах, традиционный репертуар, исполняемый ими во внеслужебное время на открытых площадках, музыкально-литературных вечерах, театральных представлениях, в офицерских собраниях. «Скромная тишина летнего вечера, упоенного отзвуками военного оркестра, нарушена, и тревожно вздрагивает самоуверенная труба, теряя такт. <...> Но труба уже отыскала потерянный такт, снова гремит ободряющий марш "Под двуглавым орлом"» (И.С. Шмелев. Повесть «Гражданин Уклейкин»).

В концертах, устраиваемых в городских садах, принимали участие любительские коллективы, образованные усилиями местных общественных собраний – цеховых (купеческих, приказчиков, городских служащих), а также церковных организаций. «Церковь создавала также большие хоры, которые собирали вокруг нее много любителей пения и расширяли таким образом ее актив. Устраивались концерты духовной и светской музыки и с благотворительными целями. В Ефремове в летнее время такие концерты бывали в городском саду. Выступали хор и солисты, исполнявшие отрывки из опер, народные песни. В числе исполнителей были почтовые чиновники, чиновники городской управы и полиции» [1, 260].

Будучи носителем религиозной субкультуры, церковь пропагандировала классическое музыкальное искусство, рассматривая его как важное воспитательное средство. В духовных учебных заведениях, наряду с обязательным участием учащихся в богослужениях и пением на клиросе, поощрялись занятия светской музыкой, другими формами художественного творчества. Так, функционировал любительский оркестр, ставились пьесы светского содержания, регулярно проводились утренние музыкально-вокальные концерты, которые посещали не только ее ученики, но и служители церкви, и представители губернской власти. На таком концерте в феврале 1900 г. «присутствовали: преосвященный Никанор, и.д.г. начальника губернии В.В. Бельгард и много других почетных гостей. Всех приглашенных <...> было около трехсот человек. Концерт состоял главным образом из оркестровых и хоровых номеров» (см. прим. 3). Программа включала оркестровые сочинения Чайковского, Делиба, Моцарта, Москаньи, вокальные фрагменты из опер Гуно, Верстовского, Рубинштейна, а также отдельные фортепианные номера. В качестве исполнителей, помимо семинарского хора, привлекался оркестр расквартированного в городе Черниговского полка (капельмейстер Шорф).

Значительную лепту в концертную практику губернских и уездных городов продолжали вносить любительские художественные организации – кружки, объединения, общества. Только в Орловском крае в 1880-1890-е гг. существовало несколько таких. В 1881 г. возникает музыкальное общество в Ельце. В 1890-е гг. министром внутренних дел утверждаются Уставы музыкально-драматических кружков в Ливнах (1892 г.) и Мценске (1894 г.), активизирующих творческую инициативу местных жителей. Два объединения существовали в

Юдина В. И.

**ЛЮБИТЕЛЬСКИЕ И ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ ФОРМЫ МУЗЫКАЛЬНОЙ ПРАКТИКИ В КУЛЬТУРЕ
ПРОВИНЦИАЛЬНОГО ГОРОДА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX – НАЧАЛА XX ВВ.**

Орле с 1889 г.: музыкально-драматический кружок, связанный с именами служившего в это время в «Орловском вестнике» И.А.Булнина и его возлюбленной В.В.Пашенко, и музыкальный кружок, возглавляемый представителем земской управы П.П. Шеншиным. По данным на 1903 г., в Орловской губернии функционировали: в Орле – отделение императорского русского музыкального общества (во главе стоял губернский секретарь С.А. Владимиров), в Болхове – музыкальный кружок (председатель потомственный дворянин Н.И. Джакели), в Карачеве – музыкально-драматическое общество (уездный предводитель дворянства С.К. Хитрово), в Трубчевске – музыкально-драматический кружок, в Севске – общество любителей музыкально-драматического искусства (коллежский секретарь Н.В. Соколов), в Ливнах – музыкально-драматический кружок (статский советник Е.А. Карякин), в Ельце – музыкально-драматическое общество (потомственный почетный гражданин А.А. Петров). В мае 1904 г. по прошению дворянина И.Л. Васильева был открыт музыкально-драматический кружок в Брянске.

Следует подчеркнуть особое значение взаимосвязи любительских и профессиональных форм музыкальной культуры для развития концертной деятельности в России. Концертная практика – яркий показатель общего состояния музыкальной культуры в стране. Развитие ЛМ, с одной стороны, подготовка квалифицированных музыкантов-исполнителей, с другой – в равной степени способствовали качественному росту исполнительского искусства, активизации музыкальной жизни российской провинции, расширению ее территориально-географического диапазона.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анохина, Л. А. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. На примере г. Калуга, Елец, Ефремов / Л. А. Анохина, М. Н. Шмелева. – М.: Наука, 1977. – 359 с.
2. Из истории музыкальной культуры и образования в Казани: сб. науч. трудов / отв. ред. Г.М. Кантор. – Казань: Каз. гос. конс., 1999. – 242 с.
3. Калининков, В. С. Письма. Документы. Материалы. В 2 т. Т. 1 / В. С. Калининков; сост., ред., вст. статья и коммент. В. А. Киселева. – М.: ГМИ, 1959.
4. Кашкин, Н. Д. Первое двадцатипятилетие Московской консерватории: Исторический очерк / Н. Д. Кашкин. – М., 1891. – 81 с.
5. Кириллов, В. А. Любительское музицирование как педагогическое явление в губернерском образовании России XVIII - XIX веков: автореф. ... канд. пед. наук / В. А. Кириллов. – М.: АПКППРО, 2008. – 26 с.
6. Куперт, Т. Ю. Музыкальное прошлое Томска (в письмах к А.Г. Рубинштейну) / Т. Ю. Куперт. – Томск, 2006. – 788 с.
7. Смоленский, С. В. Из воспоминаний о Казани и о Казанском университете в 60-х и 70-х годах / С. В. Смоленский. – Казань, 1904. – 37 с.
8. Филевский, П. П. История города Таганрога / П. П. Филевский. – М., 1898. – 368 с.
9. Хвостова, И. А. Любительское музицирование: теория, история, практика: моногр. / И. А. Хвостова. – Тамбов: Першина, 2004. – 209 с.
10. Шамаева, К. И. Музыкальное образование на Украине в первой половине XIX века (на материале Волынской, Киевской, Подольской, Полтавской, Черниговской губерний) / К. И. Шамаева. – Киев: Киевс. гос. конс., 1992. – 189 с.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Игре на музыкальных инструментах учили в Академии художеств, Придворной певческой капелле, в закрытых сословных учебных заведениях.
2. ГА00.Ф7580.0.1.Д.2621. Рапорты уездных исправников о существующих в уездах семейных вечерах. Правила севских семейных вечеров. 1879. Л. 12,16.
3. Орловский вестник. 1900. № 48, 18 февраля.

Кудрякова Н. В., Пазюк К. Т., Смирнов Б. В.
N.V.Kudryakova, K.T.Pazyuk, B.V.Smirnov

**УПРАВЛЕНИЕ ИНФОРМАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКИМ УКЛАДОМ
ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ: МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ
ЖИЗНЕННОГО ЦИКЛА ИННОВАЦИЙ**

**MANAGING THE INFORMATION AND TECHNOLOGICAL STRUCTURE OF
ECONOMIC SYSTEMS: METHODOLOGY OF RESEARCH OF INNOVATIONS' LIFE-
CYCLE**

Кудрякова Надежда Валерьевна – доцент кафедры «Экономическая теория» Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681017, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Гагарина, д. 19, кв. 45; 8-4217-55-41-97. E-mail: kudryakova_08@mail.ru.

Ms. Nadezhda V. Kudryakova – Associate Professor at the Department of Economics, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681017 Komsomolsk-on-Amur, 19 Gagarin St., apt. 45, tel.: 8-4217-55-41-97. E-mail: kudryakova_08@mail.ru.

Пазюк Константин Терентьевич – доктор философских наук, профессор кафедры «Экономическая кибернетика» Тихоокеанского государственного университета (ТОГУ), (Россия, Хабаровск); 680030, г. Хабаровск, ул. Тихоокеанская 136, кафедра «Экономическая кибернетика»; 8-4212-22-44-17. E-mail: ktpazuk_37@mail.ru.

Mr. Konstantin T. Pazyuk – PhD in Philosophy, Professor, Department of Economic Cybernetics, the Pacific National University (Russia, city of Khabarovsk), 680030 Khabarovsk, 136 Tikhookenskaya St., Department of Economic Cybernetics; tel.: 8-4212-22-44-17. E-mail: ktpazuk_37@mail.ru.

Смирнов Борис Викторович – доктор философских наук, профессор кафедры «Социальная работа и социология» Дальневосточного государственного университета путей сообщения (ДВГУПС), (Россия, Хабаровск); 680021, г. Хабаровск, ул. Серышева, 47, кафедра «Социальная работа и социология»; 8-4212-40-77-89.

Smirnov Boris Viktorovich – PhD, Professor, Department of “Social work and sociology” Far East state transport university (FESTU), (Russia, Khabarovsk), 680021, Khabarovsk, 47 Serysheva St., Department of “Social work and sociology”; 8-4212-40-77-89.

Аннотация. В статье предложена методология исследования информационно-технологического уклада экономических систем. Рассмотрены сферы функционирования и структурные элементы информационно-технологического уклада. Дан анализ методов исследования жизненного цикла информационно-технологического уклада. Предложено концептуальное решение предметной области исследования, которой является информационно-экономический уклад экономической системы.

Summary. The paper proposes a research methodology to study the information&technological structure of economic systems. The authors explore the functional mechanisms and structural elements of an information&technological structure. A review of research methods used to study the life-cycle of information&technological structures is presented. A conceptual solution of the subject field is suggested, the latter being the study of information&economic structure of an economic system.

Ключевые слова: информационно-технологический уклад, управление, инновации, жизненный цикл, информация, технологии, коммуникации, информационное пространство, инновационный проект.

Key words: information technological structure, management, innovations, life-cycle, information, know-how, communications, information space, innovation project.

УДК 330.342.01

Экономическая система России, вступив на путь инновационной стадии развития, продолжает находиться в индустриальной сфере развития, наращивая свой потенциал, в основном, за счет вовлечения в оборот минеральных ресурсов. Отправным пунктом при переходе к инновационной экономике является анализ множества факторов «...включая индивидуальную изобретательность и предпринимательский дух, так что конечный результат зависит от сложной структуры их взаимодействий» [1]. Это взаимодействие обусловлено информационными технологиями. Россия входит в сферу информационного пространства, информационных технологий, поэтому эффективное управление инновационным циклом «исследование – проектирование – производство – потребление» нововведения требует создания соответствующих эффективных систем управления этим технологическим циклом.

Создание автоматизированных систем управления такими большими экономическими системами, как инновационная, связано с решением целого ряда задач по выявлению, сбору и обработке информации, сопровождению управленческих решений как по стадиям инновационного цикла, так и по циклу в целом. Возникает необходимость в формировании некоторого информационного пространства технологического цикла исследований и его уклада (порядка, устройства).

В статье предлагается концептуальный подход к ее разработке, вводятся новые термины и определения. Концептуальное решение – это тот концепт, то понятие, которое наилучшим образом объясняет сложную, непонятную до этого момента реальность. Концептуальная работа есть подготовка к тому, чтобы получить отчетливую картину предметной области.

В нашем понимании «информационно-технологический уклад» – это установившийся порядок, устройство системы информационного менеджмента технологического цикла инноваций. Концептуально информационно-технологический уклад можно представить конструкцией из ряда взаимосвязанных подсистем (сфер) функционирования: коммуникационно-информационной, инструментально-метрологической, аналитико-оптимизационной, структурно-организационной. Для каждой сферы выделены общие структурные элементы: процессы, критерии, инструментарий, информационные потоки, определение сфер уклада.

Коммуникационно-информационная сфера – это:

- процессы: установление направлений исследования, определение научных связей и коммуникаций по выбранной проблеме;

- критерии: соответствие связей и коммуникаций выбранной проблеме исследования;

- информационные потоки: по научным сетям, коммуникациям стадий цикла.

Инструментально-метрологическая сфера представляет методы и способы извлечения информации по стадиям цикла.

Составляющие сферы:

- процессы: прогнозирование состояний по стадиям технологического цикла инноваций;

- критерии: достоверность, комплексность, полнота информации;

- инструментарий: методы морфологического анализа, методы сценариев, метод построения дерева целей на перспективу, методы научно-технического и социально-экономического прогноза;

- потоки информации: исследовательская проектная, экономическая, социальная.

Аналитико-оптимизационная сфера определяет аппарат системного анализа и экономико-математического моделирования для управленческих решений инновационного цикла.

Составляющие сферы:

- процессы: систематизация и классификация информации, обработка методами математического моделирования, сопровождение управленческих решений;

- критерии: минимизация затрат по стадиям и циклу инноваций, по стадиям и циклу инноваций в целом, эффективность использования инновационного потенциала, уровень конкурентоспособности нововведений;

- инструментарий: методы систематизации и классификации, методы оптимизации управленческих решений, стратегический менеджмент, стратегический маркетинг нововведений;

- потоки информации: результаты аналитических исследований в производственной, экономической и потребительской сферах деятельности.

Структурно-организационная сфера определяет структуру информации и ее порядок сбора по стадиям и циклу инноваций в целом, организационную структуру системы автоматизированной обработки информации, адекватную системе управления технологическим циклом инноваций по стадиям и в целом по циклу.

Составляющие сферы:

- процессы: определение структуры информации, порядка сбора и обработки информации, использование пакетов программ обработки и представление результатов в органы управления разного уровня по стадиям и циклу в целом;

- критерии: своевременность, полнота, комплексность, эффективность системы обработки информации;

- инструментарий: методы разработки и внедрения автоматизированных систем, программные продукты, методы обработки информации на основе нейросетей;

- потоки информации: информация из различных сфер уклада.

Для анализа коммуникационного блока уклада разобьем всю цепочку жизненного цикла инноваций «научные исследования – проектирование – производство – реализация и потребление» на две стадии анализа «научную» и «коммерческую», имеющие общие связи со средой и общую методологию исследования их процессов и проектов. Детальный процесс управления жизненными циклами проектов, по мнению Рассела Д. Арчибальда, каждой определенной категории должен:

- определять жизненный цикл проекта ... и описывать методы, процедуры, формы, документы, инструменты...;

- определять документы и связанные с ними уровни полномочий...;

- идентифицировать в проекте ключевые должности, определять круг соответствующих обязанностей и полномочий;

- устанавливать процедуры переноса неизбежных конфликтов (в результате конкуренции за дефицитные ресурсы и т.д.).

В основе этой методологии лежит концептуальная модель организации науки по принципу широко рассредоточенной сети коммуникаций: личных связей учёных, лабораторий, институтов и т.д.

Стадия научных исследований сети научных коммуникаций. Практика исследований показала, что сложились некоторые общие черты в подходе к изучению научных коммуникаций. Общей для большинства исследователей оказалась такая последовательность анализа научной стадии жизненного цикла нововведений:

1) исследования массива публикаций по одной проблеме или одной дисциплине;

2) составление списка авторов и организаций;

3) опрос авторов об их личных научных связях.

Общим был и набор методов:

1) анализ публикаций и отчетных документов;

2) адресная рассылка анкет методом «снежного кома»;

3) интервью.

Методы исследования. Основные задачи исследования:

1) Выявление сети личных научных связей ученых, лабораторий и институтов, занятых решением взаимосвязанных научных задач в различных областях, и исследование харак-

тера и интенсивности сетей связей для определения наиболее существенных критериев этой связанности, измерения и ограничения конкретных фрагментов и сфер связей.

2) Построение типологии личных научных связей и их сетей – личных и групповых – тем групп, лабораторий, институтов, межинститутских, городских (агломерационных), межгородских в рамках страны, международных, а затем типологии ученых и научных коллективов по контактабельности, т.е. по числу личных научных связей и по системе их характеристик.

3) Выявление возможности использования сетевых характеристик для определения производительности ученых и научных коллективов.

На основе идеи первичности личных научных связей и их сетей по отношению к системе других научных коммуникаций предполагается иерархия их системы в целом, которую необходимо детализировать и уточнять в ходе исследования:

- личные научные связи и их сети;
- личные научные связи, их сети и банки информации, фиксированные в системе информационного пространства;
- сети адресатов по электронной почте;
- публикационные сети цитирования современников;
- публикационные сети цитирования ученых прошлого.

Упорядоченные в различных формах данные о сетях личных научных связей и структура организации практически могут использоваться на всех уровнях научной деятельности и ее организации, так называемого жизненного цикла организаций, как определенной интеграции знаний и умений: восходящей стадии и ступени жизненного цикла организации, содержания и особенностей управления, характеристики систем управления от зарождения до организационного синтеза и обретение миссии – то есть до формирования информационно-технологического уклада организации, предприятия. Корректность использования информации о сетях личных научных связей и неформальных характеристик кадрового научного потенциала, а также организацию в целом на всех уровнях призвана обеспечивать социологическая оргпроектная служба – СОС, наделённая для этой цели статусом, аналогичным независимой экспертизе, гарантирующим сохранение абсолютной тайны личной информации, и укомплектованная специалистами, достаточно компетентными и опытными в проведении социологических исследований и представлении их результатов научному сообществу.

Информационно-аналитические методы анализа управленческих процедур инновационной деятельности информационно-технологического уклада экономическими системами можно представить как совокупности: системного анализа, экспертных оценок, кластерного анализа, математического моделирования, статистического анализа, основанные на выделении базисных факторов, описывающих информационно-технологический уклад.

Кластерные сети на производственно-коммерческой стадии технологического цикла инноваций. Для рассмотрения регионального инновационного потенциала введём понятие экономического кластера. Кластер – сконцентрированная на некоторой территории группа взаимосвязанных компаний: поставщиков оборудования, комплектующих, специализированных услуг, инфраструктуры, научно-исследовательских институтов, вузов и других организаций, взаимодополняющих друг друга и усиливающих конкурентные преимущества отдельных компаний и кластера в целом. Если целью создания кластера является построение региональной системы для создания инновационных продуктов, то такой кластер назовём региональным инновационным кластером. Примером такого кластера является Кремниевая (силиконовая) долина в США.

Опыт успешной практической деятельности в области выращивания инновационных проектов показал, что необходимо использовать существующие элементы регионального инновационного потенциала и дополнить их новыми элементами, функциями и связями (см. рис. 1). В настоящее время инновационные проекты зарождаются в НИИ, вузах, лабораториях, в умах изобретателей-одиночек, на малых инновационных предприятиях. Практически единственным источником финансирования инновационных проектов на стадии посев (seed) являются гранты фонда содействия малым формам предприятий в научно-технической сфере (программа «Старт»).

В настоящее время в России готовится чрезвычайно мало специалистов в области инновационного менеджмента, обладающих практическими навыками работы над проектами на ранних стадиях развития. Для решения этой задачи необходимо привлекать частных инвесторов (бизнес-ангелов) и с их помощью на базе передовых университетов создавать базовые кафедры с бизнес-инкубаторами для подготовки современных менеджеров инновационных проектов. На этих кафедрах студенты будут получать не только теоретические, но и практические знания от топ-менеджеров, собственников и бизнес-консультантов (в области высоких технологий). Студенты в рамках системы обучения будут работать над реальными инновационными проектами, осваивать командные методы работы, проектные формы, вырабатывать умение управлять реальными инновационными проектами.

Одним из важнейших звеньев развития регионального инновационного потенциала являются частные инвесторы, объединённые в ассоциации бизнес-ангелов по региональному принципу.

Основной целью ассоциации является объединение необходимых ресурсов: капитала, делового опыта и знаний частных инвесторов с перспективными инновационными идеями и проектами [3]. В структуре регионального инновационного кластера ключевую роль играют малые инновационные предприятия (МИП), создаваемые за счет средств фонда содействия малым формам предприятий в научно-технической сфере и частных инвесторов. Вновь создаваемые МИП располагаются в бизнес-инкубаторах (созданном государственными или муниципальными структурами), где, кроме льготных условий по аренде площадей и оборудованию, помощи в бухгалтерском учете и юридическом сопровождении, предприниматели обучаются с помощью бизнес-ангелов маркетингу, коммерции, управлению финансами, работе с персоналом и менеджменту.

В течение 2-3 лет разработка проектов заканчивается, и они переходят со стадии посева в стадию старт-ап, а затем и стадию роста. На этом этапе проект переходит в один из отраслевых технопарков, созданных на принципах частно-государственного партнерства. Здесь МИП получают следующие раунды финансирования стадий роста и расширения от корпоративных венчурных инвесторов или региональных частно-государственных венчурных фондов.

В дальнейшем на основе созданного в технопарке инновационного продукта организуется серийное производство на базе регионального индустриального парка, финансируемое фондами прямых инвестиций или корпоративными инвесторами.

Морфологический анализ – метод творчества. Путем систематического изучения спектра возможностей морфологический анализ выявляет множество потенциальных технических решений, которыми пренебрегали или которые на первый взгляд весьма необычны. Это, как мы надеемся, стимулирует воображение и приводит к творческой методической работе. Компьютеризация письменного описания каждого решения в легкодоступной форме значительно усиливает этот стимул.

Построение дерева цепей на перспективу как метод прогноза. Рассматривается идея использования некоей разновидности дерева цепей, с тем чтобы содействовать предвидению важных факторов в трех сферах:

- окружающая обстановка, включая науку и технику в целом;
- рассматриваемая научно-техническая область, подходящая для обсуждаемой организации;
- полезные эффекты и функции в представлении потребителя.

Описывается семиэтапный процесс, приводящий к широкому морфологическому анализу. Цель данной аналитической процедуры состоит не в перечислении технических вариантов. Вместо этого дерево на перспективу представляет возможность рассмотрения технических альтернатив на фоне потенциальных перемен в окружающей обстановке и в интересах потребителя. Оно является способом построения минисценариев в отношении многочисленных аспектов будущего. Эта процедура называется деревом цепей на перспективу. Концепция процедуры относится к особой разновидности дерева показателей относительной важности, которую Эрих Янг классифицировал как горизонтальное дерево и которую мы те-

перь предпочли назвать деревом на перспективу [2]. По своему назначению и применению оно отличается от таких типов дерева показателей относительной важности с вертикальной структурой, как дерево целей, дерево решений, дерево альтернатив и дерево распределения ресурсов, а также от количественного характера концепций дерева показателей относительной важности фирмы «Хониуэлл» [3].

Сценарный метод анализа инновационных проектов Сценарии концептуализации – эта та грань концептуальной работы, о которой совершенно определенно можно говорить, как о некоем дизайне смыслов. В зависимости от типа исследовательской задачи может быть развернуто несколько сценариев концептодеятельности:

- сценарий типа «сверху вниз»;
- сценарий типа «вниз вверх»;
- сценарий типа «изнутри наружу»;
- сценарий типа «снаружи вовнутрь»;
- сценарий типа «концептуальный джаз».

Сценарный анализ применяется частными компаниями, государственными органами и военными учреждениями уже более сорока лет. Концепция метода была разработана Г. Каном в 1950-е гг., он применял сценарный анализ в военных стратегических исследованиях, проводимых RAND Corporation для правительства США. В 1960-е гг. Кан основал Hudson Institute, где началось применение сценарного анализа в области социального прогнозирования и публичной политики.

Развитие алгоритма построения сценариев на сегодняшний момент идет в области метода интуитивной логики [5]. Поскольку вероятностные методы модификации тренда и метод La Prospective разработаны и в силу своей сложности зафиксированы еще в 1970-е гг., их развитие связано лишь с внесением небольших дополнений самими разработчиками. Что касается метода интуитивной логики, не обремененного математическим аппаратом и компьютерными моделями, каждая компания может использовать его самостоятельно и приспособлять под свои нужды. Теперь рассмотрим подробнее упоминавшиеся методы построения сценариев, выделим их общие черты и различия.

Метод интуитивной логики. Метод интуитивной логики в 1970-е гг. начали применять консалтинговая компания SRI International и компания Royal Dutch Shell [6]. В основу метода заложены предположения о том, что решения, которые необходимо принимать менеджерам, основываются на сложном наборе взаимосвязей между экономическими, политическими, технологическими и социальными факторами. Большинство перечисленных факторов являются для компании внешними, однако их необходимо понимать для принятия оптимальных решений. Данный метод сценарного анализа позволяет оценить риски инвестиционного проекта, учитывая влияние факторов на его реализацию.

На первом этапе определяется масштаб анализа, концентрируется внимание на ключевых для компании решениях, таких как: диверсификация, распределение ресурсов, рыночные стратегии. На этом этапе проводится работа с соответствующими менеджерами, которые выявляют решения и задачи.

После этого также с помощью привлечения менеджеров компании определяются ключевые факторы, которые напрямую влияют на исход каждого решения. Данные факторы подвержены влиянию различных внешних факторов, в том числе социальных, экономических, политических, технологических. Список этих факторов составляется специалистами по планированию и привлеченными консультантами. На следующем этапе каждый из факторов анализируется с точки зрения его истории, трендов, неопределенности и взаимосвязи с другими факторами.

Последующие этапы являются сутью метода интуитивной логики, отличающей данный метод от других. Логика сценариев создается как принципы и предположения, которые обеспечивают каждый сценарий связной, последовательной, убедительной и логичной основой. Эти принципы и предположения должны охватывать большую часть условий и неопределенностей, выявленных на предыдущих шагах.

Далее анализируется, какие значения будут принимать ключевые факторы в каждом из разработанных сценариев. И заключительным этапом является анализ решений, выявленных на первом этапе, в рамках каждого сценария.

Преимуществом метода является его способность сформировать гибкие, внутренне согласованные сценарии на основе экспертного видения развития будущего. Метод не использует математического аппарата, его результаты легко воспринимаются и без особых проблем могут быть интегрированы в процесс принятия решений. Однако при этом создается сильная зависимость успешности проведения сценарного анализа от опыта и квалификации экспертов.

Метод анализа влияния на тренд Анализ влияния на тренд был разработан специалистами консалтинговой компании Futures Group (нынешнее название – Constella Futures) в 1970-е гг. [7]. Суть метода заключается в построении прогнозов по ключевым факторам, которые корректируются с учетом влияния возможных событий.

Первые два этапа включают в себя создание прогноза ключевых переменных на основе временных рядов данных. Затем на основе экспертных мнений разрабатывается список событий вместе с вероятностями того, что события произойдут, и влиянием, которое они окажут на разработанный прогноз. Эти события являются аналогами внешних сил, рассматриваемых в методе интуитивной логики. Для оценки влияния событий назначения ключевых факторов используется имитационное моделирование по методу Монте-Карло. На основе полученных результатов производится корректировка первоначальных прогнозов.

Финальным этапом, характерным для всех методов разработки сценариев, является написание эссе, которые развивают несколько исходов моделирования, описывая, когда и по каким причинам может произойти каждое оказывающее влияние событие. Преимущество данного метода заключается в соединении традиционных способов прогнозирования с анализом влияния качественных факторов. Однако в данном случае не учитывается влияние, которое возможные события могут оказывать друг на друга. Серьезным ограничением на применение метода является необходимость наличия исторических данных, на основе которых можно построить прогноз.

Метод анализа перекрестного влияния. Анализ перекрестного влияния, также как и анализ влияния на тренд, рассматривает влияние, которое возможные события оказывают на значения факторов. Но в отличие от анализа влияния на тренд данный метод принимает во внимание и то влияние, которое события оказывают друг на друга. Наиболее известными моделями в рамках данного метода являются модель INTERAX и модель IFS [6].

Модель INTERAX (interactive cross-impact simulation) разработана Center for Futures Research Университета Южной Калифорнии. Метод предусматривает использование аналитических моделей и экспертных оценок.

После того как определены вопросы и временной горизонт, выявляются ключевые переменные, а затем для переменных строятся прогнозы с помощью анализа временных рядов или эконометрического анализа. После этого на основе экспертных мнений разрабатывается список событий, оказывающих влияние на прогнозы. На следующем этапе горизонт прогнозирования делится на периоды, и оценивается вероятность реализации каждого события до окончания временного периода. Далее определяется влияние каждого события на каждую ключевую переменную и оценивается влияние реализации одного события на вероятность реализации других событий.

На последнем этапе проводится прогонка модели. Для первого временного периода случайным образом с помощью имитационного моделирования по методу Монте-Карло и на основе оцененных вероятностей выбираются события, которые будут реализованы. После завершения моделирования первого временного интервала есть возможность пересмотреть предположения перед началом моделирования следующего интервала. Процесс продолжается до тех пор, пока не будут определены реализуемые события для каждого временного периода. На основе проведенных итераций формируется набор сценариев.

Метод La Prospective. Метод La Prospective разработан в 1970-е гг. во Франции и нашел широкое применение в европейских странах. Этот метод ассоциируется в первую очередь с именем М. Годета [5]. На первом этапе, как и в других методах, происходит определение области анализа рассматриваемых решений. Затем выявляются ключевые переменные, исследуются их история и тренды. На следующих этапах определяются события и действия заинтересованных лиц, которые могут оказать влияние на ключевые переменные. Проводится анализ степени их воздействия на переменные.

Далее проводится анализ перекрестного влияния событий и действий с использованием модели SMIC, которая подразумевает корректировку вероятностей событий, заданных экспертами, путем учета взаимозависимости между рассматриваемыми событиями. После определения вероятностей событий можно получить сценарии, основанные на наиболее вероятной комбинации возможных событий и действий. Благодаря этому появляется возможность ограничить область исследования только теми состояниями системы, вероятность которых больше нуля. Внутри этой области можно выделить состояния, которые являются более вероятными, чем другие. Финальным этапом метода является оформление сценариев и анализ положения компании в случае реализации каждого из сценариев.

Преимуществом данного метода является создание внутренне согласованных и последовательных сценариев, достигаемое благодаря совместному использованию качественных и количественных алгоритмов при построении сценариев. Однако в связи с активным применением экспертных мнений и оценок создается существенная зависимость успешности проведения сценарного анализа от квалификации экспертов.

Описанные методы, как было сказано ранее, можно сгруппировать в три направления: метод интуитивной логики, вероятностные методы модификации тренда и метод La Prospective. Метод анализа влияния на тренд и модели анализа перекрестного влияния можно объединить в одно направление, поскольку в их основе лежит общая идея – модификация прогнозов ключевых переменных, полученных в результате применения традиционных методов прогнозирования, на основе учета воздействия возможных будущих событий. Типичной и серьезной ошибкой при построении сценариев является их создание по принципу группировки возможных событий в два сценария: пессимистический с точки зрения компании и оптимистический с точки зрения компании. Целью сценарного анализа является описание неопределенности, в условиях которой компании приходится осуществлять деятельность. Для этого сценарии должны формироваться, начиная с глобального, странового или отраслевого уровня, а затем спускаться на уровень компании и проекта. В случае группировки всех плохих, с точки зрения компании, событий в одном сценарии, а всех хороших – в другом может быть нарушена логика развития событий и не учтены взаимосвязи между ними. В этом случае сценарии приспособливают к компании, вместо того чтобы описывать с их помощью среду, в которой компания существует. Сценарии должны спускаться с макроуровня на уровень компании, и только в этот момент можно определять, является данный сценарий для компании удачным или неудачным.

Одной из наиболее распространенных ошибок, происходящих в процессе применения сценарного анализа, является ориентирование на один единственный сценарий как наиболее вероятный и исключение из рассмотрения остальных. Если один из сценариев позиционируется как наиболее вероятный, у менеджеров возникает желание принимать решения, принимая во внимание только его. При использовании сценарного анализа в качестве инструмента стратегического планирования возникает риск формирования стратегий на основе лишь одного варианта развития будущего. В этом случае теряется смысл сценарного анализа, заключающийся в описании альтернативных вариантов развития будущего, которые позволяют рассмотреть альтернативные исходы и принять оптимальное решение.

Распространенной ошибкой является также абстрагирование топ-менеджмента компании от применения сценарного анализа и недостаточное участие менеджеров разного звена в процессе построения сценариев. Привлечение менеджеров необходимо для корректного

определения ключевых переменных и возможных событий, необходимых для построения сценариев.

Моделирование инновационного решения по критерию минимизации транзакционных издержек. Если рассмотреть инновационную цепочку «идея – макет – производство – потребление» и сопровождающие ее финансовые потоки, можно представить и связанную с ней схему информационных потоков (см. рис. 2).

Предлагается аналитическая система формирования и сопровождения инновационных решений; в качестве одной из подсистем рассматриваются модели принятия управленческих решений на разных этапах инновационного процесса.

Инновационная цепочка

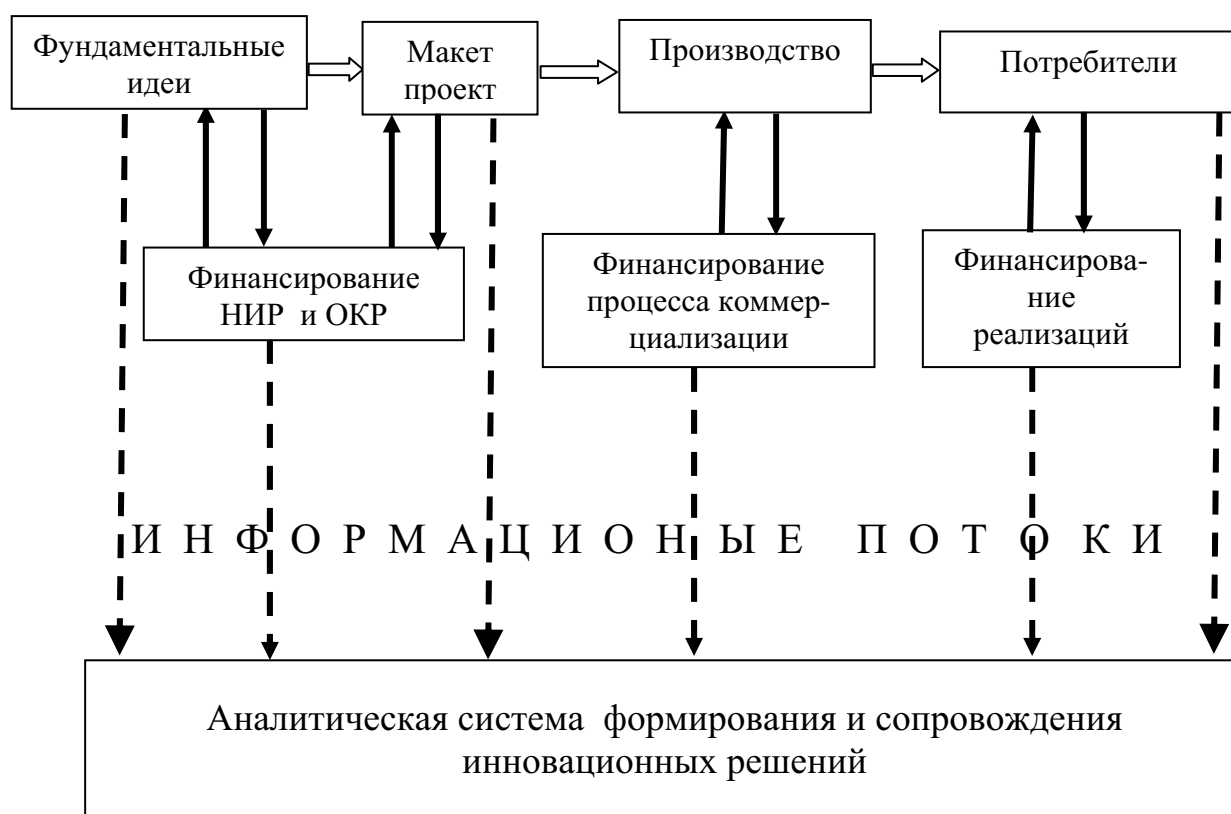

Рис. 2. Схема финансовых и информационных потоков в инновационной цепочке

Издержки поиска информации являются обязательным условием предотвращения потерь эффективности в работе организации. Это касается как фирм, работающих в быстро развивающихся отраслях, где основная стратегическая цель – завоевать как можно большую долю рынка, так и фирм, работающих в стабильных, зрелых отраслях, где нужно прилагать усилия для удержания уже занятой доли, одновременно осуществляя поиск новых перспективных направлений деятельности.

Фирмы, не тратящие денег на исследования рынка, обычно теряют своих постоянных покупателей и не приобретают новых. Такие фирмы «занимают позицию пассивных продавцов (когда у них хотят купить), а не активных (когда они хотят продать), хотя активная позиция в большинстве случаев выгоднее». Исследования рынка особенно важны в инновационной деятельности, так как стремление сэкономить на издержках поиска информации может обернуться значительными потерями в случае «провала» на рынке новой продукции. Вместе с тем между поиском информации и положительными результатами этого поиска, которые проявляются на заключительных этапах освоения новшества, практически не-

возможно установить функциональной связи. Более того, на этапе поиска может быть неизвестно, будет ли полезна вся собранная информация. Поэтому сигналом к прекращению поиска становится субъективное мнение «ищущего» о том, что дальнейший поиск нецелесообразен. Или, используя терминологию теории предельной полезности, предельные информационные издержки сравнялись с предельной полезностью полученной информации. Предположим, существует какая-то стандартная процедура исследования рынка, которой соответствуют минимально необходимые удельные издержки поиска информации. Например, в случае анкетного опроса потенциальных потребителей продуктовой инновации издержки поиска информации включают в себя следующие статьи:

- а) затраты на разработку анкеты;
- б) затраты на изготовление бланков анкет;
- в) затраты на наем и оплату труда временных сотрудников, которые будут проводить анкетирование;
- г) затраты на обучение и координацию этих сотрудников;
- д) затраты на статистическую обработку данных анкет и интерпретацию результатов.

Увеличение числа респондентов, включаемых в выборку потенциальных потребителей, приводит к росту информационных издержек. Другими словами, как при анкетном опросе, так и при использовании других источников информации, можно выявить переменную составляющую издержек поиска информации, которая будет расти пропорционально числу используемых источников. Возникает вопрос: сколько источников информации задействовать и в течение какого времени осуществлять исследование рынка?

Основное ограничение накладывается общим размером суммы, которую организация-новатор может потратить на исследования рынка. Естественно, что рациональный хозяйствующий субъект хочет потратить не всю сумму, а создать резерв для будущих маркетинговых исследований (предусматривая возможность того, что по результатам проведенного исследования анализируемый рынок может быть признан бесперспективным), или направить остаток на другие нужды инновационной деятельности (ИД). Также следует учитывать, что при проведении маркетинговых исследований выборочным методом важно обеспечить репрезентативность полученных результатов, т.е. возможность их распространения на генеральную совокупность потенциальных потребителей, что достигается определением минимально возможного объема выборки.

По мере увеличения времени поиска информации сокращается вероятность потерь организации и повышается вероятность получения положительных финансовых результатов от реализации проекта. С другой стороны, время поиска информации сокращает время, остающееся для выполнения других этапов инновационного процесса, или ИП затягивается, в результате чего организация недополучает доходы от инновационной деятельности. Период подготовки и освоения новой продукции не может длиться бесконечно. Важным условием гибкости организации к требованиям рынка является ее способность к обновлению.

Модель выбора между подрядным и хозяйственным способами осуществления ИД. Практически на каждом этапе ИП организация сталкивается с вопросом: осуществлять соответствующий этап (или его часть) своими силами либо прибегать к услугам сторонних организаций.

Выбор между хозяйственным и подрядным способами при прочих равных условиях, таких как: сроки выполнения работ, наличие на рынке сторонних организаций, готовых выполнить эти работы, наличие у организации-новатора ресурсной базы для выполнения работ и т.п., осуществляется по критерию минимизации общих затрат, значительную долю которых составляют трансакционные издержки.

Издержки организации при выполнении инновационных работ складываются из прямых и неявных издержек. Если работы выполняются своими силами (хозяйственным способом), то прямые издержки включают трансформационную и трансакционную составляющие.

Применительно к текущей деятельности организаций трансформационными издержками (production costs) называют издержки, сопровождающие процесс физического измене-

ния материала, в результате которого производится продукт определенной ценности. В эти издержки входят не только издержки обработки материала, но и издержки, связанные с планированием и координацией процесса производства, если последний касается технологии, а не взаимоотношений людей [5]. В контексте инновационной деятельности этим термином будем называть затраты, необходимые для перехода осваиваемого новшества на следующий этап его жизненного цикла.

Трансакционная составляющая прямых издержек хозяйственного способа представлена издержками координации и контроля за деятельностью работников, осуществляющих инновационную деятельность.

В состав неявных издержек входят:

- издержки оппортунизма собственных работников (они тем ниже, чем выше затраты на координацию деятельности работников и управленческий контроль над ними), в том числе издержки влияния на принимаемые в ходе реализации инновационного проекта решения в собственных интересах;
- издержки возможных потерь из-за того, что ресурсная база организации, в том числе знания и опыт ее работников, уступает ресурсной базе внешних организаций, специализирующихся на выполнении этих работ.

К прямым издержкам подрядного способа следует отнести плату контрагенту (подрядчику) в соответствии с заключенным договором и все виды трансакционных издержек, связанные с заключением договора:

- на поиск информации;
- на ведение переговоров;
- на составление контракта и оформление прав собственности;
- на мониторинг за деятельностью контрагента;
- на принуждение контрагента к выполнению взятых на себя обязательств.

Модель информационного менеджмента инноваций: проблема мониторинга и управление на основе стратегического маркетинга жизненного цикла нововведений. Исходным моментом для постановки задачи и решения выделенных проблем явилась аналитическая работа И.В. Бекетова [8]. Вопрос в том, что до периода рыночной трансформации экономики в отечественной практике преимущественно единственным было толкование инновационного процесса как последовательного, стадийного явления, включающего следующие друг за другом этапы работ, начинающиеся научными исследованиями и заканчивающиеся, как правило, производством.

Период рыночного реформирования отечественной экономики потребовал поиска новых направлений в исследовании инновационных процессов. Дело в том, что в рыночной экономике кардинально изменяются координаты существования и развития научной сферы и с точки зрения институциональной. При этом инновационный процесс рассматривается как поиск, открытие, разработка, усовершенствование, освоение коммерциализация новых процессов, продуктов, организационных структур и методов хозяйствования.

Эффективная реализация инновационных процессов, таким образом, связывается с объединением в рамках целостной структуры всех элементов системы наука – технология – производство – потребление, предусматривающей создание разветвленной системы сбытового и сервисного обслуживания для стимулирования научных исследований и активизации изобретательской деятельности на основе нового типа связей – обратных связей в инновационном процессе.

Организатором этого процесса в отечественной практике обычно являются разного рода научно-производственные объединения, компании, которые отвечают за весь жизненный цикл продукции: разработку и проектирование, маркетинг и продажи, производство, сертификацию и послепродажное обслуживание, но в то же время выступают не главным исполнителем, а лишь интегратором проекта, в котором десятки лидеров мировой индустрии, и обеспечивают конструкторское и техническое обеспечение проекта, поставку комплектующих и технических изделий.

Многие новые деловые структуры (информационно-аналитические центры) чаще возникают внутри существующих кластеров, чем изолированно. Это происходит по разным причинам. Кластеры создают побуждающие мотивы для их возникновения благодаря лучшей информированности о существующих благоприятных возможностях. Само по себе существование кластера уже свидетельствует о наличии определённых возможностей. Реализаторы инноваций, работающие где-либо в кластере или вблизи него, легче осознают существующие зазоры в создаваемых новшествах, которые они могут заполнить, изменить или улучшить. При наличии подобного видения такие исполнители на стадиях жизненного цикла с большим желанием ориентируются на новые организационные структуры, создающие новые возможности в приобретении информационных услуг.

Теория кластеров, со своей стороны, предусматривает возможность более тесной связи между теорией сетей, общественным капиталом, а также общественной активностью с конкуренцией и экономическим эффектом. К тому же с её помощью можно выявить, кому необходимо быть в сети, для каких взаимоотношений и почему. Кластеры предлагают новый путь исследования механизмов, посредством которых сети, общественный капитал и общественная активность влияют на конкурентную борьбу и рынок. Институционально это можно представить в виде некоего информационно-аналитического центра как элемента рынка, работающего по заявкам исполнителей на стадиях цикла и осуществляющего информационное обеспечение управлением на основе обратных связей с внешней средой. Практика показала, что наукоёмкая продукция, выпускаемая сегодня наукоёмкими исследовательскими институтами, часто не пользуется достаточным спросом в России. Отсутствие правовой основы ведения маркетинга в процессе коммерциализации технологий создаёт препятствие для их передачи из режимных исследовательских организаций. Особенно это важно для многопрофильных технологий, развивающих десятки проектов с огромным инновационным потенциалом и передачу их в гражданскую экономику на основе тщательной разработки бизнес-планов с их последующим мониторингом. Возникает необходимость планирования маркетинга инноваций на долгосрочный период. И в этом плане будет играть важную роль аналитическая составляющая процесса управления: учёта прогноза, спроса и риска реализации при учёте тех или иных факторов воздействия внешней среды. Реализация данных задач возможна на базе создания в будущем своего рода систем информационного менеджмента инноваций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов, В. Д. Проблемы технологического бизнеса в России на опыте работы ЗАО «НТ - МДТ» / В. Д. Баранов // Инновации. – 2003. – № 7. – С. 37-38.
2. Теоретические и методические основы анализа транзакционной составляющей затрат на инновационную деятельность / С. Н. Буханова, Ю. А. Дорошенко, М. В. Сыров, Т. А. Турмина // Экономический анализ. – 2008. – № 16. – С. 76-80.
3. Ивлев, В. Анализ себестоимости каждого товара по методике ABC / В. Ивлев, Т. Попова // Консультант. – 2005. – № 23. – С. 5-14.
4. Бараненко, С. П. Стратегическая устойчивость предприятия / С. П. Бараненко, В. В. Шеметов. – М.: Центрполиграф, 2004.
5. Башин, М. Д. Новая техника и опытные предприятия / М. Д. Башин. – М.: Наука, 1999.
6. Галкина, Н. Социально-экономическая адаптация предприятия к инновационному технологическому развитию / Н. Галкина // Проблемы теории и практики управления. – 2006. – № 4. – С. 92-99.
7. Методология и теория моделирования выбора инновационного решения по критерию минимизации транзакционных издержек / С. Н. Буханова, Ю. А. Дорошенко, М. В. Сыров, Т. А. Турмина // Экономический анализ. – 2008. – № 15. – С. 4-10.
8. Бекетов, И. В. Инновационная деятельность и инновационный процесс: сущность и основные этапы исследования в экономической литературе / И. В. Бекетов // Экономический анализ: теория и практика. – 2008. – № 3. – С. 10-15.

Уксуменко А. А., Маркова И. С.
ТУРИЗМ КАК СПОСОБ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Уксуменко А. А., Маркова И. С.
A.A.Uksumenko, I.S.Markova

ТУРИЗМ КАК СПОСОБ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

TOURISM AS A WAY OF SOCIAL DIFFERENTIATION

Уксуменко Алена Анатольевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры финансы и кредит Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 8-4217-20-11-13. E-mail: kef@knastu.ru.

Ms. Alyona A. Uksumenko – Ph.D. in Economics, Associate Professor, Department of Commerce and Marketing, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin St.; 8-4217-20-11-13. E-mail: kef@knastu.ru.

Маркова Инна Сергеевна – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой маркетинга и коммерции Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681013, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 27; 8-4217-20-11-12. E-mail: nok@knastu.ru.

Ms. Inna S. Markova – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Commerce and Marketing, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681013, Komsomolsk-on-Amur, 27 Lenin St., 8-4217-20-11-12. E-mail: kef@knastu.ru.

Аннотация. Путешествия являются одним из наиболее доступных способов социальной дифференциации. В статье рассмотрен туризм как показатель социального статуса.

Summary. Travel is one of the most affordable ways of social differentiation. The article deals with tourism as an indicator of social status.

Ключевые слова: туризм, путешествия, социальный статус.

Key words: tourism, traveling, social status.

УДК 338.48

В 1960-е гг. социальный статус во всем мире был связан в первую очередь с профессиональными занятиями. В СССР на фоне одинаково низких зарплат у рабочих и инженеров и одинакового уровня потребления высшее образование было чуть ли единственной формой определяющей социальный статус. Начиная с 1970-х гг., по мере того, как индустриальные общества Запада сменялись постиндустриальными, работа как основной социальный признак стала уступать место досугу. На смену «профессии» как определяющей характеристике социального статуса пришло понятие «жизненный стиль», объединяющее тип труда, досуга, семейного положения, места жительства и уровня потребления. Работа свелась лишь к средству получения доходов, а большинство жизненных ценностей оказались сосредоточенными вне ее – в кругу семьи, в сфере досуга (хобби, занятия спортом, организация отпуска).

Известный исследователь туризма американский социолог Дин Макканел считает туризм важным компонентом социального статуса [1]. Не менее ярка характеристика ту-

ризма, данная Д. Урри. «Центральной характеристикой массового туризма в современном обществе является то, что большинство населения в последние годы путешествует куда-либо, просто чтобы посмотреть на другие места, то есть по причинам, не связанным с работой, – пишет британский социолог Джон Урри в книге "Взгляд туриста: отдых и путешествия в современных обществах". – Путешествия сегодня занимают много свободного времени. Если люди не путешествуют, они теряют статус: путешествия стали признаками статуса. Важнейшим элементом современной жизни стало убеждение, что путешествия и отпуска необходимы» [2, 5]. Поскольку ценности этого сравнения имеют тенденцию становиться ценностями всего общества, проведение отпуска вдали от дома уже является не просто одним из возможных видов отдыха, а социальной нормой, обязательной к исполнению. В соответствии с западной трудовой этикой, работа совершается вынужденно, для добывания «хлеба насущного», и преимущественно дома. Путешествия же совершаются добровольно, в свободное от работы время, для «удовольствия» [3].

Современный туризм представляет собой сложный ритуал со своим разработанным сценарием. Если американец отправляется в Европу, он должен увидеть Париж. В Париже он просто обязан осмотреть Собор Парижской Богоматери, Эйфелеву башню и Лувр.

Подобная обязательность распространяется не только на приятный, но и на «отрицательный» туристический опыт. Если житель Среднего Запада приезжает на Манхэттен и ему не удастся стать свидетелем какого-либо происшествия, подтверждающего славу Нью-Йорка как криминальной столицы США, он уезжает разочарованным. Он точно так же расстраивается, когда выясняет, что продемонстрированные ему в качестве «диких» индейцы Южной Америки в свободное от работы время ходят в европейской одежде и смотрят по спутниковому телевидению новости CNN.

Однако, несмотря на частые разочарования, постоянные подозрения в том, что его обманывают, несмотря на расходы, бытовые неудобства и реальные опасности, нынешний турист, как и его древний предшественник, продолжает стремиться к неизведанным красотам природы и культуры. Что же делает туристический опыт столь привлекательным?

Дин Макканел утверждает, что сам акт осмотра достопримечательностей вовлекает человека в круг привычных социальных представлений и тем самым помогает ему сконструировать целостную картину мира из доступных ему обрывочных впечатлений. Таким образом, его собственная жизнь и его социальная реальность предстают перед ним как упорядоченная серия событий, наподобие снимков в семейном альбоме, складывающихся в единую историю. Макканел считает главной целью туриста укрепление собственной идентичности, утверждение Эго: «Эго – краеугольный камень любой идентичности. Если субъект лишен Эго, он распадается на миллионы несвязных мыслей и впечатлений. Эго – это центр управления и контроля, объединяющий личность в единое целое. Эго отбирает чувственные впечатления и лепит из них реальность. Отъезд из дома, расставание с привычным кругом семьи и друзей и последующее возвращение в качестве того же самого субъекта, той же самой, или даже улучшенной, личности, – это, пожалуй, лучший стандартизированный тест, который Эго изобрело для измерения своей мощи» [1, 15].

Американский антрополог Нельсон Грабурн считает туристические поездки современного человека светским эквивалентом священных празднеств, разделявших время в традиционных культурах на два периода – время праздника и время повседневных обязанностей [3]. Для современного человека время тоже делится на повседневную жизнь, полную забот, и «настоящую жизнь», которую он покупает себе ценой 11 месяцев напряженного труда. Гра-

ница между этими двумя жизнями обставлена своеобразными ритуалами перехода (сборами, получением визы, проводами, переводом часов в самолете или распитием спиртного с незнакомым попутчиком в поезде). Ритуалы возвращения менее праздничны, но столь же обязательны: подробные отчеты перед друзьями, вручение подарков близким, демонстрация фотографий, сувениров.

Само путешествие обычно проходит в режиме, который психиатры называют измененным состоянием сознания: чрезмерное возбуждение, эйфория, напряженность, граничащая с болезненностью. Медицинская статистика свидетельствует, что в отпуске люди чаще болеют и подвергают свое здоровье большему риску, чем дома. И все же оно для нас - сродни ритуальному испытанию, которое в традиционных культурах составляет суть любого священного праздника.

Человек возвращается из отпуска вовсе не «отдохнувшим» и «полным сил». Он возвращается *другим*, примерившим на себя *иную* жизнь.

Отпуск как празднично-карнавальная период временного снятия всех социальных табу, потакания себе и исполнения желаний характеризуется не только легкостью завязывания «курортных романов», но и временным снятием финансовых ограничений. В массовом сознании очень популярна идея о том, что на отдыхе «нельзя экономить». В исследовании китайского социолога Нина Ванга подчеркивается «пиковый» характер туристического потребления, отличающегося от рационального и экономного поведения человека в обычное время: «Это безответственное и ничем не сдерживаемое потребление, конструирующее фантастический или утопический мир изобилия и вседозволенности» [4].

Граждане России получили возможность путешествовать не так давно. Совершать путешествия – одно из основных видимых завоеваний «перестройки» – для большинства обывателей гораздо более существенное, чем свобода слова и многопартийность. В условиях скудной обеспеченности жильем и не устоявшейся профессиональной «табели о рангах» отпуск за границей стал определяющим классификационным признаком формирующегося в России среднего класса.

В отличие от США, где уровень благосостояния можно довольно точно определить по месту жительства, в нашей стране представители среднего класса в большинстве своем продолжают жить в квартирах, построенных в советские годы. Поэтому они ежедневно ощущают необходимость, если не пространственных, то хотя бы символических границ между собой и пролетарскими семьями, живущими на той же лестничной клетке. Отпуск, проведенный в Испании, Франции или Турции, служит одним из наиболее доступных способов социальной дифференциации.

ЛИТЕРАТУРА

1. MacCannell, Dean. The Tourist: A New Theory of the Leisure Class. Berkley: University of California Press, 1976.
2. Urry, John. The Tourist Gaze. Leisure and Travel in Contemporary Societies. London: Sage, 1990.
3. Granburn, N. Tourism: The Sacred Journey // Host and Guests. The Anthropology of Tourism / Ed. Valene L. Smith, Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 1989. – P. 21-36.
4. Wang, N. The Tourist as a Peak Consumer. The Tourist as a Metaphor of the Social World/Ed. Graham M.S. Darm. UK: CABI Publishing, 2002. – P. 281-296.

Шевченко Д. К.
D. K. Schevchenko

ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ

PRINCIPLES OF MANAGING THE STRATEGIC STABILITY OF AN ENTERPRISE

Шевченко Давид Кириллович – доктор экономических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы, академик международной академии наук, профессор кафедры «Экономика производства» Дальневосточного государственного рыбохозяйственного университета (Дальрыбвтуз) (Россия, Владивосток); г. Владивосток, Океанский проспект, 1; 8(4232) 40-95-95.

Mr. David K. Schevchenko – Doctor of Economics, Professor, the Honorary Figure of Russian Higher Education, Fellow of the International Academy of Sciences, Professor, Department of the Production Economics, the Far East Fishing University (Russia, Vladivostok, 1 Ocean prospect), tel.: 8 (4232) 40-95-95.

Аннотация. В статье раскрыта основа и представлен алгоритм перестройки процессов управления на принципы стратегической устойчивости работы предприятия.

Summary. The paper deals with the framework for and algorithm of reorganization of managerial processes toward the principles of strategic stability of an enterprise.

Ключевые слова: стратегическая устойчивость, кибернетическая система, факторы управления, принципы управления.

Key words: strategic stability, cybernetic system, management factors, management principles.

УДК 658.1

Управление стратегической устойчивостью формируется и развивается на принципах системного кибернетического подхода, в соответствии с которым предприятие, корпорация рассматривается как система, в которой выделяется субъект и объект управления, соединенные информационными каналами, имеющие прямую и обратную связи.

Субъект управления – это орган управления системой, способный выполнять императивные, командные функции управления. Он наделен необходимыми полномочиями и способен вырабатывать управленческие решения, организовывать и контролировать ход процесса производства и вносить необходимые изменения, дополнения в ход процесса управления; осуществлять экономические и административно-правовое регулирование его при отступлении от заданной программы (плана) управления и возникновении помех управления.

Субъект управления – это управляющая подсистема управления. *Объект управления* – это управляемая подсистема, включающая в себя производственный процесс, цеха, участки, бригады. Объект управления должен обладать способностью своевременно, качественно выполнять все решения органа (субъекта) управления и оперативно информировать его о ходе выполнения решений, возможных отклонениях, сбоях производства, снижении качества выпускаемой продукции, увеличении себестоимости и снижении прибыльности корпорации.

Взаимосвязь субъекта и объекта управления показана на рис. 1.

Из схемы видно, что управляющая подсистема разрабатывает план и программу деятельности объекта управления и по информационным каналам прямой связи доводит их до объекта управления. На основе этой информации объект управления организует производство на выполнение заданной программы и по каналам обратной связи доводит до субъекта управления информацию о ходе выполнения указанного плана и причинах отклонения от нее, если такие имеются.

Рис. 1. Принципиальная схема управления

В общем виде под управлением производства подразумевается процесс планирования, организации и координации деятельности предприятия, направленные на достижение поставленной цели с наименьшими затратами. В этом случае управление считается эффективным. Если же система управления не достигает поставленной цели или достигает ее, но любой ценой, с привлечением дополнительного (сверхпланового) количества ресурсов (рабочей силы, сырья, материалов, технических средств и др.), то такое управление считается неэффективным и требует перестройки. Здесь аппарат управления считается недостаточно квалифицированным и не способен обеспечить должную организацию и эффективность управления производством со всеми вытекающими из этого последствиями.

Любая система может эффективно функционировать только при наличии четко сформулированной цели и задач, иметь соответствующую организационную структуру, функции и экономический механизм управления ею. С изменением целей управления должна перестраиваться организационная структура и частично функции управления и экономический механизм управления. Любая кибернетическая система состоит из пяти функций (элементов) управления: планирование действия системы, организация управления, контроль ее действия, учет и анализ функционирования системы и эффективности использования ресурсов, регулирование функционирования процессов управления.

При ликвидации возникающих отклонений в процессе управления от плана заданной программы и приведении ее в заданное состояние велика роль аппарата управления предприятием (мастеров, начальников участков, цехов, строителей (прорабов)), так как они призваны обеспечить достаточную организацию, контроль, учет и эффективность регулирования процесса управления производством.

В практике управления считается неэффективной работа аппарата управления, который не обеспечивает должную организацию производства, контроль качества продукции и эффективного (в пределах норм и нормативов) использования производственных ресурсов. Поэтому при совершенствовании управления производством первостепенное внимание следует обратить на квалификацию, компетентность и опыт работы персонала управления и применяемые методы организации и управления производством. Рассмотрим подробно структуру системы управления производством с позиции системного подхода (см. рис. 2).

Управление производством считается системным, если в его состав включены и функционируют все пять основных элементов – функции управления, причем каждый элемент должен выполнять только присущие ему функции (планирование или контроль, или регулирование). Бессистемным считается управление, когда хотя бы один элемент формально или частично выполняет свои функции.

Например, если исключен, допустим, контрольный элемент системы, а функцию контроля выполняют в порядке совмещения профессии: мастера, начальники участков или другие специалисты и делают контроль без системно, от случая к случаю, и не совсем квалифицированно, то фактически такой контроль не эффективен и не обеспечивает качественный контроль и в целом – системное управление производством.

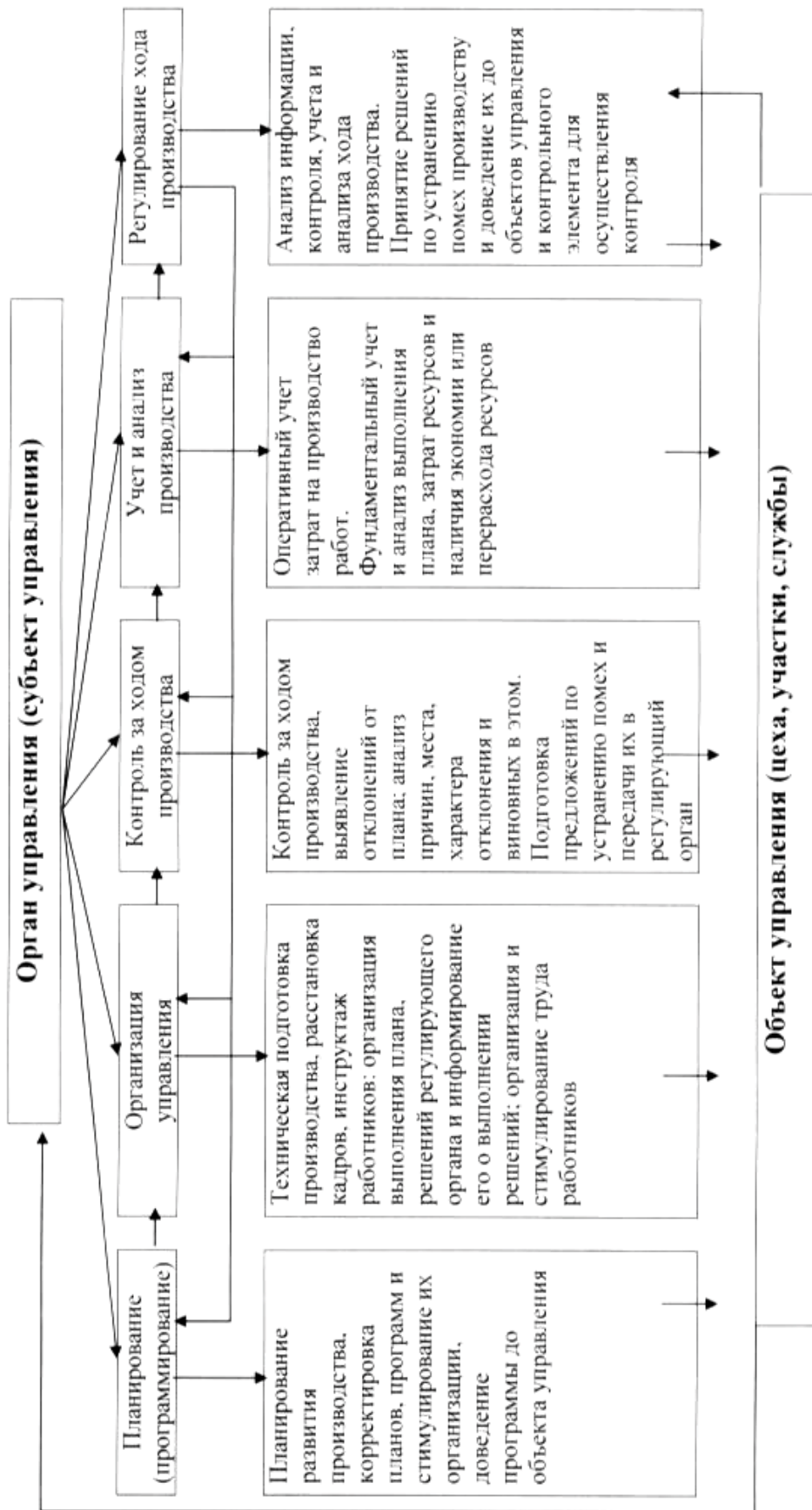

Рис. 2. Принципиальная схема организации процессов управления производством как системой

Между тем, в современной практике управления часто в целях экономии сокращают отделы контроля качества или первичного учета затрат на производство, передают функции контроля в порядке совмещения профессии линейному персоналу. Поэтому требуется системность управления и его эффективность со всеми негативными последствиями.

Рассмотрим кратко сущность, структуру и функции всех элементов системы.

Первым и основным элементом системы управления является планирование, в функции которого входит разработка и доведение плана производства до всех цехов и служб предприятия; определение потребного количества производственных ресурсов (рабочей силы, сырья, материалов и пр.). В функции планирования также входит разработка стратегии и тактики управления и поэтапных графиков выполнения работ цехами, производственными участками и службами предприятия.

Вторым элементом системы условно представлена *организация* управления, которая служит для обеспечения функционирования системы управления, хотя и не является элементом кибернетической системы управления и больше относится к организации производства. Однако без нее – не обойтись. В функции организации управления входит техническая и организационная подготовка производства, подбор и расстановка кадров, их инструктаж и организация труда и производства; выполнение решений регулирующего органа в процессе управления и стимулирования труда исполнителей.

Третьим элементом системы считается *контроль* за ходом процесса производства и качеством выполнения плана, выявление возникающих помех, отступлений от плана, программы действия системы и других негативных явлений. В функции контроля входит анализ и выявление размеров, причин, места отклонений от плана и производственной программы и подготовка для регулирующего органа проекта решения об устранении возникающих отклонений.

Четвертый элемент – учет и анализ – призван обеспечить анализ затрат на производство; оценку эффективности хода производства, наличие экономии или перерасхода производственных ресурсов.

Пятый элемент системы – основной в обеспечении хода процесса производства, он регулирует действия объекта управления и всех элементов системы управления. Основными функциями *регулирующего элемента* является сбор информации со всех элементов системы; анализ ее и принятие управленческих решений по устранению возникающих отклонений от заданного плана и программы действий системы; принятие управленческих решений, доведение их до объекта управления и других элементов системы; обеспечение контроля их реализации и регулирования процесса управления. К числу регулирующих функций относится мотивация и стимулирование персонала за своевременное и качественное выполнение своих обязательств; распределение, перераспределение и эффективное использование ресурсов, а также административно-правовое воздействие на исполнителей, не выполняющих плановое задание или допускающих дефекты, брак в работе и пр.

Опора на кибернетические принципы системного подхода позволяет научно обоснованно формировать конкретные системы управления производством, качеством продукции, инновационной деятельностью, эффективностью производства и в целом стратегической устойчивостью работы компании.

Важную роль в повышении эффективности системного управления производством играет стратегическое управление, определяющее выбор и реализацию более эффективных путей развития фирмы, корпорации. Среди множества определений экономической сущности стратегического управления более точные дают английские ученые А.А. Томсон и Дж. Стрикленд, которые считают, что стратегическое управление – это выбор эффективных путей развития фирм и укрепление их позиций в перспективе по достижению поставленных целей. Они отмечают, что менеджеры разрабатывают стратегию фирм, корпораций для того, чтобы определить, в каких направлениях будет развиваться компания и принимать обоснованные решения при выборе способов действия и более эффективных направлений развития.

Без стратегии нет продуманного плана действий; нет и путеводаителя в мире бизнеса и путей более эффективного развития бизнеса [4, 11-12].

Основными принципами, обуславливающими преимущества стратегического управления, являются:

1) обязательное наличие у руководителей фирм стратегического мышления и способности (умения) разрабатывать стратегию корпорации, фирмы;

2) обеспечение практической реализации разработанной стратегии и обеспечение направленности всей фирмы или корпорации на ключевые аспекты стратегии (что мы стремимся делать, чего добиваемся и что для этого необходимо?);

3) более четкое реагирование менеджеров на появление различных перемен, новых возможностей и угрожающих ситуаций, появление товаров-заменителей и т. п.; своевременное их устранение;

4) эффективное распределение и перераспределение ресурсов на стратегически обоснованные и высокоэффективные проекты;

5) обладание способностью и возможностью объединять решения руководителей всех уровней управления, связанных со стратегией, и принимать необходимые решения;

6) поощрение активного управления, а не простое реагирование на различные внешние факторы, приводит к тому, что новаторские стратегии могут привести к улучшению результатов деятельности компании, фирмы.

Стратегическое управление или менеджмент зарубежные авторы рассматривают как идеологию менеджмента и бизнеса. Действительно, в определенной мере его можно рассматривать и как научную методологию менеджмента и бизнеса с присущими ей принципами, методами планирования и управления.

К основным требованиям, предъявляемым к формированию стратегического управления, следует отнести:

- целостность стратегического планирования и связь с тактическим управлением компанией, фирмой;

- наличие достоверной, качественной и своевременной информации о ходе процессов управления производством и своевременная корректировка ее;

- гибкость реагирования компании, фирмы на внешние и внутренние изменения;

- сочетание стратегического и тактического управления.

Опираясь на требования, предъявляемые к стратегическому управлению, можно приступать к разработке научной методологии стратегической устойчивости предприятия.

Основу научной методологии управления производством, включая и устойчивость работы предприятий, составляют принципы управления, которые рассматриваются как правила или основополагающие положения по управлению производственными процессами. Они являются основой для разработки систем, методов и организации управления. Принципы бывают общие и специфические. Общие принципы раскрывают основные правила и требования, предъявляемые к формированию систем управления производством. Специфические принципы представляют собой конкретные правила управления специфическими целевыми системами и подсистемами управления в конкретной отрасли народного хозяйства. В этой связи к специфическим относятся конкретные принципы для формирования и функционирования специфических целевых систем для достижения конкретных целей. К таким целевым системам отнесена система управления стратегической устойчивостью.

К основным общим принципам управления можно отнести:

1. *Принцип комплексности планирования* и управления, предусматривающий комплексность управления по вертикали, при котором поставленная цель управления должна быть увязана с задачами, средствами достижения целей, с ресурсами и конечными результатами, которые в комплексе обеспечивают устойчивость – бесперебойность работы предприятия. При выполнении или не выполнении хотя бы одного вида комплексации управления, например, если не увязать цель и задачи с ресурсами, система потеряет комплексность из-за

отсутствия или неполного обеспечения (сбалансирования ее с ресурсами). В этом случае предприятие потеряет устойчивость.

2. *Принцип эффективности* – это важный принцип обеспечения устойчивости, так как он тесно связан со специфическим принципом прибыльности предприятия, поскольку предприятие нельзя считать устойчивым, если оно неэффективно работает. Механизм действия этого принципа заключается в обеспечении формирования эффективности плана производства на основе подбора прогрессивных ресурсосберегающих технологий; высококвалифицированных кадров; применения по возможности недорогих материалов, сырья, комплектующих изделий и обеспечит реализацию этих этапов с минимальными (в пределах норм и нормативов) затратами ресурсов. В этом случае управление считается эффективным. Если план не выполняется в срок, идет перерасход ресурсов, брак в работе и простои производства и т.п. В этой ситуации такое управление является неэффективным из-за неэффективной работы управленческого персонала и неустойчивым.

3. *Принцип стимулирования планов по количеству и качеству*. Механизм действия этого принципа нацелен на обеспечение своевременного качественного выполнения плана по объему, ассортименту и качеству продукции и эффективности производства с учетом сочетания интересов работников со стимулами. В этой связи на предприятии необходимо перестроить систему мотивации и стимулирования за своевременное выполнение плана по производству и качеству продукции, а также за экономное расходование материально-технических средств.

4. *Принцип реальности планирования и управления производством*. Производственный план является реальным для выполнения, если он сбалансирован с производственной мощностью предприятия и производственными ресурсами (трудовыми, материально-техническими, финансовыми, транспортными и т.п.). Если каких-либо ресурсов нет или недостаточно для выполнения, то план считается нереальным – не выполним со всеми последствиями. Поэтому планы производства следует тесно сбалансировать с потребным количеством производственных ресурсов и мощностей и обеспечить устойчивую без простоев работу предприятия.

К *специфическим принципам* относится:

5. *Принцип приоритетности* планирования и управления, механизм воздействия которого состоит в следующем. Этот принцип особо актуален в условиях нехватки производственных ресурсов для обеспечения устойчивости работы, когда необходимо выбрать из всех даже важных целей управления более важные первоочередные – приоритетные, без решения которых невозможно обойтись. Это приоритетная цель, и виды деятельности необходимо четко выделить как первоочередную и для ее реализации выделить необходимые ресурсы для выполнения важнейших первоочередных целей и задач управления. Для всех второстепенных целей и задач ресурсы также выделяются, но во вторую очередь.

6. *Принцип гибкости планирования и управления устойчивостью работы предприятия*. В современных рыночных условиях работы предприятия под воздействием спроса, предложения и конкуренции, а также влияния различных факторов постоянно подвергается их воздействию, обуславливающие необходимость изменения планов, переходов на выпуск новой конкурентоспособной продукции, применения более прогрессивных технологий и организации труда. Это приводит к колебанию устойчивости предприятия, утрате прибыльности предприятия и необходимости перестройки планирования и управления на принципы гибкости и быстрой перестройки планов и методов оперативного управления производством на стабильную устойчивую работу. Для этого необходимо повысить стабильность планов и методов организации, экономического, административного, правового регулирования производственного процесса. Для этого широко используется организационно-административные, правовые, экономические рычаги и стимулы, обеспечивающие подавление возникающих помех управления. В зарубежной практике также применяют несколько вариантов планов,

стимулов, мотиваторов, побуждающих персонал предприятия к эффективной производственной работе.

7. *Принципы сочетания стратегических и тактических целей, задач и контуров управления.*

Как было отмечено, в управлении устойчивости необходимо выделить стратегические, тактические факторы и контуры управления, обуславливающие формирование долгосрочных и краткосрочных целей, задач, средств их достижения, ресурсов и конечных результатов.

К важнейшим стратегическим целям, в первую очередь, относится конкуренция фирм, работающих по выпуску и реализации одноименной продукции на отраслевых рынках и удовлетворяющих какую-то одну потребность. Основу этой стратегии составляет конкуренция за рынки сбыта и за производственные ресурсы, которые обуславливают соответствующие нововведенческие отношения продавцов и покупателей в отношении цен, конкурентоспособности, поведении конкурентов, или при колебании спроса и предложения.

Другой стратегической целью является стратегия повышения конкурентоспособности товара и инновационной активности фирмы, которая находит свое логическое завершение на тактическом уровне предприятия. Тесное сочетание обещает успех фирмы в области устойчивости и согласованности их в управлении.

Более подробно состав и сочетание стратегических и тактических целей и контуров управления приведены на рис. 3. Из приведенной схемы видно, что для обеспечения управления стратегической устойчивостью выделены два вида целей – стратегические и тактические, которые обуславливают выделение стратегического контура управления.

Стратегический контур управления призван решать следующие стратегические цели:

- укрепление долгосрочных стратегических связей с поставщиками и потребителями продукции;
- формирование стратегии и политики в области инноватики, повышения конкурентоспособности продукции и предприятия;
- обновление и укрупнение материально-технической и лабораторной базы предприятий;
- обеспечение устойчивого инвестирования инновационных процессов;
- закрепление на отраслевых рынках сбыта своей продукции и выход на зарубежные;
- совершенствование стратегического планирования и стимулирования устойчивости работы предприятия;
- укрепление платежеспособности и финансовой безопасности предприятия.

Для решения этих задач необходимо сформировать стратегию предприятия, наметить контур стратегии управления стратегической устойчивостью работы предприятия и направлять тактическую деятельность предприятия по тактическому контуру управления им.

К вопросам **тактического контура управления** относятся: выполнение всех тактических, текущих функций управления; планирование, организация, управление, контроль за ходом производства, учет, анализ хода производства, оценка его результатов и регулирование процесса управления. Оперативной устойчивостью работы цехов, участков предприятий и аппарата управления ими.

Значительную роль в тактическом управлении играет оперативное выявление помех процесса управления, которые выводят предприятие из устойчивости работы и принятия мер по их устранению и регулированию процесса управления устойчивостью работы предприятия. К таким помехам относятся: несвоевременное обеспечение рабочих мест материально-техническими ресурсами и инвестициями; перебои в обеспечении транспортом, электрической и иными видами энергии; поломка оборудования, инструмента; аварии на производстве (пожар, наводнение и пр.); появление дефектов и брака в работе; нарушение трудовой, технологической, финансовой дисциплины; ошибки в нормативно-технической документации, работе конструкторов, технологов и др.

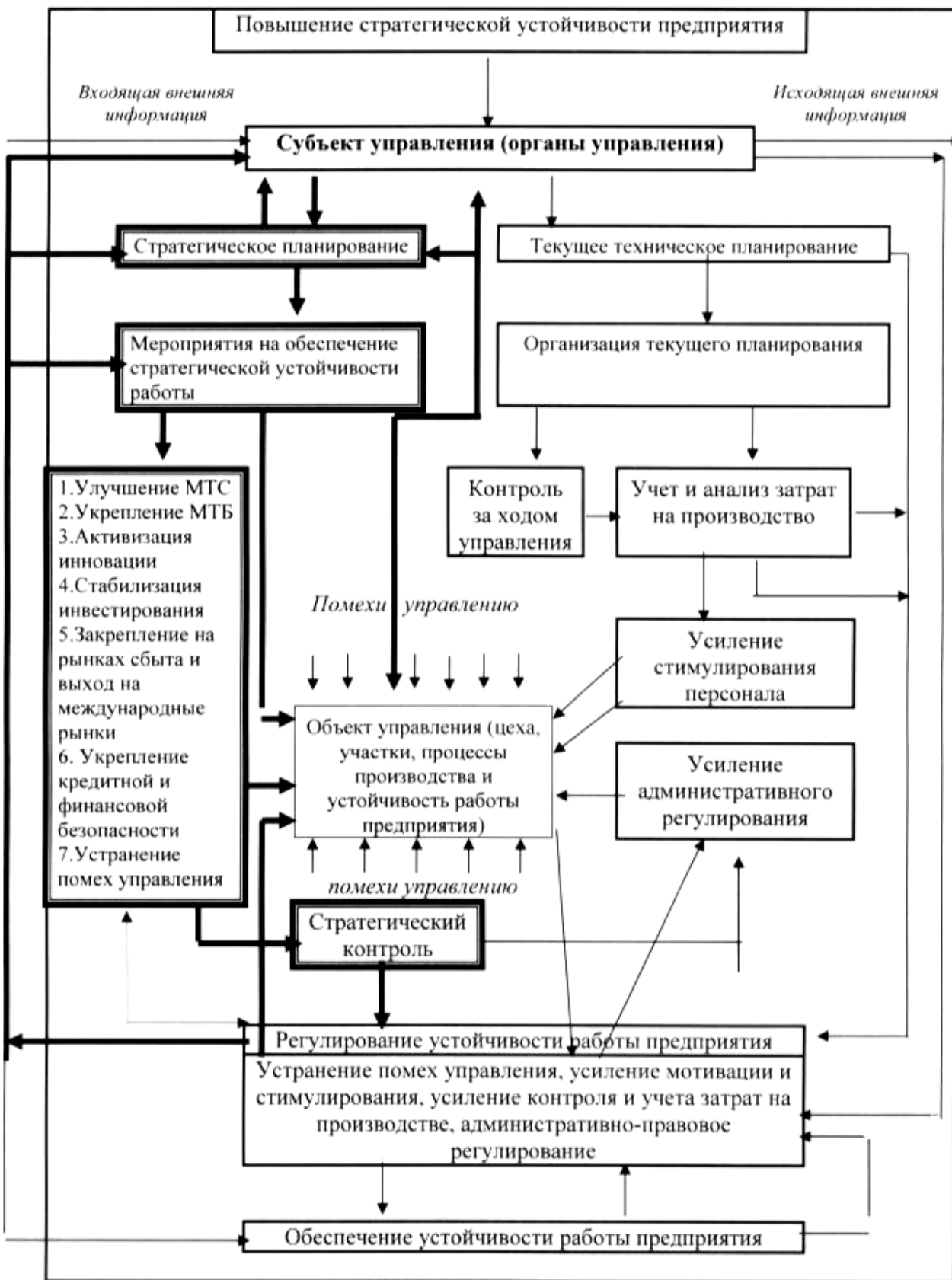

Рис. 3. Схема перестройки процессов управления на принципы стратегической устойчивости работы предприятия

Для ликвидации и предупреждения возможного появления помех управлению необходимо усилить контроль за ходом производства с целью оперативного выявления этих помех, их оценки, выработки регулирующих решений по их устранению и предупреждению возможного появления их в будущем. Здесь регулирующей орган системы управления должен выработать не только текущие, но и перспективные, долгосрочные решения по устранению причин, порождающих эти помехи. Это видно на схеме (см. рис. 3).

Предлагаемая принципиальная схема перестройки системы управления на принципы устойчивого развития, как и любая система, имеет субъект и объект управления, связанные между собой соответствующими потоками информации, обеспечивающими прямую командную связь субъекта с объектом управления и обратную связь – объекта с субъектом управления. Такие системы состоят из следующих элементов: 1) планирования деятельности системы; 2) контроля за ходом выполнения плана или возникающими отклонениями; 3) учета и анализа деятельности системы и эффективности использования ресурсов; 4) регулирования действия системы, которое осуществляется на основании сбора, анализа и оценки информации о ходе производства, которую получает от контрольного и учетно-аналитического элемента, и принятия решений по регулированию – устранению возможных отклонений от плана и различных помех управления.

Все эти элементы и их взаимосвязь показаны наглядно на рис. 3.

Основополагающими элементами системы являются: стратегическое планирование и соответствующие планы мероприятий по его осуществлению, которые должен разрабатывать и контролировать их выполнение субъект – орган управления.

Эти стратегические задания направляются на объект управления для реализации их и регулирования процесса стратегической устойчивости. Этот контур является стратегическим (он обозначен жирными линиями).

Управление текущей тактической устойчивостью осуществляется по тактическому контуру, который включает в себя уже известные функции управления:

- текущее тактическое планирование мер по управлению работой предприятия;
- организацию текущего оперативного планирования;
- контроль за ходом тактического управления;
- учет и анализ эффективности затрат на производство, которые нацелены на объект управления;
- регулирование процессов устойчивого развития.

С целью стимулирования мер по обеспечению устойчивости в состав тактического контура управления введены блоки управления материального, морального стимулирования и административного регулирования – воздействия на объект управления при возникновении определенных помех (угроз) устойчивости управления.

Центральное место в системе занимает регулирующей элемент системы управления, который осуществляет стратегическое и тактическое управление. Он является подсистемой субъекта управления и наделен необходимыми полномочиями для регулирования стратегического и тактического контуров управления. Он соединен каналами прямой и обратной связи с субъектом (органом управления) и объектами управления. В связи с тем, что стратегическое планирование и управление осуществляется высшим руководством предприятия, то этот орган должен осуществлять решение главных, стратегических вопросов управления устойчивостью предприятия. Поэтому обеспечение стратегической устойчивости регулирующей элемент решает по согласованию с руководством предприятия.

Процесс управления происходит на основе сочетания цели развития системы со средствами ее достижения, ресурсами и конечными результатами. Цель действия системы - обеспечение устойчивости предприятия со всеми вытекающими факторами и задачами по их достижению. Основу системы управления составляют планы стратегической и тактической устойчивости. В плане мероприятий по обеспечению стратегической устойчивости выделены основные задачи по обеспечению стратегической устойчивости, которые субъект управления

Шевченко Д. К.

ПРИНЦИПЫ УПРАВЛЕНИЯ СТРАТЕГИЧЕСКОЙ УСТОЙЧИВОСТЬЮ ПРЕДПРИЯТИЯ

формирует и доводит до объекта управления по стратегическому контуру и осуществляет стратегический контроль за их реализацией.

На основании информации с объекта управления о ходе выполнения стратегических мероприятий и стратегического контроля, регулирующий орган анализирует их выполнение, принимает решение по устранению ситуаций, повлекших невыполнение их, и доводит их по каналам прямой связи до объекта управления и соответствующих органов управления предприятием. Одновременно свои решения регулирующий орган направляет в орган стратегического планирования и субъекту (органу) управления предприятием для уточнения, корректировки плана, выделения необходимых ресурсов или усиления стимулирования и т.д. Например, если срыв плана произошел из-за отсутствия материалов или комплектующих изделий, то регулирующий орган принимает решение о срочном изыскании недостающих материалов или замене их на равноценные из имеющихся в наличии и обеспечить цеха этими ресурсами. Подобным образом осуществляется тактическое управление. Например, если контрольный элемент системы обнаружил дефекты или брак в работе, то он информирует регулирующий и учетно-аналитические элементы о размерах, характере брака или дефектов, а также о причинах их порождения. На основе этой информации регулирующий элемент принимает решение об устранении дефектов или брака за счет усиления контроля качества, или усиления материального стимулирования работников за улучшение качества работ; либо пересмотреть технологию выполнения работ, если брак произошел из-за ошибки или недоработки в технической документации.

Указанные решения регулирующий элемент направляет на объект управления и соответствующие отделы или службы предприятия, отвечающие за решение вышеуказанных вопросов. Это могут быть отделы: плановый, технический, труда и зарплаты, технического контроля качества, материально-технического снабжения и др.

Так происходит процесс управления факторами стратегической устойчивости развития предприятия.

Дальнейшее укрепление и сохранение стратегической устойчивости не заканчивается на реализации вышеперечисленных приемов и систем управления. Необходимо повысить гибкость и маневренность систем управления, способных перестроиться и саморегулироваться при возникновении разнообразных непредвиденных организационно-технических, экономических и управленческих ситуаций, связанных с переходом предприятия на выпуск новой, наукоемкой продукции и изменением рыночной конъюнктуры. Для этого необходимо перестроить систему управления в соответствии с конкурентоспособностью предприятия и выпускаемой продукции с учетом всех факторов, условий производства, влияющих на них, обеспечивающих необходимую гибкость в принятии решений и эффективность работы предприятия.

Важным условием повышения конкурентоспособности и стратегической устойчивости является активизация инновационной деятельности, обеспечивающая рост производительности труда, качество продукции и снижение себестоимости продукции. В Правительственной программе антикризисных мер было особо выделена решающая роль инновации в решении вопросов повышения качества продукции, конкурентоспособности, прибыльности и ресурсосбережения.

Для решения этих проблем необходимо выбрать на каждом предприятии свое направление и стратегию развития инновационной деятельности с учетом главных факторов, влияющих на нее. В первую очередь, следует решить главный вопрос: где взять инвестиции для осуществления инновации для предприятий, корпораций, выпускающих сложную наукоемкую продукцию.

Своих инвестиций, формирующихся за счет прибыли, у предприятий недостаточно и хватает только на мелкие инновации. Остается привлекать заемные инвестиции в виде ссуд в различных инвестиционных фондах, создавать предприятия с иностранным капиталом и т. п. Нельзя снимать со счета и государственную поддержку инноваций и другие источники.

Другим важным фактором является обновление материально-технических баз предприятий, которые более 20 лет не обновлялись и не переходили на прогрессивные ресурсосберегающие технологии и методы управления. В результате предприятия судостроения и других машиностроительных наукоемких производств, технологически отстающих от передовых индустриально-развитых стран мира, не обеспечивают выпуск и реализацию конкурентоспособной продукции. И здесь нужны инвестиции. Таким образом, в развитии инновации важными являются кадры, которые эти предприятия растеряли в период кризиса 1991-2010 гг., без которых не возможен инновационный прогресс.

Особое место в обеспечении конкурентоспособности продукции занимает ресурсосбережение. Проблема ресурсосбережения в российской экономике играет важную роль, так как от нее зависят издержки производства и цена выпускаемой продукции, которая является решающим условием роста конкурентоспособности продукции и прибыльности предприятия. Исследования показывают, что из-за высоких издержек производства и цен реализации продукция отечественных производителей является неконкурентоспособной и поэтому не пользуется спросом. Здесь решающую роль играет ценовая конкурентоспособность, так как качество продукции в основном обеспечивается в процессе потребления и в большинстве случаев устраивает потребителей. Учитывая, что ресурсосбережение зависит от множества организационно-технических, экономических факторов, то оно требует комплексного целевого подхода для решения ее на всех этапах развития производства, внедрения малоотходных и безотходных ресурсосберегающих технологий и т. п.

Для решения вышеизложенных проблем необходимо коренным образом пересмотреть малоэффективные методы мотивации и стимулирования персонала рабочих и служащих за высокое качество и конкурентоспособность выпускаемой продукции, необходимо и повсеместное ресурсосбережение. Это позволит качественно перестроить управление производством по вышеуказанным направлениям и конечным результатам и сконцентрировать их на обеспечение стратегической устойчивости предприятия. Необходимо также перестроить организационно-экономический механизм управления устойчивостью работы с учетом перечисленных выше изменений в системах управления и стимулирования управленческого персонала.

Рассмотренный комплексный подход, безусловно, будет способствовать укреплению долгосрочной стратегической устойчивости работы предприятий и успешно противостоять всевозможным внешним и внутренним угрозам и помехам управлению.

ЛИТЕРАТУРА

1. Блинов, П. Ю. Совершенствование управления по результатам в рыбной промышленности / П. Ю. Блинов, Д. К. Шевченко. – Владивосток: ТИПРО-Центр, 2006. – 186 с.
2. Бораненко, С. П. Стратегическая устойчивость предприятия / С. П. Бораненко, В. В. Шеметов. – М.: Центр-полиграф, 2004. – 493 с.
3. Программа антикризисных мер Правительства Российской Федерации // Аргументы и факты. – № 13. – 2009. – С. 4.
4. Томпсон, А. А. Стратегический менеджмент / А. А. Томпсон, А. Дж. Стрикленд. – М.: Биржи и Банки, ЮНИТИ, 1998. – 576 с.
5. Шевченко, Д. К. Обеспечение устойчивости работы предприятия на основе активизации инновационной деятельности / Д. К. Шевченко, А. Ю. Рассомахин // Вестник ТГЭУ. – Владивосток, 2010. – № 3. – С. 43-52.

Докучаев И. И.
I.I. Dokuchaev

ПОЗИЦИИ И АМБИЦИИ.

**РЕЦЕНЗИЯ НА СТАТЬЮ Д. В. НОВИКОВА «ЛИШНИЕ ЛЮДИ»
КАК НЕОБХОДИМЫЙ РЕСУРС SELF-EXPANSION OF CAPITAL**

**POSITION AND AMBITIONS. REVIEW OF ARTICLE DV NOVIKOV "SUPERFLUOUS
PEOPLE" AS REQUIRED RESOURCES SELF-EXPANSION OF CAPITAL**

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Mr. Ilya I. Dokutchayev – Doctor in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Provost for Public Relations, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

В первом номере журнала «Ученые записки КнАГТУ» за 2011 год была опубликована статья Д.В. Новикова ««Лишние люди» как необходимый ресурс self-expansion of capital»; идеи, высказанные в этой работе, показались редакционной коллегии необоснованными и тенденциозными. Однако она сочла возможным публикацию этой статьи в силу ряда причин. В первую очередь, в силу социальной значимости поднятых вопросов и цельности представленной точки зрения. Кроме того, стиль публикации Д.В. Новикова чрезвычайно распространен в идеологически ангажированной научной публицистике, и сама статья показательна как факт современного политического дискурса, стремящегося не столько научно разобраться в проблеме, сколько предложить ценностно окрашенную риторику. Публикуя эту работу, мы надеемся на то, что она вызовет дискуссию, посвященную как затрагиваемой проблеме, так и научным способам ее обсуждения, и в настоящей рецензии обращаем внимание на те аспекты статьи, которые вызывают сомнения в ее научной ценности.

Статья Д.В. Новикова посвящена анализу современных социально-экономических процессов, в частности, такой негативной их стороны, как безработица, сокращение производства и массовые увольнения. Автор утверждает, что данное явление присуще только капитализму, причем объяснить его можно исключительно с помощью марксистской идеологии. Эту идеологию автор противопоставляет некоей «господствующей парадигме знания» политических процессов, отрывающей их от целостного социально-экономического бытия. В качестве такой ложной формы объяснения общественной жизни Д.В. Новиков представляет теорию «элиты и массы». Авторы этой теории, по мнению Д.В. Новикова, навязывают ее массовому сознанию в качестве объяснения социальных неудач большинства населения, в частности, низкой средней заработной платы и безработицы. Марксизм же объясняет процесс сокращения рабочих мест в свете идей об основном противоречии капитализма.

Подобный анализ характеризуется недопустимой для научной работы тенденциозностью в изложении аргументов и основных выводов. Вот основные доводы в пользу нашей оценки.

1. В современной политологии не только марксизм является методом, позволяющим рассматривать политику как часть социального бытия. Кроме того, «господствующей парадигмы» в политологии тоже не существует; подобные штампы – характерное родимое пятно как раз «марксистской» терминологии советской эпохи. Противопоставление марксизма и абстрактной «господствующей методологии» некорректно.

2. Разделение на элиту и массу не только миф, как полагает Д.В. Новиков, но и реальность. Доказывать существование выдающихся и посредственных людей нет никакой необходимости; а если кто-то использует эту оппозицию для оскорбления людей, то это беда не теории, а отдельного человека, нашедшего ей подобное применение.

3. Научно-технический прогресс всегда приводит к безработице. Это не характеристика капитализма, а характеристика прогресса. Так называемый «рост постоянного капитала» – это словесная маска научно-технического прогресса, который характерен для любого общества, переживающего процесс модернизации. В странах, в которых проблема безработицы решается, существуют программы переквалификации, финансируемые государством. Это явление называется *learn long life*. В странах, где нет необходимости в трудовых ресурсах, такая проблема решена быть не может. В СССР она решалась не только в ходе переквалификации, но и в ходе сохранения убыточных производств, не имеющих никакого экономического смысла.

Социальные процессы, с которыми сталкивается человечество в XX веке, очень плохо поддаются марксистскому объяснению истории. Теория возрастающего господства пролетариата абсолютно исчерпала себя в том виде, в котором она представлена в классическом марксизме. Социальная доля пролетариата как наемной рабочей силы, создающей результат производства в форме вещей, постоянно сокращается в структуре занятости населения экономически развитых стран. А возрастает доля именно тех секторов занятости, в которых работают квалифицированные специалисты, создающие не вещи, а знания. Эти специалисты в силу значимости их труда самым активным образом влияют на процессы управления производством, вплоть до вхождения в сферу владения им. Сокращение пролетариата связано и с ростом сферы услуг и иных форм мелкого предпринимательства, в которых собственники являются и наемными работниками. Все это есть результат научного прогресса, который был не вполне принят в расчет авторами идей пролетарской революции.

Попытка вновь провозгласить марксизм в качестве правоверной науки, на этот раз с помощью теории антиглобализма, в которой классическое противоречие между собственниками и наемными рабочими перемещено из сферы национальной экономики в сферу международной, свидетельствует об определенной продуктивности марксистской методологии, но не о том, что она является подлинной методологией анализа социальных процессов, представляющих их целостно и достоверно. Именно целостности ей всегда и не хватало. Она представляет собой классический вариант редукционизма в науке, который сводит всю сложную композицию факторов, воздействующих на исторические изменения, к какому-либо одному, в данном случае, к проблеме собственности на средства производства или к их качественной характеристике. Впрочем, редукционизм вреден лишь тогда, когда он не осознается в качестве такового, а выдает часть за целое. Не учитывать этих обстоятельств – значит выдавать субъективную симпатию к тому или иному научному подходу и личные амбиции конкретного ученого за объективный и беспристрастный анализ, который только один и может быть признан научной позицией. Ценность любого научного метода, включая марксизм, не в том, что он оказывается единственно верным, а в том, что предлагает аргументы, которые можно и нужно опровергать, если только они не оказываются постулатами ценностно окрашенных идеологий и вероучений или тривиальными бессодержательными заявлениями, претенциозно выдающими себя за последнее слово в науке.

РЕЦЕНЗИИ
REVIEWS

Егурнова А. А.
A. A. Egunnova

ШИНКОРУК М. В., НАЛИВАЙКО Т. Е. ПРАКТИКУМ ПО ОБЩИМ ОСНОВАМ ПЕДАГОГИКИ: УЧЕБ.-МЕТОД. ПОСОБИЕ. – КОМСОМОЛЬСК-НА-АМУРЕ: ГОУВПО «КНАГТУ», 2010. – 108 С.

M.V. SHYNKORUK, T.E. NALIVAYKO. PRACTICAL WORKBOOK ON THE BASICS OF PEDAGOGY. KOMSOMOLSK-ON-AMUR STATE TECHNICAL UNIVERSITY, 2010. 108 P.

Егурнова Александра Александровна – старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, аспирант кафедры педагогики и психологии профессионального образования Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре). E-mail: sashenkane@mail.ru.

Ms. Alexandra A. Egunnova – Senior Lecturer at the Department of Linguistics and Cross-Cultural Communication, PhD Candidate at the Department of Educational Studies and Professional Education Psychology, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: sashenkane@mail.ru

В 2010 г. вышел в свет очередной труд Наливайко Татьяны Евгеньевны (доктора педагогических наук, профессора, заведующей кафедрой педагогики и психологии профессионального образования КНАГТУ) и Шинкорук Марины Владимировны (кандидата педагогических наук, доцента кафедры педагогики и психологии профессионального образования КНАГТУ) – учебно-методическое пособие «Практикум по общим основам педагогики».

Главная цель данной книги – развитие профессиональной направленности личности будущего педагога-психолога через формирование основ его методологической педагогической культуры.

Содержание пособия дает общее представление о таких понятиях, как: педагогика, объект педагогики, предмет педагогики, категориальный аппарат педагогики, педагогическая наука, педагогическая практика, образование, воспитание, самовоспитание, социализация, педагогическая деятельность, педагогическое взаимодействие, педагогическая система, образовательный процесс, методология педагогической науки, методологическая культура педагога, научное педагогическое исследование, структура педагогического исследования, методы педагогического исследования.

Структура работы состоит из семи разделов, каждый из которых включает в себя:

1. Знакомство с темой дисциплины, основными категориями, в которых раскрывается данная тема, и ее структурным наполнением (планом). Изучение темы.

2. Проверку понимания ключевых теоретических вопросов темы через выполнение заданий для самоконтроля.

3. Выполнение теста, позволяющего выявить уровень освоения теоретического материала. Задания теста позволяют оценить уровень овладения студентами темой. В их содержании представлены упражнения следующих типов:

а) на установление соответствия: между понятиями и их определениями, между педагогическими категориями и их характеристикой и т.д.;

б) на выбор верного утверждения, когда студенту предлагается оценить три утверждения с точки зрения их соответствия современным представлениям педагогической теории и практики;

в) на выбор правильного определения какого-либо педагогического понятия: студенту предлагается подобрать термин (из трех представленных) к определению или, наоборот, из трех предложенных определений выбрать соответствующее понятие;

г) на выбор верного ответа на поставленный вопрос;

д) на продолжение суждения о педагогической действительности.

4. Выработку практических исследовательских умений при выполнении заданий для самостоятельной работы. Некоторые задания дополнены приложениями, позволяющими студенту сэкономить время на поиске источника, нужного для выполнения задания. Приложения представлены выдержками или законченными частями работ различных исследователей в области педагогики и психологии.

Примечательной особенностью пособия является то, что все лекции, вошедшие в данное издание, продолжают творческими заданиями. Их назначение нельзя назвать традиционно проверочным; они предлагают студентам повод для размышлений, саморефлексии, самоанализа, сопоставления описанной ситуации с реальностью собственной жизни, личного опыта.

Подобные задания чрезвычайно важны, так как они позволяют приобщить студента, будущего преподавателя, к тому, почему, что и как ощущает в реальной жизни педагог. Таким образом авторы пособия стараются создать атмосферу сотрудничества и взаимодействия между студентами и преподавателями для проявления обоюдной заинтересованности и активности в том творческом познавательном процессе, которым должно быть освоение общих основ педагогики.

Кроме того, задания практикума направлены на становление личности студента не просто как будущего педагога, а педагога – научного сотрудника. Так, в результате освоения предлагаемого в пособии теоретического и практического материала у студентов формируются следующие умения:

- давать характеристику образования как общественного явления и педагогического процесса;

- характеризовать образование как целенаправленный процесс воспитания и обучения в интересах человека, общества и государства;

- оперировать основными категориями педагогики; раскрывать взаимосвязь педагогической теории и практики, а также связь педагогики с другими науками;

- планировать научное педагогическое исследование, ставить цели и задачи, подбирать методы;

- работать с научной педагогической литературой; изучать и накапливать профессионально-педагогический опыт.

Несомненно, рецензируемое пособие представляет интерес не только для студентов, но и для преподавателей-практиков, которые найдут в нем целый ряд коммуникативных, творческих, рефлексивных заданий, основанных на идеях развивающего обучения.

Иванов Ант. А.

ИВАЩЕНКО Я. С. СЕМИОТИКА ЕДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРАДИЦИОННОЙ НАНАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ):
МОНОГР. – ВЛАДИВОСТОК: ИЗД-ВО ДАЛЬНЕВОСТ. ФЕДЕР. УН-ТА, 2010. – 290 С.

Иванов Ант. А.

A. A. Ivanov

ИВАЩЕНКО Я. С. СЕМИОТИКА ЕДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРАДИЦИОННОЙ НАНАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ): МОНОГР. – ВЛАДИВОСТОК: ИЗД-ВО ДАЛЬНЕВОСТ. ФЕДЕР. УН-ТА, 2010. – 290 С.

IVASCHEENKO, YA.S. THE SEMIOTICS OF FOOD (IN TRADITIONAL NANAI CULTURE). – VLADIVOSTOK, THE FAR-EASTERN FEDERAL UNIVERSITY, 2010. 290 P.

Иванов Антон Анатольевич – кандидат культурологии, доцент кафедры культурологии Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Ленина, д. 81/4, кв. 49; 8-924-227-12-66. E-mail: humungus72@mail.ru.

Mr. Anton A. Ivanov – PhD in Cultural Studies, Senior Lecturer at the Department of Cultural Studies, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681035 Komsomolsk-on-Amur, 81/4 Lenina St., apt. 49, tel.: 8-924-227-12-66. E-mail: humungus72@mail.ru.

Монография Яны Сергеевны Иващенко представляет собой опыт структурно-семиотического моделирования системы традиционного нанайского питания. Бесспорная актуальность работы обусловлена, во-первых, значимостью в современной гуманитаристике исследования культуры повседневности. Во-вторых, в контексте современной парадигмы мультикультурализма все более востребовано изучение культур малочисленных народов.

Начав с серьезного описания и анализа степени изученности проблемы в научной и публицистической литературе, автор логично заключил, что многочисленные данные о традиционной нанайской культуре недостаточно систематизированы (с. 12). Систематизация эмпирического материала и рассмотрение традиционной культуры как целостной системы предполагает «изучение инвариантных принципов мышления нанайцев» (с. 12).

Важнейшим достоинством, на мой взгляд, является методологическая выдержанность и логичность осуществленного исследования. Система пищевых практик нанайцев интересует исследователя как знаковая система, структурно и коннотативно соотношенная с иными семиотическими подсистемами нанайской культуры: мифологической, ритуальной, социально-иерархической, хозяйственно-промысловой и т.д. Процедуры структурно-функционального анализа позволили автору соотнести данные сферы между собой и создать парадигматическую модель системы питания, опирающуюся на бессознательные социально-психические структуры, определившие традиционную пищевую деятельность нанайцев и ее мифоритуальные коннотации.

В методологическом плане интересно и плодотворно обращение автора к системно-синергетической модели культуры Э.С. Маркаряна, состоящей из трех подсистем: природно-экологической (взаимодействие со средой), общественно-экологической (межкультурное взаимодействие) и социорегулятивной (с. 18-19, 195). Сочетание структурно-семиотического, системно-синергетического, а также сравнительно-исторического методов, на наш взгляд, позволило автору сбалансировать рассмотрение статичных и динамичных элементов в системе пищевых практик, определить инвариантные принципы семиотической структуры пищевого поведения и ее исторические трансформации как результат, как правило, внешнекультурных влияний (с. 213).

В основе структурирования пищевого поведения автором взята оппозиция повседневной и ритуальной (праздничной) сфер, тесно связанных между собой, но различных по степени регламентации поведения. Все выявленные элементы нанайской системы питания, их семантические и синтагматические аспекты систематизированы и наглядно представлены в виде таблиц в приложениях.

Анализ повседневных пищевых практик включил классификацию основных объектов питания, выявление принципов сочетания ингредиентов и консистенций, анализ семантики и синтагматики технологий обработки провиантов и приготовления блюд. Автором выявлена классификация основных пищевых продуктов – по размеру и половой дифференциации. Последняя обусловлена структурной гомологией общества и природы в традиционной картине мира. Зависимость хозяйственной деятельности от природных циклов также определяет классификацию рационов питания, в основе которых – принцип сезонности. В традиционном хозяйстве нанайцев четко разграничены рационы зимнего и летнего периода. При соотнесении промысловых календарей нанайцев и других народов тунгусо-маньчжурской языковой группы исследователь сформулировал годовую схему чередования пищевых сезонов и хозяйственной деятельности. Фактором преодоления традиционной для нанайцев сезонности питания автор видит инокультурные влияния, прежде всего, влияния производящего хозяйства соседей. В этом контексте в работе рассмотрены технологии одомашнивания некоторых животных и растений, актуализация оппозиции «домашний-дикий» в классификации провиантов, а также меновые отношения с соседними народами. Данные процессы в конце XIX-начале XX вв. существенно трансформировали повседневное и ритуальное пищевое поведение нанайцев, а также их социальную стратификацию.

В области рецептуры нанайской кухни автором выявлены двоичная (растительные и белковые провианты) и троичная структуры блюд. Согласно выбранной методике исследователь установил многочисленные параллели между социальной практикой и природной средой, а также коннотативные цепочки и оппозиционные ряды пищевых артефактов, природных объектов и мифоритуальных образов. Так, в основе консистенций блюд лежит их контекстуальная гомологичность ландшафту: воде-реке, болоту-жиже, лесу, горе как этапам преобразования мира. Приведем лишь несколько примеров коннотативных цепочек в области консистенций и методов их получения: *варение* – бульон, вода-река, жизнь, душа, женское, повседневное, профанное; *квашение* – болото-жижа, гниение и разложение; *сушение, вяление, получение юколы* – лес, гора, мумификация, твердое, мужское, сакральное, лиминальное, инициатическая смерть.

В этом же контексте автором видится единый сценарий приготовления пищи как гомологичный инициатическим процедурам, что производит впечатление некоего общекультурного вывода. В нанайской традиционной культуре эта гомология, по мнению Яны Сергеевны, подтверждается мифоритуальной символикой оппозиции котла и вертела, воплощающих соответственно полный и неполный цикл метаморфозы природного объекта в пищевой продукт с соответствующими рядами коннотаций: «домашнее-лиминальное», «женское-мужское», «социализированная и несоциализированная сексуальность».

Выявленные утращения структуры блюд были обусловлены сезонными факторами (использованием жира зимой) и историческими эволюционными трансформациями, например введением в состав пищи заимствованных у соседних культур мучных, крупяных и овощных провиантов. Распространение этих продуктов в материальной культуре нанайцев связывается автором с их компактностью, удобной при полукошачьем образе жизни, и постепенным привыканием к легко усваиваемым углеводам.

Бесспорную научную новизну, а также привлечение ранее не исследованного материала демонстрирует вторая часть книги, посвященная ритуальному пищевому поведению нанайцев. В анализе ритуальных табу логичным представляется тезис автора, что в их основе лежат:

- 1) степень подобия объекта человеку по его следам (отмеченное уже табуирование употребления в пищу хищников);
- 2) гомеопатическая и партиципальная сопричастность пищи (в основном рыбы как основного провианта, формирующего телесность ихтиофага) и человека (в основном беременной женщины и ее плода).

Иванов Ант. А.

ИВАЩЕНКО Я. С. СЕМИОТИКА ЕДЫ (НА МАТЕРИАЛЕ ТРАДИЦИОННОЙ НАНАЙСКОЙ КУЛЬТУРЫ):
МОНОГР. – ВЛАДИВОСТОК: ИЗД-ВО ДАЛЬНЕВОСТ. ФЕДЕР. УН-ТА, 2010. – 290 С.

Систематизация пищевых предписаний, анализ их функций, семантических, синтагматических и ассоциативных планов позволили автору выявить следующие особенности:

- репрезентацию престижных социальных статусов (пол, возраст, промысловый ранг) в распределении обрядовой пищи;
- половую дифференциацию в ритуальных взаимоотношениях внешнего обмена и внутренних символических отношений;
- классификацию адресатов ритуальных угощений: духи-предки, природные духи, небесные божества;
- торговый принцип предоставления дефицитных провиантов природным духам в зависимости от сферы их обитания;
- троичную структуру ритуальной пищи: два оппозиционных по сфере обитания или по производству элемента и третий примиряющий компонент.

К этой третьей группе промежуточных элементов автор отнес привозные вещества, изменяющие сознание (водка, табак, опиум), а также способы трансляции угощения, дав их подробную классификацию по форме и типу действия. Употребление табака, водки и опиума, по мнению автора, обусловлено предшествующими архаическими практиками ритуального употребления природных галлюциногенов (с. 200-201). Эволюция ритуальной кухни связана с вытеснением и метонимическим замещением табаком и водкой других компонентов, с их психотропными эффектами, семантикой менового объекта и высокой товарной стоимостью. Чрезвычайно интересны выявленные гендерные и социологические аспекты функционирования опиума в нанайской культуре. Гендерный аспект семантики опиума воплощается в связи наркотического опьянения с женской сексуальностью. Социологический аспект распространения опиума, табака и водки связан с семантикой социального престижа и новой социальной стратификацией в нанайских обществах на рубеже XIX-XX вв.

Опираясь на серьезную источниковедческую и аналитическую базу, Я.С. Иващенко пересмотрела многие клише, бытующие в историографии народов Дальнего Востока. Так, подвергнуто критике бытующее мнение о русском источнике алкогольной и табачной зависимости в среде аборигенов Амура. Приведены этнографические и историографические свидетельства того, что употребление и производство табака и водки стали частью пищевых практик амурских этносов до провозглашения этой территории частью России и были обусловлены влиянием китайско-маньчжурских пищевых традиций. Также Я.С. Иващенко подвергает сомнению расхожий образ «гуманного дикаря», объясняя экологическое поведение нанайцев более глубокими причинами. В основе принципов добычи, обработки и употребления провиантов, по мнению автора, лежало ресурсосберегающее поведение, связанное с боязнью голода и торгово-обменным характером отношений с духами-хозяевами мест.

В целом монографии Я.С. Иващенко присущи почти архитектурная стройность и логичность методологии исследования, систематизация многочисленного и разнообразного этнографического материала, доступность изложения и несомненная научная и просто «житейская» познавательность и «занимательность» текста. В тексте использованы материалы полевых исследований автора, встречаются многочисленные сравнения с современным состоянием культуры народов Дальнего Востока, региональной культурной политикой и местной кухней, порой весьма курьезные. Стоит добавить, что помимо интеллектуального удовольствия от чтения монографии у автора рецензии обнаружилась устойчивая психосоматическая реакция на текст, а именно необоримое повышение аппетита, особенно в области ихтиофагии.

Мальшева Н. В.
N. V. Malisheva

ТАРАНУХА Н. А., ПЕРШИНА Е. Ю. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ТРАНСПОРТНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗОВ. ТОМ 1. БАЗОВЫЙ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЙ КУРС: УЧЕБ. ПОСОБИЕ. – 2-Е ИЗД., ДОП. И ПЕРЕРАБ. – М.: СОЛОН-ПРЕСС, 2011. – 272 С.
ТАРАНУХА Н. А., ПЕРШИНА Е. Ю. АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК ДЛЯ ТРАНСПОРТНЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ ВУЗОВ. ТОМ 2. СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЙ КУРС: УЧЕБ. ПОСОБИЕ. – 2-Е ИЗД., ДОП. И ПЕРЕРАБ. – М.: СОЛОН-ПРЕСС, 2011. – 288 С.

TARANUKHA N.A., PERSHINA E.Y. ENGLISH FOR STUDENTS OF TRANSPORT STUDIES IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS. VOLUME 1: BASIC COURSE FOR PROFESSIONALS. TEXTBOOK. – 2-D EDITION ENLARGED AND AMENDED. – MOSCOW: SOLON-PRESS, 2011. 272 P.

TARANUKHA N.A., PERSHINA E.Y. ENGLISH FOR STUDENTS OF TRANSPORT STUDIES IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS. VOLUME 2: ADVANCED COURSE. TEXTBOOK. – 2-D EDITION ENLARGED AND AMENDED. – MOSCOW: SOLON-PRESS, 2011. 288 P.

Мальшева Наталья Васильевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681000, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Партизанская, д. 14, кв. 72; 89098293767. E-mail: natasha@knastu.ru.

Ms. Natalia V. Malisheva – PhD in Philology, Associate Professor at the Department of Linguistics and Intercultural Communication, Komsomolsk-on-Amur State Technical University (Russia, Komsomolsk-on-Amur), 681000 Komsomolsk-on-Amur, 14 Partisanskaya St., apt. 72, tel.: 89098293767; e-mail: natasha@knastu.ru.

В XXI в. английский язык прочно интегрировался во все сферы человеческой деятельности большинства стран. Это язык-посредник при международных контактах, обеспечивающий множественную профессиональную и личностную коммуникацию представителей различных культур. Социально-экономическая и политическая обстановка в нашей стране, выражающаяся в стремлении к дальнейшему объединению с мировым сообществом, – всё это обусловило необходимость владения иностранными языками как общественно и лично значимого фактора, расширяющего возможности самореализации современного человека.

Одновременно с этим рост международных контактов на профессиональном уровне (ежегодно на английский язык переводится свыше 250 млрд страниц научной и технической документации) является свидетельством того, что преподавание иностранного языка должно вестись не только по пути изучения лексико-грамматического строя, но и содержательной стороны предмета, то есть того, что связано с культурой и цивилизацией страны изучаемого языка, особенно в сфере профессиональных интересов индивидуума, поскольку «в современных условиях иноязычное общение становится существенным компонентом будущей профессиональной деятельности специалиста» (Государственный образовательный стандарт высшего профессионального образования).

Рецензируемое нами учебное пособие Н.А. Таранухи и Е.Ю. Першиной «Английский язык: для транспортных специальностей вуза» соответствует Государственному образовательному стандарту и требованиям программы по иностранным языкам для студентов различных неязыковых специальностей и имеет цель – формирование иноязычной коммуникативной компетенции студентов неязыковых факультетов, под которой понимается способность и готовность осуществлять иноязычное повседневно-бытовое и профессиональное опосредованное и непосредственное общение с носителями языка. Заявленная авторами цель

обусловила структуру пособия, наличие в нем специализированных разделов и уроков, а также их количество.

Данная работа состоит из двух томов (базового профессионального и специализированного курсов) и посвящено изучению английского языка в области базового профессионального курса по транспортным специальностям вузов. В них подробно изложены основные лексические аспекты английского языка на базе профессионально-ориентированной тематики по грузоперевозкам и управлению на транспорте. Это согласуется, на наш взгляд, с современной образовательной тенденцией формирования у студентов способности иноязычного общения в конкретных профессиональных, деловых, научных сферах и ситуациях с учетом особенностей профессионального мышления, мотивационно-побудительной и ориентировочно-исследовательской видов деятельности.

Каждый том разделен на учебные разделы (Sections), освещающие различные аспекты организационной деятельности отрасли грузоперевозок: Marine Voyages, Types of Transport, Transport Organization, Transport Management, Business Communication. Каждый раздел, в свою очередь, делится на уроки (Units). Так, раздел Business Communication представлен уроками «Definition of Management», «Levels and Areas of Management», «Management Skills», «Risk Management», «Business Ethics», «Business Negotiations» и «Business Documents». Таким образом, авторы не ограничились заявленной во введении специальностью «Организация перевозок и управление на транспорте (водном)» и расширили лексическую тематику уроков вокабуляром по работе единого транспортного узла, наземным транспортным системам, менеджменту и эксплуатации транспортных средств и ряду других тем, что, на наш взгляд, позволяет увеличить целевую аудиторию пособия.

Материал, представленный в уроках, компонуется по единому алгоритму: введение грамматики (Grammar), развитие навыков аудирования (Listening), развитие и совершенствование коммуникативных навыков (Speech Patterns), контроль приобретенных умений и навыков (Comprehension). Такая структура обеспечивает максимальный охват всех видов речевой деятельности и придает динамичность учебному процессу. Однако, на наш взгляд, авторам следует изменить очередность этапов Listening и Speech Patterns, поместив задания на семантизацию и отработку новых лексических единиц и моделей перед аудированием. Это позволило бы авторам снять дополнительные трудности, связанные с недостаточной сформированностью лексико-грамматических навыков обучающихся по теме урока.

Новая лексика в каждом разделе дается не отвлеченно, сама по себе, а в привязке к контексту, что позволяет сделать отработку и закрепление пройденного материала более эффективными (изучающий английский язык прорабатывает новую лексику в лексико-грамматических упражнениях, в текстах, устных и письменных, а также в заданиях, направленных на обучение диалогической и монологической речи).

В конце каждого тома приведены грамматические справочные материалы в виде таблиц, вопросы и ответы для проверки знаний, которые можно использовать как для самоконтроля, так и на практических занятиях. Это позволяет использовать два тома учебного пособия автономно, независимо друг от друга.

Учебное пособие написано доступным языком, не перегруженным излишними терминами. Также большим плюсом этого учебника является наличие большого объема аудиоматериала, необходимого для совершенствования навыков восприятия речи на слух. Аудиоприложение находится на сайте издательства www.solon-press.ru на странице данной книги.

В заключение скажем, что учебный материал пособия подобран творчески и профессионально, методический аппарат четко и логично выстроен, последователен относительно целей конкретных разделов.

Рецензируемое учебное пособие адресовано широкому кругу людей с различной языковой подготовкой: в первую очередь студентам технических специальностей вузов очной, заочной и дистанционной форм обучения, обучающимся по направлениям и специальностям, связанным с транспортом и транспортным менеджментом. Кроме того, данное пособие может оказаться полезным для специалистов предприятий и организаций, изучающих английский язык самостоятельно.

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ CHRONICLE OF SCIENTIFIC LIFE

Васильченко А. С.
A.S.Vassilchenko

СТУДЕНЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ 2011

STUDENTS' SCIENTIFIC FORUM 2011

Васильченко Анна Сергеевна – преподаватель кафедры общего и профессионального английского языка Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (Россия, Комсомольск-на-Амуре); 681035, г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Гамарника, д.35, кв. 133; 8(4217)27-91-32. E-mail: sanity713@mail.ru.

Ms. Anna S. Vassilchenko – Assistant Lecturer, Department of General and Professional English, Komsomolsk-on-Amur State Technical University, 601021, Komsomolsk-on-Amur, 35 Gamarnik St., apt. 113; tel.: 8 (4217) 279132. E-mail: sanity713@mail.ru.

С 15 по 20 февраля 2011 г. на сайте Российской Академии Естествознания (РАЕ) прошла III Общероссийская студенческая электронная научная конференция «СТУДЕНЧЕСКИЙ НАУЧНЫЙ ФОРУМ 2011». На конференцию было представлено 2253 доклада по 23 научным направлениям. В обсуждении докладов конференции приняли участие более 3000 человек из различных вузов России и Дальнего Востока. Всего на сайте было опубликовано более 12000 комментариев и вопросов, что свидетельствует о том, что конференция вызвала неподдельный интерес у студентов.

От Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета были представлены доклады в нескольких секциях. В секциях «Актуальные проблемы лингвистики и межкультурной коммуникации» (председатель секции доцент О. В. Чибисова) и «Образование и культура в контексте 21 века» под руководством кандидата педагогических наук А. А. Егурновой были опубликованы 42 доклада, посвященных наиболее важным проблемам межкультурной коммуникации, а также затрагивающих широкий спектр вопросов, связанных с преподаванием и изучением языка.

В ходе обсуждения представленных работ наибольший интерес вызвали следующие публикации:

1. Сетевой троллинг как вид коммуникативной деятельности (Д. И. Семёнов, А. А. Шунейко) – статья посвящена этимологии слова «троллинг», раскрывает примеры и мотивы деятельности троллей в сетевых сообществах.

2. Ценности и антиценности: панк-рок-культура (П. А. Сыровацкий) – представленная работа посвящена анализу ценностей и антиценностей в панк-рок-культуре.

3. Франц Кафка. Деталь в творчестве Франца Кафки: сущность и функционирование (на материале сборника рассказов Ф. Кафки “Betrachtung” «Наблюдение» («Созерцание») и рассказа “Das Urteil” «Приговор»). Работа посвящена рассмотрению некоторых разновидностей детали на материале вышеназванных произведений Кафки, соотношению детали и образа. Проводится анализ деталей с точки зрения их философской роли в рассказах, выделены определенные классификации деталей, проведен анализ функций деталей и на базе анализа создана классификация функций.

4. Обучение письменному переводу технических текстов (Д. А. Осипов, О. В. Чибисова) – в статье рассматриваются психолингвистические механизмы, функционирующие во время посменного перевода текстов.

5. Реклама в межкультурной коммуникации (Е. П. Русакова) – краткий обзор функций рекламы в межкультурной коммуникации.

После подведения итогов конференции на основании решения руководителей секций, решения оргкомитета форума, рекомендаций участников форума, статистических данных комментирования и посещаемости страниц авторов, был составлен список лучших студенческих докладов. Следует отметить, что в данный список вошли 10 студентов факультета языковой коммуникации:

1. Орган Елена Викторовна «Улыбка и конфликт культур».
2. Осипов Дмитрий Александрович «Обучение письменному переводу технических текстов».
3. Пинигина Наталия Викторовна «Межкультурная коммуникация в повседневной жизни».
4. Сафроняк Ирина Владимировна «Концепт «дружба» в английской и китайской лингвокультурах».
5. Сахарных Анна Евгеньевна «Особенности речи англоязычных и русских готов».
6. Семенов Дмитрий Игоревич «Сетевой троллинг как вид коммуникативной деятельности».
7. Товпик Алина Юрьевна «Межкультурная коммуникация: коммуникативные ошибки».
8. Фролова Евгения Сергеевна «Интерактивная технология Smart Board в обучении лингвистов научной письменной речи».
9. Зайцева Татьяна Сергеевна «Обучение переводу как виду межкультурной деятельности».
10. Мирошниченко Маргарита Геннадьевна «Французские варваризмы в английском лексиконе».

Данные материалы, на наш взгляд, представляют несомненный интерес для исследователей в области теории перевода, сопоставительной лингвистики, культурологии, межкультурной коммуникации, а также студентов, аспирантов, преподавателей-гуманитариев.

За организацию и проведение общероссийской электронной научной конференции в списке лучших преподавателей также были отмечены старшие преподаватели кафедры ЛМК А. А. Егурнова и О. В. Чибисова. Лучшие студенты и руководители будут награждены дипломами РАЕ и приглашены выступить с докладами на общероссийских конференциях в Москве, которые пройдут 17 марта и 19 апреля 2011 г.

Материалы студенческого форума будут опубликованы в Общероссийских научных журналах Российской Академии Естествознания:

1. «Международный журнал экспериментального образования».
2. «Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований».

В заключение хочется добавить, что, как показала практика, ежегодный студенческий форум с каждым разом приобретает все большую масштабность, а участие в данном мероприятии уже стало позитивной лингвистической традицией университета.

Докучаев И. И.
I.I. Dokuchaev

МОИСЕЙ САМОЙЛОВИЧ КАГАН В МОЕЙ ЖИЗНИ: ВОСПОМИНАНИЯ О ФИЛОСОФЕ И УЧИТЕЛЕ

MOSES Samoilovich KAGAN IN MY LIFE: MEMORIES OF PHILOSOPHY AND TEACHER

Докучаев Илья Игоревич – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и социологии, проректор по связям с общественностью Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru.

Mr. Ilya I. Dokuchaev – Doctor in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophy and Sociology, Provost for Public Relations, Komsomolsk-on-Amur State Technical University. E-mail: ilya_dokuchaev@mail.ru

1

Слово «Каган» существует в моем языковом сознании с незапамятных времен. Наверное, оно появилось позже первых слов, которые я узнал, но определить – когда, уже не представляется возможным. Оно появилось, по-видимому, вместе с другими фамилиями выдающихся ученых, которые сначала просто мелькают на страницах учебников и энциклопедий, в речах учителей и дикторов, ведущих телевизионные и радиопередачи научно-популярного содержания. Позже эти имена обрастают исторической конкретикой, превращаются в собрание прочитанных текстов и осмысленных концепций, иногда даже в биографию с теми или иными подробностями. Много зависит в этом процессе от любознательности и интереса к деталям. Но только в редких случаях имя приобретает характер образа, который создается благодаря знакомству с живым человеком.

Знать выдающегося человека лично – большая удача. Конечно, чтение текстов таких людей подчас способно заменить собой личное знакомство. Я неоднократно отмечал, прогуливаясь по Литераторским мосткам, Некрополю мастеров искусств в Санкт-Петербурге или Новодевичьему кладбищу в Москве, что многие из тех, кто покоился под могильными плитами, ближе и понятнее мне даже собственных родственников, потому что в своих бесчисленных книгах и письмах они с титаническим трудом пытались сохранить собственный мир для тех, кто будет когда-либо настолько любознателен, чтобы искать иные миры, будет способен удивляться им и восхищаться. Когда происходит подобное приобщение, даже личное знакомство мало что добавляет к содержанию открываемого мира. Личность имеет много случайного в собственном содержании, а плоды ее творчества почти лишены этой случайности, они запечатлевают сущность и постоянство. Так картина художника отличается от фотографии.

Однако фотография все же интересна и необходима человеку. Ролан Барт когда-то заметил, что существо этого интереса коренится в способности фотографии вбирать живое присутствие запечатленного на ней человека или мира. Она – мистическое окно в этот мир, спасенный от забвения благодаря ее химическому составу. Воспоминание о живом лице человека – тоже окно в иной мир. Может быть, конкретный характер этого мира, покажется кому-либо мелким, однообразным и недостойным внимания по сравнению с вечными сущностями Гиперурании, но жизнь влечет нас, несмотря на случайность ее деталей, ибо в них сокрыто богатство непредсказуемости и новизны. Правда, в отличие от фотографии воспоминания больше относятся к миру того, кто вспоминает, чем к миру вспоминаемого человека, но жизнь, которая воссоздается благодаря памяти, несмотря на это, все же сохраняет обаяние своей первозданности.

Докучаев И. И.

МОИСЕЙ САМОЙЛОВИЧ КАГАН В МОЕЙ ЖИЗНИ: ВОСПОМИНАНИЯ О ФИЛОСОФЕ И УЧИТЕЛЕ

Впервые я стал задумываться о том, что за реальность обозначается словом «Каган» в результате комического происшествия в букинистическом магазине, расположенного у Пяти углов в Санкт-Петербурге. Я учился в выпускном десятом классе тогдашней средней школы и часто заходил в букинистические магазины. Книг издавалось в конце советской эпохи немало, хотя и не столько, сколько нынче. В те времена мне казалось, что девяносто процентов издаваемых книг так и не находят своего читателя. Полки магазинов всегда были заполнены книгами, которые никто и никогда не покупал. Люди искали другой литературы, причем ценителей ее подлинных достижений существовало невероятно много. Поэтому хорошую новую книгу было очень тяжело заполучить, а страсть к коллекционированию книг искала пути для своего удовлетворения. Дефицит книг отчасти компенсировался букинистическими сокровищами, существовали обменные отделы, многочисленные подписки. Книги по философии в советское время издавались и вовсе плохо; классика сокращалась до хрестоматийных текстов, а зарубежных философов, творивших в современную эпоху, по идеологическим соображениям лишь упоминали в критических разностях, созданные же отечественными авторами сочинения не отличались оригинальностью и концептуальной напряженностью. Они все походили друг на друга, как прилепленные к внутренней стороне школьной парты использованные жевательные резинки.

Сегодня мы знаем, что философская мысль и в Советском Союзе выдвинула ряд блестящих имен. Но их популярность пришла задним числом, она оказалась обоснованной не благодаря стандартизирующей все и вся советской идеологии, к которой причастен всякий советский философ, сохранившийся в истории мысли подобно человеку, обреченному на гибель в морской пучине, но выплывшему, несмотря на камень, привязанный к его шее. Э. Ильенков, Д. Дубровский, Н. Мотрошилова, В. Межуев, М. Лифшиц, И. Свидерский, В. Штофф, П. Гайденок, М. Мамардашвили, А. Зиновьев, А. Пятигорский, П. Копнин, Ю. Лотман, Б. Поршнева, Г. Батищев, В. Библиер, Ю. Шрейдер, М. Петров и другие авторы интересны сегодня вне зависимости от того, насколько соответствовала советской идеологии их научная деятельность. Они интересны благодаря творческому отношению к этой идеологии, ее рациональному анализу, даже развитию и обоснованию. Ибо в науке всегда интересны рациональные аргументы и доказательства, а любой догматизм превращает ее в скучный набор фраз.

К концу 80-х годов прошлого века имена выдающихся советских философов были мало известны широкому читателю. Философия воспринималась как реликт и собрание анекдотов и мифов. Только научным детством можно было извинить некоторые философские положения, давно переставшие восприниматься серьезно и сохраняемые как музейные памятники интеллектуальных пережитков прошлого. Что можно было сказать в ответ на известную максиму Фалеса «Все из воды и в воду» или как можно отреагировать на учение Платона об идеальности подлинного мира и иллюзорности материи? Только улыбнуться, как улыбается взрослый на смешные проделки своего дитяти. Философия давно завершилась, и на смену ей пришла наука. Позитивистское представление о философии стало расхожим мнением, разделяемым в советском обществе и пропагандируемым в школьных классах и университетских аудиториях. Последним философом был К. Маркс, создавший материалистическое учение об обществе. Это учение воспринималось как окончательное философское откровение о мире, которое можно только усвоить и возрадоваться от того, что истина, наконец, у нас в кармане. Советская философия воспринималась, таким образом, как своего рода комментарий, позволяющий усвоить истину. Она, подобно средневековой схоластике, была призвана не развивать, а сохранять уже имеющееся откровение. Однако будучи философией, она не могла не вносить собственных еретических тезисов в сохраняемую ею систему. И по мере того, как количество этих тезисов возрастало, система постепенно приходила в движение и развивалась. Комментаторы превращались в выдающихся философов. Но для их признания требовалось время. Как схоласты оказались великими мыслителями лишь спустя многие века после гибели средневековой культуры, породившей схоластику, так и советские философы обрели признание только после того, как советская культура и идеология прекратили свое существование.

Тогда в букинистическом магазине я обсуждал вместе со своим приятелем книги, лежащие на полочке с характерным названием «Общественная литература». Среди них находились и небольшие томики в мягком переплете, на которых стояло имя М.С. Кагана. Это были «Лекции по марксистско-ленинской эстетике». Мой приятель указал на эти книги и сообщил, что Кагана из всего этого мусора можно бы и купить, потому что он оригинален и пытается обосновывать то, о чем пишет. Я не очень пожалел, что книги мне не достались, потому что не очень хорошо представлял себе их ценность. Фамилию автора я где-то слышал, это позволило мне согласиться с моим приятелем, но не более того. Однако я заметил ему, что, наверное, концепция Кагана сегодня уже мало интересна, потому что была создана еще в двадцатые – тридцатые годы, а сегодня устарела. Конечно, я знал, что философские концепции не устаревают, но я полагал при этом, что в советской философии не существовало таких концепций, которые обладали бы этим подлинно философским свойством. Комментарий, даже если он качественный, может быть и улучшен, а с двадцатых годов минуло уже более семидесяти лет, чтобы это произошло. Моисея Кагана я перепутал с Матвеем Каганом, работавшим как раз в двадцатые годы вместе с М. Бахтиным в рамках Невельского кружка. Ни того, ни другого Кагана я еще не читал. Мой приятель возразил мне, что М.С. Каган – наш современник. И я поспорил с ним, что М.С. Каган давно умер и известен как довоенный автор. На следующий же день я вынужден был купить моему другу бутылку пепси-колы – главного радующего душу советского подростка напитка, – поскольку признал свое поражение в споре.

Простить себе такого интеллектуального провала я не мог, а потому отправился в библиотеку и прочитал «Лекции». Так началось мое знакомство с Моисеем Самойловичем Каганом.

Прошло шесть лет моей университетской жизни. За это время я не только стал филологом, но и основательно увлекся философией. В своих филологических штудиях я всегда

старался найти основания для тех или иных выводов и филология мне не предоставляла таковых. Я попытался расширить предмет своих интересов и стал заниматься семиотикой. Теория знаков казалась мне ключом к объяснению существа любых филологических явлений, поскольку включала их как частное в свою целостную картину. Однако знаки – лишь способ трансляции и аккумуляции человеческой культуры, но не существо той силы, которая вызывает ее к жизни и придает ей исторически преходящее содержание и неизменную сущность. Постепенно от семиотики я перешел к феноменологии и аксиологии, то есть стал философом. Впрочем, все это произошло позже, а первоначально, увлекшись семиотикой, я никак не мог найти подходящей для реализации своих планов аспирантуры. И тут мне представился случай поступить на кафедру культурологии РГПУ им. А.И. Герцена. Наука о культуре тогда в российском научном сообществе только родилась как самостоятельное дисциплинарное пространство и институт, она искала своего содержания и спокойно относилась к любому проекту включения того или иного метода или предмета в свой состав. Поиск предмета культурологии был сосредоточен вокруг принципов объединения различных результатов частных наук о той или иной сфере культуры и у границ между этими сферами. Если научный метод оказывался интегральным по отношению к ряду других – частных – методов, его культурологический статус был ему гарантирован. Семиотика, конечно же, стала частью культурологии.

Я стал готовиться к экзаменам. О культуре я читал много еще на филологическом факультете, но список литературы, предложенный мне для подготовки, включал массу имен и книг, о которых я никогда или почти ничего не слышал. Книги М.С. Кагана тоже были в этом списке. К тому времени я читал только «Лекции». Они произвели на меня сильное впечатление, поэтому я начал штудировать рекомендуемую литературу с книг М.С. Кагана «Морфология искусства» и «Человеческая деятельность». Особенно меня заинтересовала последняя книга, поскольку она позволяла вписать различные результаты человеческой деятельности в единую картину его бытия, то есть определить специфику этого бытия и дедуцировать, благодаря данной специфике, различные его стороны. У меня была собственная семиотическая теория человеческой деятельности, и я пытался согласовать ее с только что открывшейся для меня концепцией М.С. Кагана. Я знал уже, что Моисей Самойлович – профессор той самой кафедры, на которую я поступал, и это вселяло в меня надежду на то, что я смогу многое прояснить в ходе совместной работы.

На экзамене М.С. Кагана не было, хотя абитуриентам было сообщено, что он является членом приемной экзаменационной комиссии. В большой аудитории, где все происходило, только что завершилось объявление результатов экзамена. Присутствовали все его участники. Мне было очень приятно, что из 34-х сдававших тогда экзамен абитуриентов отличную оценку получили только семь человек, среди которых был и я. Присутствовавшие стали подниматься и направляться к выходу. В этот момент в аудиторию вошел человек среднего роста, одетый в серый костюм, с галстуком, в руке у него был дипломат. По его внешнему виду было сразу видно, что он – профессор. Я находился рядом с ним и сразу угадал, что это Моисей Самойлович Каган. Он опоздал на экзамен и начал с извинений перед членами комиссии.

Шел сентябрь 1993-го года. Моисею Самойловичу было тогда семьдесят два. Он был худощав, подтянут, носил усы. В его подтянутости чувствовалась какая-то болезненная напряженность. Двигался он быстро и с военной выправкой, но плавности в этом движении тоже не было. Угловатость оказывалась характерной чертой своеобразной кагановской пластики: мне хотелось всегда нарисовать его портрет в кубистическом стиле. Лицо его было лицом философа, высокий лоб на лысеющей голове был покрыт морщинами, взгляд глаз сочетал серьезность и иронию, которую подчеркивали или останавливали улыбка и усы. Гусарские усы всегда придают человеку молодцеватость, ухарство, которые плохо вяжутся с обликом серьезного и печального философа. Пожалуй, лишь сарказм оказывался способом сочетания этих столь разных установок, улыбка Вольтера – самое наглядное воплощение подобного сарказма. Но Моисей Самойлович писал книги, лишённые эмоций. Они стремились с натуралистической точностью воспроизвести описываемый ими мир. Автор умалчался в них

до почти полной его смерти. Философию М.С. Кагана должно назвать эпической. А его саркастические усы были символом не столько философии, сколько удивительной личности философа, существовавшей за пределами его текстов. Читателям книг М.С. Кагана невозможно узнать их автора.

Я очень переживал в ожидании назначения моего научного руководителя: только Моисей Самойлович Каган мог быть моим руководителем. Меня сложно чему-либо научить; Моисей Самойлович был одним из немногих ученых, у которого можно было учиться бесконечно. И судьба оказалась на моей стороне. Именно М.С. Каган стал моим руководителем и консультантом, больше того – настоящим учителем, к которому даже сегодня, после его смерти, я не перестаю обращаться с вопросами. Параллельно с аспирантурой я окончил философский факультет, потом докторантуру. Все мои диссертации и философский диплом писались под его руководством. Позднее Моисей Самойлович на защите моей диссертации скажет, что я был одним из двух его учеников, у которого он учился сам. Я не знаю, чему научился он, но я учился у него многому. Учиться трудно, то есть несложно накапливать знания, сложно развивать собственную концепцию. К моменту начала моей работы с Моисеем Самойловичем у меня уже была собственная концепция. И никто, кроме меня, не мог бы изменить ее, а тем более заставить меня отказаться от нее. М.С. Каган был носителем настоящей живой философской мысли. Он пытался заново воссоздать мир средствами собственной философии. Такая жизнь не может не задевать своих свидетелей. Если философия создается всерьез, она должна быть воспринята как вызов, на который необходимо дать ответ. Выработка ответа и есть подлинная учеба. В этой выработке есть и простое стремление подражать учителю, его примеру настоящего труда, – и это дорогого стоит, – но главное все же в том, что концепции Моисея Самойловича позволяли развивать собственные идеи, понимать объясняемый ими мир, спорить и даже разрушать компоненты их конструкции.

М.С. Каган был принципиальным философом, он не мог согласиться с оппонентом, если считал, что его аргументы неубедительны. Согласие возможно было либо как обогащение его собственной системы, либо как отказ от нее. И то и другое – редкость для настоящего мыслителя, который создает модели мира в ходе кропотливой и талантливой работы. Ученикам своим, которые претендовали на статус философов, он предоставлял самим убедиться в обоснованности его аргументов, а их аргументы подвергал беспощадной критике. Если ему не удавалось убедить оппонента, он всегда допускал, что сам пока еще не способен воспринять справедливость той или иной позиции, но не признавал ее в силу этого обстоятельства в качестве существенной для понимания мира. Это давало простор для творчества, но и ограничивало его результаты, точнее дисциплинировало, требовало титанических усилий для того, чтобы добиться подлинного их признания.

Самое главное, что я усвоил из уроков М.С. Кагана – то, что философия конструктивна, что она должна содержать проверяемые и принципиально понятные для любого ученого тезисы, которые должны претендовать на убедительность, но не на окончательность научного поиска. М.С. Каган был великим рационалистом наших дней, он стремился к логической строгости, а не к языковой выразительности, столь модной в наше эпигонское время. В моем ученичестве я знал только одного человека, рационализм которого обладал бы такой же ценностью и последовательностью. Это Алексей Григорьевич Черняков. Однако если усилия М.С. Кагана были направлены на создание собственных философских моделей, Алексей Григорьевич стремился к пониманию чужих философских концепций. Учиться истории философии у него было настоящим даром судьбы. Модели, создаваемые Моисеем Самойловичем, могли быть не вполне удачными или наоборот – существенно прояснять многие важнейшие вопросы теории и истории культуры, однако они были всегда понятны и верифицируемы. С их помощью всегда удавалось развивать знание и прояснять ситуацию. Метод Моисея Самойловича, каким бы он не назывался, – системный подход, деятельностный подход, синергетика, – всегда был призван обнаружить основания для описания мира, то есть был подлинной философской работой. Такая работа не могла не быть интересной, потому

что поиск оснований невозможен без оригинальности и универсальности полученных в его результате знаний. Если ученику удавалось понять этот метод и присвоить его, он приобрел бесценный философский опыт.

3

Наше личное знакомство состоялось спустя месяц после моего зачисления в аспирантуру. Моисей Самойлович любил общаться со своими учениками дома. Я взял на кафедре его телефон, получил приглашение и приехал. Жил Моисей Самойлович в прекрасной старой квартире недалеко от метро «Чернышевская», в самом центре города. Я шел к знаменитому петербургскому профессору, живущему в таком месте, ожидая чего-то чудесного. Помню, как очень огорчился, что на массивной, обитой кожей, двухстворчатой двойной двери его квартиры не нашел металлической таблички с надписью «Профессор М.С. Каган». Но времена были иные, и подобная табличка уже мало кому внушала почтение и даже могла вызывать нездоровый интерес. Квартира М.С. Кагана была воротами в старую петербургскую культуру. Высокие потолки, длинные коридоры, многочисленные комнаты (я так и не узнал, сколько их); стены были увешаны картинами, а обстановка содержала множество произведений искусства мелкой пластики. Особенно поражал кабинет: он был очень большой и весь был заставлен и завален книгами. Они были в шкафах, на полу, на столах. Не знаю, каким образом Моисей Самойлович находил в этой библиотеке нужную для него литературу. Из окна кабинета был виден двор-колодец, куда редко могло заглянуть солнце, но сумрак и электрический свет создавали особую атмосферу уединения и покоя, искусственного тепла, так характерного для Петербурга. Свой город М.С. Каган не просто любил и изучал, он жил его жизнью, был частью этой жизни и навсегда останется ею. Воздух Петербурга сегодня невозможен без того интеллектуального компонента, который создал Моисей Самойлович.

В кабинете Моисея Самойловича было несколько столов. Два рабочих: большой, классический письменный стол и поменьше – компьютерный. Новая техника только входила в моду, но уже внесла изменение в интерьер кабинета философа. А кроме них был еще круглый – для приема гостей. Я сел за него, и мы начали беседу. К тому времени Моисей Самойлович прочитал мой реферат, и я очень боялся его мнения. Однако он почти ничего не сказал мне о его содержании, только о методе. «Если бы я был Лотманом, мне бы понравилось твое стремление все свести к коммуникативным и даже знаковым конструкциям, но мне кажется, что ты все упростил, попробуй взглянуть на мир более широко. Знаки – только одна из граней более сложной структуры мира». Я тогда не мог с этим согласиться, но не мог и просто забыть это пожелание. Оно словно исподволь заставляло меня принимать его в расчет, прорастало и стимулировало отход от моего семиотического проекта. Кандидатская диссертация, правда, была написана полностью в семиотическом стиле, но она стала последним шагом на этом пути. Универсальность взгляда на мир, присущая Моисею Самойловичу, многим казалась чем-то вроде разношерстности учебника, однако она всегда обладала единством; пускай даже это единство было подчас только формальным, оно показывало относительность любой точки зрения на культуру и требовало продолжения исследований, выходя за пределы любой методологической ограниченности. Один из моих коллег как-то раз пошутил: «У Кагана, как в Библии, все есть», – сказал он. Пожалуй, с этим можно согласиться. У всякого философа все должно быть, он не исследует какой-то определенный объект, но создает универсальную основу для исследования любого объекта. И, несомненно, М.С. Каган работал именно так.

Однажды М.С. Каган позвонил мне сам и неожиданно пригласил зайти. Оказалось, что он прочитал мою статью, посвященную памятнику Петра Великого Михаила Шемякина. В этой статье я утверждал, что памятник выражает тот период в деятельности Петра, который предшествовал его смерти. Это период, когда Император устал от своей деятельности и возможно понял всю сложность и принципиальную незавершенность ее. Я утверждал, что сомнительность петровских реформ заключалась в том, что они пытались игнорировать православные начала русской культуры, были чересчур эпигонскими в ориентации на западные образцы. Моисей Самойлович был очень разочарован. Он сказал мне, чтобы я искал нового руководителя. Атеизм Моисея Самойловича был больше чем философским скепсисом, он был последовательной позицией, граничившей с верой. Я сказал Моисею Самойловичу, что считаю религию – источником любой самобытной культуры, но ни в коем случае не основой

для философствования или научной работы. Для меня как ученого религия не является ответом на все вопросы, но не учитывать ее подлинной роли в истории культуры я не могу. М.С. Каган считал, что я преувеличиваю эту роль, но он, по крайней мере, понял, что я не отношусь к религиозным фанатикам и, будучи верующим человеком, вполне в состоянии воспринимать атеистические аргументы. Эпизод был очень тяжелым, но я решил не менять руководителя, а Моисей Самойлович – не отказываться от своего аспиранта.

Моя работа над дипломом («Онтологические основания семиотики») и кандидатской диссертацией («Семиотический анализ художественной культуры») никогда не носила характер выполнения научного задания руководителя. Я создавал готовый текст и выслушивал критику и рекомендации. Учитывал я эти рекомендации только тогда, когда считал это возможным. Наконец, работа была завершена. На предварительной защите она была просто разгромлена оппонентами. И тогда, и сегодня я не отказался ни от одного своего положения, высказанного в диссертации, и до сих пор считаю эту критику глубоко несправедливой. Единственным замечанием, с которым я согласился, было указание на то, что в работе слишком мало внимания уделено непосредственно ее предмету. В самом деле, пытаюсь создать модель семиотической структуры искусства, я слишком много занимался основаниями построения этой модели. Увлёкся философствованием. Пришлось дописать новую главу, а те, которые были представлены в первоначальном варианте, существенно сократить. Позиция М.С. Кагана в этой ситуации мне до сих пор кажется чрезвычайно поучительной. Он утверждал, и, безусловно, справедливо, что в силу чрезмерной абстрактности моей теории она трудно поддается проверке. Сам М.С. Каган считал ее непонятной и не решился поддержать или опровергнуть, но признал, что она может содержать ценные компоненты, по крайней мере, для потенциальных читателей. Тогда я не мог ничего исправить: таков был стиль моего мышления тех лет, и Моисей Самойлович хорошо это понял. Он заявил, что требовать от меня иного мышления невозможно, потому что такова уж на сегодня моя природа, и она не меняется за несколько дней, но лишь в результате длительного развития на основе собственных стимулов, а не требований со стороны.

Докторская диссертация («Общение в истории культуры») была написана уже совершенно в другом стиле. Она была прозрачна и понятна вплоть до тривиальности. Мне до сих пор она кажется более результатом требований жанра, чем научного вдохновения. В связи с ее подготовкой и защитой я не могу не вспомнить три эпизода, ярко демонстрирующих личность и научную позицию Моисея Самойловича. На обсуждении темы моей докторской зашла речь о том, что соискатель слишком молод. Никогда не забуду ответ М.С. Кагана: «Не забывайте, пожалуйста, одной важной истины, – сказал он, – ученые делятся не на молодых и старых, но на талантливых и бездарных». Когда работа была готова, возникли проблемы принципиально иного характера, чем в истории с кандидатской. Диссертация была посвящена культуре общения, М.С. Каган написал об этом книгу «Мир общения». Я тогда был уже под очень большим влиянием его философии, прочитал очень много его книг, и не мог уже не разрушать его концепции в ходе собственной их рецепции. Так, мне казалось чересчур мощным его различие общения и коммуникации. Он полагал, что возможны такие виды деятельности, в которых происходит объективация человека, и, в частности, это явление он видел в коммуникации. Я же считал, что человек остается человеком всегда, то есть сохраняет свою субъективность даже в тех случаях, когда ему приходится ее скрывать или блокировать. Спор был очень жарким. В один из моментов его М.С. Каган воскликнул: «Ты хочешь довести меня до инфаркта!». Но дело было в том, что в споре сошлись два принципиальных философа, каждый из которых обладал и аргументами, и основаниями собственной теории. Каждый так и остался при своем, но это не помешало Моисею Самойловичу активно поддержать мою докторскую диссертацию. На ее защите он даже, несмотря на то, что научному руководителю это возбраняется по статусу, позволил себе высказать ряд аргументов в пользу моей концепции, когда один из участников дискуссии пытался защищать его – М.С. Кагана – собственные тезисы о различии общения и коммуникации.

Однажды, получая заработную плату за научное руководство моим дипломным исследованием, М.С. Каган сказал мне: «Вот бы так всегда, ничего не делать, а зарплату получать». Но «ничего не делать» можно было только М.С. Кагану, потому что в своих книгах он уже все сделал. Читай и учись; ведь лучше, чем в книге, все равно невозможно высказать собственную позицию. А книг Моисей Самойлович написал очень много и щедро дарил их

своим ученикам. Покупать их было не нужно. Моисей Самойлович знал, как работать по-настоящему и как учить своих учеников.

4

Помимо личных встреч, я много видел М.С. Кагана в работе на кафедре, в аудитории, на конференциях. Обсуждение диссертаций, научные дискуссии были его настоящим коньком. Никто не мог столь мастерски воспроизвести чужой аргумент, обнаружить слабость в его основаниях и предложить способ усиления. В самой запутанной ситуации голос М.С. Кагана звучал как источник света, рассеивавший тьму. Природа этого явления, на мой взгляд, заключалась в том, что М.С. Каган был настоящим философом. Он был профессионалом-ученым, тратившим много времени на исследование чужих точек зрения, читал чрезвычайно много и систематически; я думаю, что он способен был в считанные минуты составить внушительный библиографический список почти по любому философскому вопросу. Блестящее знание европейских языков открывало ему возможности быть в курсе всех заметных явлений не только отечественной, но и мировой научной жизни. Но главное, он обладал собственной философской концепцией, позволявшей оценить другую идею. Только имея адекватную универсальную модель объекта, расположенную на прочном принципиальном фундаменте, можно понять слабость и силу иной концепции. В аудитории и на конференции он никогда не пользовался заранее подготовленными черновиками лекции и доклада. Это не нужно было делать именно потому, что концепция его была четкой и логичной. Одно вытекало из другого и представляло собой сеть, которую оставалось лишь распутать на глазах у слушателя. Сеть была универсальной, а следовательно, большой и ее можно было увеличивать или сокращать по мере необходимости.

Однажды на своем юбилее – в Санкт-Петербургском университете отмечали восьмидесятилетие М.С. Кагана – он завершал конференцию. До сих пор я помню его слова. «Если бы я не обладал чувством юмора, – сказал Моисей Самойлович, – я бы поверил всем тем комплиментам, которые получил сегодня, но я никогда не жаловался на отсутствие этого чувства. Я очень благодарен всем за поздравления, но еще больше за критику моих идей; она означает, что я работал не зря. Я был на многих юбилеях, слышал много комплиментов, поэтому и решил провести свой юбилей в форме конференции: именно реакция на мои идеи является для меня лучшим поздравлением. Меня многие критикуют, но мне уже поздно что-либо менять в своей концепции, пускай она останется такой, как есть, и я буду рад, если смогу чем-либо быть полезным моим оппонентам и ученикам в их работе. Говорят, что сегодня не принято быть понятным – это значит быть банальным, но я остаюсь рационалистом и уверен, что наука невозможна без рационально обоснованного метода. Только рациональные доводы могут принести пользу, хотя бы в форме их отрицания и критики. Если истина банальна – я выбираю банальность».

Иногда М.С. Каган казался мне последним рыцарем рационализма. И я очень страдал, когда Моисей Самойлович делал какие-то уступки времени. Так, например, его идея о том, что философия – не только наука благодаря тому, что опирается на эмпирический опыт и строит прогнозы, представляется мне именно подобной уступкой. Ведь и математика не опирается на эмпирический опыт и строит прогнозы, но остается подлинной наукой. Другое дело, что даже математика не основывается только на одной системе аксиом и допускает различные системы. В этом философия тоже мало отличается от математики. Но уступки времени и компромиссы – не были характерной чертой М.С. Кагана, главное в нем было – принципиальное следование избранной позиции, даже если большинству она казалась смешной в силу якобы своей архаичности. До конца М.С. Каган оставался рационалистом, до конца сохранил верность марксизму и научил своих учеников видеть его ценность, различать догматическое следование мертвым формулам и эвристические перспективы тех или иных идей.

В 2003 году Моисей Самойлович заболел. Начался не прекратившийся до самой его смерти период операций и недомоганий. Он всегда страдал от заболевания суставов, но теперь реже стал появляться на кафедре, отменял лекции. После операции на сердце – ему вживляли микрочип-стимулятор кардиологической активности – я с еще одной его ученицей навестил Моисея Самойловича в больницу. Помню чистую палату, кровать, книги и рукописи вокруг. Работать Моисей Самойлович не прекращал никогда, но никогда не производил

впечатление перегруженного человека. «Я не только работаю, – сказал Моисей Самойлович, – вот еще читаю прелестную беллетристику» – и показал нам книжку на французском языке какого-то неизвестного автора XIX века. Мы вошли, когда у него был врач. «Опять Ваши ученики? – спросил он. – Лечить некогда». Сколько было учеников у Моисея Самойловича? Трудно сосчитать. Как ему хватало на них времени? Невозможно понять. Однажды я спросил об этом. «Главное – уметь распределять правильно время, не отвлекаться на пустяки, посвятить всего себя делу. Например, не нужно тратить время на руководство какими-либо коллективами. Философия создается не в коллективе, каждый философ работает в одиночку, – ответил Моисей Самойлович и добавил. – Наука – это прекрасная игра; нужно никогда не забывать об этом, и только тогда она не превратится в тяжкую обязанность». К сожалению, я не сумел послушаться его совета и слишком много занимался административной работой. Ирония и шутка всегда были частью отношения Моисея Самойловича к науке и к жизни. Тогда в больнице, указав на свое сердце, он тоже пошутил: «Вот, стал киборгом». Мы очень боялись за его здоровье. Но он казался способным преодолеть все недуги. Быстро выписавшись из больницы, он вновь приходил на кафедру, вновь продолжал печатать свои книги. Начиная с 1994 года не проходило и шести месяцев, чтобы не появлялась новая. После выхода в свет трилогии «Философия культуры», «Эстетика», «Теория ценностей», мы решили устроить на кафедре его творческий вечер.

Приближаясь день рождения Моисея Самойловича, была весна, после больницы он казался совершенно таким же, как был до операции: веселым, здоровым, заряженным на работу. Моисей Самойлович рассказывал, как писал свои книги, как от своего интереса к искусству перешел к антропологии и философии культуры, поскольку понял, что ключ к загадке искусства лежит в структуре человеческой деятельности, рассказывал, как непросто было ему печатать свои работы вплоть до начала 90-х годов, как грустно бывает, когда заканчиваешь книгу, но как все оживает, когда начинаешь писать новую, как хочется успеть написать еще книгу по онтологии. Я помню, сказал ему тогда: «Вы, Моисей Самойлович, непрослительно тратите свое время. Столько лет занимались искусством, культурой, человеком и совсем забыли о бытии, оставив его на потом». «Я обязательно успею написать и о бытии. Никогда не было так, чтобы я не заканчивал то, что начинал, – ответил Моисей Самойлович». И слово свое сдержал, правда, последнюю свою книгу «Метаморфозы бытия и небытия» ему так и не довелось полистать. «Одно из самых моих больших удовольствий, – говорил Моисей Самойлович, – открыть только что вышедшую из печати книжку, особенно если я сам – ее автор». Мы слушали Моисея Самойловича и старались запомнить его слова, улыбки, жесты. Одна из аспиранток спела красивую песню про еврейского портного. Мне всегда казалось, что Моисей Самойлович принадлежит всем нациям и всем культурам, но тогда – благодаря этой песне – мы все почувствовали себя родственниками Моисея Самойловича, частью его большой еврейской семьи. Впрочем, ведь не случайно же ученики какого-либо руководителя называют себя научными детьми, сестрами и братьями. В этом почти нет преувеличения, особенно если речь идет о научной школе М.С. Кагана.

Между Моисеем Самойловичем и его учениками никогда не было дистанции. Это происходило не потому, что он позволял фамильярность к себе или к другим, нет. Это было каким-то естественным следствием его личного обаяния. Он умел уважать людей и ценил общение с ними. Помню, как, прогуливаясь по центру города с одним из коллег по кафедре, я оказался недалеко от его дома и очень захотел увидеть Моисея Самойловича. Я позвонил ему и напросился в гости. Он радушно согласился, и мы оказались в его кухне. Моисей Самойлович был очень гостеприимен: он достал нам свой любимый коньяк, нарезал закусок, и мы долго говорили. Особенно запомнились его воспоминания об ученых тридцатых-сороковых годов: В. Жирмунском, И. Иоффе, о его современниках – Игоре Конне, Федоре Абрамове. Позже я с увлечением, буквально за одну ночь, прочитал его книгу мемуаров. Весь философский факультет Санкт-Петербурга с момента его основания стал благодаря этой книге живым собранием лиц, со всеми их достоинствами и недостатками. Себя Моисей Самойлович тоже не щадил, старался не оправдывать те поступки, которые порицал, и всегда разбираться в причинах тех или иных действий. Завершая разговор в тот вечер, он с грустью сказал: «А ведь сегодня уже нет ни того интереса к науке, ни тех выдающихся людей, которых имело бы смысл слушать или читать. Но я, поняв однажды в юности, что быть профессором – лучшая в мире работа, и сегодня не променяю ее ни на что».

Мысль о том, что Моисей Самойлович есть, что ему можно всегда позвонить, всегда попросить совета или даже прийти в гости была утешением, позволяла надеяться на то, что нет ни одной неразрешимой научной проблемы, любая из них по плечу, пока жив профессор М.С. Каган. Я знал, что подлинный ответ на любой научный вопрос должен дать тот, кто его задает, что обращаться к кому-либо другому за ответом – бесполезно. Но, несмотря ни на что, мысль, что Моисей Самойлович рядом всегда была чем-то вроде знания о том, что где-то существует родной дом, куда всегда можно вернуться из любого путешествия.

5

Однажды мне удалось позвать его и к себе в гости. Он приехал со своей женой Юлией Освальдовой, и мы провели совместный семейный вечер. Я волновался накануне и узнавал у знакомых, что предпочитает Моисей Самойлович. Выяснил, что это коньяк «Hennessy». В начале застолья я предложил ему сок, на что Моисей Самойлович, улыбнувшись, заметил: «Как можно пить сок, когда еще осталось столько хорошего коньяка?». Шутки Моисея Самойловича были особым его даром, казалось, он знал все анекдоты на свете, во всяком случае, не было обстоятельства, в связи с которым он не мог бы припомнить подходящую смешную историю. Даже о себе он мог шутить очаровательно и бесконечно. Однажды я пытался что-то напомнить Моисею Самойловичу. Он посмотрел на меня своим привычным взглядом, обладавшим восхитительным сочетанием серьезного и ироничного, и сказал: «Как ты можешь, зная о моем возрасте, спрашивать меня, помню ли я о чем-либо?». В тот вечер, попробовав торт, приготовленный моей мамой, он сказал: «Не понимаю, почему мы до сих пор не стали миллионерами: если бы создать всем нам кафе, где продавался бы такой торт, – туда бы всегда стояла очередь желающих отведать подобный деликатес».

Застолье было для Моисея Самойловича как вода для рыбы. Он умел превратить его в настоящее искусство. Все знали об этом, и было само собой разумеющимся поручать Моисею Самойловичу роль организатора любого застолья – роль тамады. Благодаря Моисею Самойловичу все участники торжества всегда чувствовали себя единым целым, принимали участие в одном событии, не делились на партии и группы, в зависимости от места за столом. Искусство тамады, которым владел в совершенстве Моисей Самойлович, заключалось в его умении поддерживать постоянное внимание к своим шуткам. Он постоянно, лишь с очень небольшими перерывами, произносил тосты, а главное – поручал произносить их другим людям. Каждое доверенное лицо перед этим получало лестную и одновременно иронически окрашенную оценку. Каждый ждал своей очереди произносить тост и желал услышать слова Моисея Самойловича в свой адрес, не зная еще, чего в них будет больше – похвалы или иронии. Но даже ирония в устах Моисея Самойловича не могла не польстить. Способность сказать что-либо интересное о каждом из собравшихся была еще одним удивительным талантом Моисея Самойловича.

Благодаря Моисею Самойловичу банкет после защиты оказывался не менее значимым событием, чем сама защита. Подчас на него приходило больше народу, чем на научный диспут, и совсем не потому, что очень хотелось поесть за чужой счет. А уж если банкет был важнейшим содержанием встречи, М.С. Каган всегда оказывался его главным героем, несмотря на то, что поводом для собрания мог быть, например, юбилей кафедры или какого-либо ученого. Больше всего мне запомнился юбилей Алисы Петровны Валицкой, на котором присутствовало так много народу, что не все поместились даже за огромным столом, составленным из парт и размещенным по периметру большой кафедры эстетики и этики герценовского университета. Моисей Самойлович не только уделил внимание почти каждому из присутствующих и даже сгруппировал их, посвятив каждой группе отдельный тост, но и превратил застолье в драматическое событие, со своими завязками, кульминациями и финалом. Последовательность тостов была выстроена филигранно, и, благодаря ей, Алиса Петровна предстала самой очаровательной и самой значительной персоной на празднике. Восхищению Моисеем Самойловичем никогда не было конца, в него продолжали влюбляться молодые аспирантки, несмотря на всю противозаконность подобных чувств. Впечатление полноты жизни, оставленное им, никогда не забудется никем из тех, кому посчастливилось его получить.

Не могу не вспомнить и о том, каким был Моисей Самойлович во время грустных событий. После похорон профессора Галины Константиновны Щедриной, во время поминок мы не могли сдержать слез, настолько ужасной казалась эта утрата. Ее смерть была стреми-

тельной и неожиданной, никто не знал о том, что она уже давно была смертельно больна и страшно страдала. Мужественно перенося боль, она никому не пожаловалась на нее, никому не захотела принести своим несчастьем даже беспокойства. Говорить было очень тяжело, но Моисей Самойлович нашел именно те слова, которых так не хватало. «Галина Константиновна, – сказал он, – очень любила то, чем занималась, она смогла передать эту любовь людям, которые ее окружали. Пока мы храним эту любовь, будет существовать и память о ней, будет существовать наша наука, будет существовать наша петербургская культура, частью которой навсегда останется Галина Константиновна. Мне бы очень хотелось, чтобы ее пример никогда не был забыт, чтобы Петербург не остался без тех людей, благодаря которым он достоин любви». Мы слушали его слова и знали, что Моисей Самойлович с нами, что мы никогда не забудем Галину Константиновну, что Петербургская наука будет жить даже тогда, когда уйдут те, кто сегодня составляет ее гордость и славу. И это было лучшим утешением для нас в те скорбные минуты.

В последний год жизни Моисея Самойловича я не видел его. Мне пришлось уехать на Дальний Восток России. Командировок было мало, я появлялся в Санкт-Петербурге раз или два в год, и вот в конце осени 2005 года узнал, что Моисей Самойлович смертельно болен. Я захотел позвонить ему, но не знал, о чем говорить. Прежде я звонил тоже, но никогда не чувствовал, что может настать такой момент, когда наш разговор окажется последним, и я не боялся не звонить подолгу. А теперь я испугался, но мне не хотелось, чтобы Моисей Самойлович чувствовал этот страх. Ему и без меня достаточно страха. Однако он все-таки почувствовал его, даже несмотря на то, что мы разговаривали по телефону. «Ты узнал о моей болезни? – спросил он. – Не волнуйся, я многое успел, и врачи сказали мне, что у меня еще есть некоторое время для того, чтобы закончить задуманную работу. Я хочу составить собрание моих сочинений. Если успею – значит, у меня была действительно счастливая судьба». И он все успел. Пожалуй, только учебника по философии для детей не написал, про который говорил в последние годы. Но собрание сочинений и книга по онтологии были подготовлены им. Последний мой звонок состоялся за неделю до его смерти. Тогда зимой я звонил ему каждую неделю, иногда он разговаривал со мной, иногда мне говорили, что ему плохо и он не в состоянии общаться. Чаще я все же слышал его голос. Мне, наконец, удалось прояснить сроки командировки: она должна была состояться через месяц. «Мы увидимся? – спросил я». «Обязательно, если, конечно, я буду жив», – ответил Моисей Самойлович. На его похороны я попросил прийти мою маму, которую Моисей Самойлович знал; она рассказала мне о них, что могла. Я ужасно переживал, что сам не смог попасть туда и в последний раз посмотреть на своего учителя. Но то, что я запомнил его живым и здоровым, тоже важно.

Сегодня у меня нет утешения в том, что я могу задать вопрос Моисею Самойловичу и получить на него ответ. Утрата великого ученого невосполнима не только потому, что ушел человек, которого любили родные или знакомые и который был неповторим и ценен благодаря этому. Это утрата учителя, который знал что-то такое, чего не знал никто до него и никто после не будет знать. И знание это было ценностью для всего научного сообщества. Но со всякой утратой придется смириться. Моисей Самойлович все успел. Он сделал так много, что никогда отечественная культурология и эстетика не будет уже существовать без его вклада в них.

Книги долговечнее их авторов, и они будут продолжать растить семью учеников Моисея Самойловича. Сегодня они стали хрестоматийными, и я каждому своему студенту говорю, что существует такое множество интересных текстов в современной культурологии, что можно многое не успеть прочитать, однако книги Моисея Самойловича Кагана необходимо прочесть в первую очередь, поскольку они обладают способностью быть понятными даже начинающим и полезными даже тем, кто уже решил, что все знает. Книги остаются даже тогда, когда уходят те, кто знал их автора – Моисея Самойловича Кагана. Но его шутки, его уважение к коллегам и ученикам, его живая речь, его любовь к науке, его пример профессионализма и образ настоящего философа никогда больше не будут существовать для тех, кто не слышал их и не пережил. Именно поэтому я пишу эти воспоминания, они дороги мне как часть моей жизни и как единственный оставшийся мне способ общения с живущим в них Моисеем Самойловичем Каганом.

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ КНАГТУ
НАУКИ О ЧЕЛОВЕКЕ, ОБЩЕСТВЕ И КУЛЬТУРЕ 2010

СТАТЬИ

История

- Азаренков А. А., Азаренкова Н. Н. Американские внешнеполитические приоритеты в дальневосточном регионе и советская Россия – СССР. Эпоха «просперити», 1922 – 1928 № 4
- Алепко А. В. Актуальные проблемы отечественной историографии истории международных экономических отношений на Дальнем Востоке Российской Империи № 2
- Алепко Н. А. Проблемы формирования системы экономических отношений России и Японии в 60-е гг. XIX в. № 3
- Ахметова А. В. Историографические оценки политики советского государства в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока в 1960 – начале 1980-х гг. № 2
- Ахметова А. В. Деятельность научно-медицинских экспедиций по изучению здравоохранения коренного населения Дальнего Востока в конце 1940-х гг. № 4
- Валеев А. М. Развитие физкультурно-спортивного движения на Дальнем Востоке в 1945-1975 годы № 3
- Васильченко О. А. Корейцы на советском Дальнем Востоке (1923 – 1937 гг.) № 1
- Васильченко Э. А. Развитие женского социума на Дальнем Востоке
В период его заселения и хозяйственного освоения: методология проблемы № 2
- Васильченко Э. А. Стратегия развития Дальнего Востока России: исторический аспект № 4
- Гальперин М. С. Бюрократия и политика «самоусиления» в Китае (1862 – 1894 гг.) № 3
- Гореликов А. И. Ликвидация кулачества в национальных районах Дальнего Востока в 1930-е годы № 1
- Гореликов А. И. Коренные народы амуро-сахалинского региона в российском измерении: концепция развития № 3
- Дворников И. Н. Специфика подготовки военных переводчиков в приамурском военном округе в конце XIX начале XX веков № 1
- Киба Д. В. Материальные условия труда и быта художественной интеллигенции Дальнего Востока в 1950-е гг. № 1
- Кузина И. Л. Социально-бытовые условия жизни Дальневосточной молодежи 30-х годов № 4
- Люшилин Е. Л., Долгов Л. Н. Политическая борьба в ходе принятия программы форсированной индустриализации: региональный аспект № 2
- Люшилин Е. Л., Долгов Л. Н. Военная и промышленная реконструкция Дальнего Востока рсфср: 1932 – 1936 гг. № 3
- Петрова О. А. Порядок осуществления переселений на дальневосточные территории в конце XIX – начале XX вв № 1
- Петрунина Ж. В. Отечественные публикации XIX в. в контексте формирования российско-египетских отношений № 4

Психология и педагогика

- Бурбыгина В. В. Культурно-воспитательный потенциал айкидо в системе физического воспитания студентов № 3
- Булавенко О.А., Миханев В.И. Сущностные характеристики профессиональной компетентности современного специалиста № 1
- Гранина Н. М. Обучение основам информационной культуры в Комсомольском-на-Амуре государственном техническом университете № 1
- Долотов Б. И., Бердонос В. Д., Долотова М. Б. Развитие творческого воображения № 3
- Егурнова А. А. Обучение культуре письменной речи как средство развития профессиональных компетенций лингвистов № 1
- Золотухина В. П., Случанинов Н. Н. Особенности курса иностранного языка для магистров-энергетиков № 4
- Комиссарова А. В. Педагогические технологии в аспекте формирования информационной компетентности студентов № 2

- Матухно Е. В. Фактор готовности в формировании установки на успешность профессиональной деятельности № 3
- Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В. Инновационный потенциал образовательного учреждения как условие развития социальной и коммуникативной компетентности обучающихся № 1
- Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В. Сущность и структура социальной и коммуникативной компетентностей личности № 2
- Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В. Возрастные особенности социально-коммуникативного развития личности № 3
- Наливайко Т. Е., Шинкорук М. В. Развитие социальной компетентности обучающихся в системе дополнительного образования № 4
- Олещук В. А., Дмитриев Э. А. Подготовка инженеров машиностроительного и металлургического профиля для современного производства Дальнего Востока № 3
- Петрова Е. Ю. Обучение профессионально-ориентированному деловому иноязычному общению в техническом вузе № 3
- Седельников Г. Д., Скоморовский С. А., Гринфельд Г. М. Электронные технологии обучения в дальневосточном вузе № 2
- Товбаз Е. Г. Кристаллизация значений и смыслов в процессе усвоения и преобразования психолого-педагогических понятий № 2
- Цевелева И. В. Социально-правовая активность личности № 2
- Шароватова С. А. Профессиональная мотивация в современном вузе № 4
- Яремчук С. В. Стремление к саморазвитию, его возрастная и ситуационная динамика № 4

Филология и искусствознание

- Авдеенко И. А. Символ, концепт, текст: пространство эксперимента № 1
- Авдеенко И. А. Контекстные ассоциации их интерпретация при описании семантики символа № 3
- Анисимова Е. С. Основные аргументативные особенности дискурса счастья в американских средствах массовой информации № 2
- Гацкан А. В. Особенности портретного описания в различных стилях и жанрах современного французского языка № 4
- Горобец О. Б. Похвала и комплимент: межжанровые границы № 2
- Иванова Е. П. Новые возможности семантизации лексической единицы в мультимедийном словаре № 1
- Ковальчук Е. А. Оценка качества перевода: проблема поиска эффективных методов, стандартов и параметров № 2
- Кованцева Л. Ю. Функциональный аспект терминологических единиц в специальных текстах № 4
- Кохан О. В. Особенности коммуникативного процесса в немецкой и русской культуре № 1
- Мазур И. В. Речевой жанр «комплимент» в различных сферах франкоязычной коммуникации № 4
- Нечаева А. В. Традиции наименования в англосаксонских королевских династиях (на примере Уэссекского королевства) № 3
- Шунейко А. А., Авдеенко И. А. Сценарии информационно-коммуникативных событий (общее определение) № 1
- Шунейко А. А., Авдеенко И. А. Целевые установки сценариев информационно-коммуникативных событий № 2
- Шунейко А. А., Авдеенко И. А. Предпосылки реализации сценариев информационно-коммуникативных событий № 3
- Шунейко А. А., Авдеенко И. А. Участники сценариев информационно-коммуникативных событий № 4
- Шушарина Г. А. Приемы речевого манипулирования в политическом дискурсе США № 3

Философия, социология и культурология

- Брейтман А. С. Проблема власти и свободы в кинотриптихе Александра Сокурова № 1
- Докучаев И. И. Достоверность сквозь призму рефлексии № 1

- Доровская В. В., Доровский И. В. Православное храмостроительство в г. Комсомольске-на-Амуре № 1
- Есаулкова Л. С. Функции устойчивости и преемственности традиций в китайской культуре № 3
- Затулий А. И. Homo virtualis: исследование процессов виртуализации дальневосточного региона № 2
- Иванов Ант. А., Захаров В. С. Ландшафтные практики в современных городских играх encounter № 3
- Иванов Анд. А. Интеллектуальные практики в социальных процессах цивилизации модерна № 1
- Иванов Анд. А. Демонический образ детства в кинематографе № 4
- Иващенко Я. С. Опиум, табак и водка в культуре нанайцев: к истории межкультурной коммуникации на Дальнем Востоке № 1
- Кураев И. Ю. Социальная структура обществ закрытого типа и социальная мобильность № 1
- Латина С. В. Женские образы в книге-эссе С. Де Бовуар «Второй пол» № 2
- Лебедева Е. А. Творчество как высвобождение внутренних сил: учение Бхагавана Шри Раджниша (ошо) и дзэн-буддизм № 2
- Мироненко Л. А. Бэби-бума не будет, или к вопросу о репродуктивных установках школьников и студентов Комсомольска-на-Амуре № 3
- Некрасова Е. Е. Физическое пространство как составляющая национального культурного пространства № 3
- Спесивцева С. Н. Лозунги и плакаты как отражение революционной ситуации 1968 года во Франции № 4
- Сюй М. В. Семантика растительной символики Китая № 4
- Тарасова е. А. Феномен «власть» в культуре древнего Китая № 4
- Тендит К. Н. Инверсия культовой реальности № 1
- Филипова А. Г. От государственных докладов о положении детей: к социографии детства № 1
- Чебанюк Т. А. Современная культура: структурно-системные характеристики № 1
- Черкасова Ю. В. Структура архитектурного пространства в культурно-историческом контексте № 2
- Чернышова Л. Д. Исламский фундаментализм: теория и практика № 4
- Чибисова О. В. Взаимодействие молодежных субкультур как тип межкультурной коммуникации № 2
- Чибисова О. В. Молодежные субкультуры: взаимообмен фондами № 4

Экономика

- Бондаренко О. В., Олиферова О. С. Деформации заработной платы как фактор снижения благосостояния населения № 1
- Каткова Е. Н., Павлов Р. В. Влияние современных условий образования и рынка труда города на профессиональное развитие молодого специалиста № 1
- Каткова Е. Н., Павлов Р. В. Предпринимательство как альтернативный вариант трудоустройства молодых специалистов № 2
- Киселев Е. П., Сысоев Е. О. Продовольственная безопасность в ведущих странах дальневосточного региона № 4
- Маркова И. С. Развитие индустрии отдыха как лейтмотив демографической политики России № 2
- Осипов С. Л., Осипова Е. С. Вариативные модели измерения налогового потенциала № 4
- Парамонова Г. П., Потапова Н. С. Пути модернизации предприятий оборонно-промышленного комплекса г. Комсомольска-на-Амуре № 2
- Симоненко Н. Н., Иванова И. Е. Кредитный риск – проблема государственная № 1
- Симоненко Н. Н., Пономарева Е. А. Мотивация повышения эффективности управления персоналом № 4
- Смирнова Н. А. Приоритетные направления государственного регулирования сельского хозяйства № 1
- Усанов Г. И., Старинов Г. П. Деликтные риски организаций: Идентификация, диагностика и управление № 1

Усанов Г. И., Харченко С. В. Интенсификация инновационных процессов на промышленных предприятиях судостроительной отрасли Дальнего Востока России № 3

Яковлева Т. А. Человеческий капитал – ресурс для инновационной экономики № 2

МЕТОДИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ

Вольский А. Л. Основы герменевтического метода: учебная программа № 1

Чибисова О. В. Методика обучения переводу: учебная программа № 2

РЕЦЕНЗИИ

Егурнова А. А. Наливайко Т. Е. «М. В. Шинкорук Диагностика предметных, коммуникативной и социальной компетентностей обучающихся: моногр. – Владивосток: изд-во дальневост. Ун-та, 2009. – 175 С.» № 3

Лебедева Е. А. ««Слово – чистое веселье...»: сб. Статей в честь Александра Борисовича Пеньковского / отв. Ред. А.М. Молдаван. – М.: Языки славянской культуры, 2009. – 616 С.» № 2

Лебедева Е. А. «Поэтика и эстетика слова: сборник научных статей памяти Виктора Петровича Григорьева / под ред. З. Ю. Петровой, Н. А. Фатеевой, Л. Л. Шестаковой. — М.: Ленанд. — 464 С.» № 3

Лебедева Е. А. Высоцкая И. В. «Субстантивация в свете теории синхронной переходности: монография. – Новосибирск: НГПУ, 2009. – 192 С.» № 4

Мальшева Н. В. Артеменко Э.Г. «М. Бугайски Язык коммуникации / пер. с польск. – Х.: Изд-во «гуманитарный центр» – 544 С. » № 4

Меньшиков А. А. «И. И. Докучаев Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры – СПб: Наука, 2009, – 595 с.» № 1

Меньшиков А. А. «Studia linguistica cognitiva. Вып. 2: Наука о языке в изменяющейся парадигме знания. – Иркутск: Изд-во БГУЭП, 2009. – 352 С.» № 2

Меньшиков А. А. «И. И. Докучаев Феноменология знака. – СПб.: Наука» № 3

Костюрина Н. Ю. «Т.А.Чебанюк Парадигма «человека просвещенного» в русской культуре конца XVII – первой четверти XIX века. Монография. – Изд. 2-Е, перераб. и доп. – Хабаровск: дальневосточная государственная научная библиотека, 2007. – 382 С.» № 1

Костюрина Н. Ю. «Т. А.Чебанюк Методы изучения культуры: учебное пособие. – СПб.: Наука. – 350 С.» № 2

Костюрина Н. Ю. «Сергей Евгеньевич Ячин. Состояние метакультуры. - Владивосток: Дальнаука. - 267 С.» № 3

Костюрина Н. Ю. «Р.Ю. Ибрагимов Русская рулетка? Национальный вопрос и судьба России. - М., 2009. - 215 С.» № 4

Шунейко А. А. «Ю. А.Говорухина Метакритический дискурс русской критики: от познания к пониманию. – Томск: Изд-во Ид Ск-с, 2009. – 130 С.» № 1

ХРОНИКА НАУЧНОЙ ЖИЗНИ

Васильченко А. С. Международный симпозиум «Образование, наука, производство: проблемы, достижения и перспективы» № 4

Докучаев И. И. Международная научная конференция «Социология и культурология: Новые водоразделы и перспективы взаимодействия» (1 - 3 апреля 2010 г., Москва) № 2

Докучаев И. И. Умер лидер возрождения философской культуры в России № 3

Егурнова А. А. Хxxx научно-техническая конференция студентов и аспирантов (КНАГТУ, секция «Педагогика и психология») № 3

Костюрина Н. Ю. Третий культурологический конгресс или самоорганизация культурологов № 4

Лебедева Е. А. XII краевой конкурс молодых учёных (ДВГТУ, секция «Гуманитарные науки») № 1

Семенов Д. И. Студенческий научный форум 2010 № 2

Шушарина Г. А. 8-ая международная конференция «Обучение английскому языку: от глобализации к культурному многообразию» № 3